ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК ФИЛЬМОВ «БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ» И «БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ 2049»

ФИЛИП К. ДИК

МЕЧТАЮТ ЛИ АНДРОИДЫ ОБ ЭЛЕКТРООВЦАХ?

PHILIP K. DICK

Мечтают ли андроиды об электроовцах?

Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип Киндред Дик. Мечтают ли андроиды об электроовцах?
Трудно быть человеком
Мечтают ли андроиды об электроовцах?
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16

Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22

Аннотация

После ядерной войны Земля превратилась в пустыню, покрытую радиоактивной пылью. Животные вымирают, люди эмигрируют во внеземные колонии. Оставшиеся влачат жалкое существование в разрушающихся городах. Сотрудник полиции Рик Декарт получает задание найти и уничтожить группу андроидов, сбежавших с внешней колонии на Землю. Но постепенно Рик начинает задаваться вопросом: а так ли уж андроиды отличаются от людей? И где пролегает та граница, что их разделяет?

Роман номинировался на премию Небьюла и был экранизирован Ридли Скоттом в 1982 году.

Филип Киндред Дик
Мечтают ли андроиды об электроовцах?

Philip K. Dick
DO ANDROIDS DREAM OF ELECTRIC SHEEP?
Copyright © 1968, Philip K. Dick.
Copyright renewed © 1996, Laura Coelho, Christopher Dick and Isolde Hackett.

© М. Пчелинцев, перевод на русский язык, 2018
© А. Рух, вступительная статья, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Трудно быть человеком

Оглядывая биографию Филипа Киндрета Дика, можно с уверенностью сказать, что он был эталонным неудачником. Фактически по-настоящему ему повезло в жизни только один раз — когда из-за осложнения при родах матери умерла его сестра-близнец, а не он. Впрочем, этого Дик не простил себе до конца своих дней. Остальное — череда неудач, типичная для «непризнанного гения». Пять распавшихся браков, отказ в сотрудничестве со стороны большинства более-менее престижных (и платящих солидные гонорары) издательств, бесконечные метания между наркотиками и психиатрическими лечебницами и, наконец, смерть от передозировки амфетаминов менее чем за месяц до премьеры «Бегущего по лезвию бритвы» — фильма, давшего его наследникам все, о чем он мог только мечтать.

И все же Филип Дик прожил жизнь, которой можно позавидовать: ведь созданные им книги перевернули сознание не одного поколения читателей.

В 1964 году Дик пишет рассказ «Маленький чер-

ный ящичек». Историю новоявленного пророка Уилбура Мерсера (от английского mercy — «сострадание»), создавшего новый религиозный культ, основанный на эмпатии — способности человека сопереживать живым существам. С помощью эмпатоскопа, специального прибора, передающего эмоции, адепты нового верования могут разделить с Мерсером испытываемые тем страдания. Постепенно мерсеризм становится все более популярен, хотя о его создателе ровным счетом ничего не известно: он — лишь образ из эмпатоскопа, человек, под градом камней упрямо поднимающийся по склону холма. Более того: дотошные исследователи, исходя из некоторых особенностей пейзажа, установили, что действие происходит не на Земле! Правительство, понимающее, что религия, основанная на сопереживании, лишает власть возможности контролировать граждан, начинает всеми силами бороться с мерсеризмом, однако он лишь приобретает все новых и новых сторонников. Что это — духовная революция или подготовка к инопланетному вторжению, — так и остается загадкой: у «Маленького черного ящичка» открытый финал.

Четыре года спустя выходит роман «Мечтают

ли андроиды об электроовцах». Роман, описывающий мир, переживший Финальную Всеобщую Войну. Точнее, не переживший. Пребывающий в мучительной агонии в ожидании неминуемого конца. Мир, в котором мерсеризм стал главенствующей, а пожалуй, и единственной религией, а эмпатоскоп — обязательным атрибутом каждого жилища. Именно в этом мире, где убийство живого существа воспринимается даже не преступлением, а непостижимой патологией, ведет свою войну Рик Декард. Охотник на андроидов.

Экологическая катастрофа, приведшая к уничтожению большей части земной биосферы, вынуждает правительства всеми способами поощрять эмиграцию на только-только колонизируемый Марс. Промышленные гиганты, вроде Розеновской корпорации, наживают колоссальные барыши, делая быт переселенцев более сносным: ведь каждый, кто согласится оставить умирающую Землю, получает в дар бесценного помощника-андроида, ничем практически не отличимого от человека. Ничем, кроме одного: он — не человек. Машина, не способная испытывать эмпатию — и быть объектом эмпатии своих хозяев. Разумная, чувствующая вещь.

Стоит отметить, что Дик, вместе с большин-

ством своих коллег по «Новой волне» американской фантастики, весьма охотно пользуется тем, что примерно в то же время братья Стругацкие сформулировали как «счастье ничего не объяснять». В отличие от своих старших товарищей по цеху, столпов Золотого века SF, тщательно обосновывающих каждое свое допущение с позиций современной им науки (отчего большинство из них выглядят сейчас довольно наивно), авторов «Новой волны» куда более интересует не мир, зачастую весьма условный, а взгляд на человека и его место в мире с необычного ракурса.

Именно поэтому множество возникающих при чтении романа вопросов так и остаются без ответа. Более того: автора куда больше интересует не логика повествования или непротиворечивость создаваемой им картины, а то, каким образом герой (и, конечно, читатель — в первую очередь читатель!) станет разрешать возникающие этические коллизии. Именно поэтому некоторые вводимые автором установки кажутся неестественными и даже надуманными. Например, одно из ключевых допущений романа — для побега с Марса андроидам необходимо убить своих владельцев. Зачем, с какой целью? Неясно. Зато последующая охота на «бедных анди» становится

полностью оправданной, ведь каждый из них — убийца. Собственно, создание таких коллизий и является авторской целью. Дик виртуозно раскачивает ситуацию, повышает напряжение — чтобы, наконец, по классическому канону привести героя к катарсису.

Рискну предположить — а там, где автор отказывается от должных обоснований, «читательские теории» более чем правомочны, — что в конечном счете все упирается в человеческую натуру, изменить которую не под силу никакому этическому учению. Сам Декард замечает, что «способность к состраданию возможна только у травоядных животных да, может быть, у тех всеядных, которые могут переходить на чисто растительную диету». Однако человек, пусть и перешедший на искусственный белок, продолжает оставаться хищником. В условиях, когда эмпатическая политкорректность начинает распространяться даже на насекомых, людям жизненно, биологически необходим Враг. Объект для охоты, выведенный из сферы всеобщего сострадания — и в то же время воспринимаемый в качестве полноценной добычи. И демонизация андроидов здесь действительно кажется оптимальным выходом. Не правда ли, очень похоже

на не такие уж давние времена, когда из числа людей исключали то за цвет кожи, то за образ мыслей.

В самом деле. Когда-то человеком считался соплеменник. Затем — говорящий на одном языке, принадлежащий к одной религии, расе, культуре. Наконец — биологическому виду. Но предел ли это?

Кажется, ключевой вопрос романа — может ли человек в принципе распространить эмпатическое чувство на андроида? Или, иными словами, является ли искусственно созданная жизнь — жизнью? Ситуация с отношением к электронным животным, на первый взгляд, дает отрицательный ответ: зооморфные механизмы приобретаются сугубо для того, чтобы пустить пыль в глаза соседям (или, как в случае с Розеновской корпорацией, клиентам). Даже фургоны, доставляющие сломанных электроживотных в ремонт, замаскированы под ветеринарные. Именно поэтому сам факт того, что чей-то питомец является машиной, является страшной и где-то постыдной тайной. Рик Декард настолько фрустрирован тем, что его овца — не живая, что готов буквально на все ради того, чтобы заменить ее оригиналом.

Однако в тексте довольно недвусмысленно показано, что разница в отношении к настоящим и электронным животным искусственна и надуманна. Человек, не знающий, что именно находится перед ним, по умолчанию испытывает эмпатию к объекту — и лишь убедившись, что перед ним «оно», неодушевленная имитация, отказывается от сопереживания. Особо заметно это в ситуации с совой Скрипи, которую Декард сперва принимает за живую.

Неудивительно, что постепенно Рик — в том числе и в силу профессиональной деформации — начинает испытывать к своим «клиентам» чувства, далекие от сугубо профессионального долга. Он искренне восхищается вокальными данными Любы Лофт, звезды сан-францисской оперы. Да, убедившись в том, что она один из бежавших с Марса андроидов, Декард без колебаний убивает ее, становясь еще на тысячу долларов ближе к заветной мечте о настоящем животном. И тем не менее отсутствие колебаний не означает отсутствия сожалений.

Однако — и это еще одна бомба, которую Дик подкладывает под успевшего расчувствоваться читателя, — как только вокруг всеми преследуемых беглых анди начинает светиться некий

ореол без вины гонимых, этакая сень хижины дяди Тома, следует одна из самых ярких сцен романа: Прис Страттон, ради забавы калечащая паука, подобранного слабоумным Джоном Изидором, на свою беду приютившим группу андроидов. И дело вовсе не в судьбе несчастного членистоногого: сам Изидор страдает от мучений своего нечаянного питомца ничуть не меньше, а тезис «андроиды — не люди, а бездушные убийцы» вновь перестает казаться неприемлемым.

Цинизм ситуации усугубляется тем, что, несмотря на то что рабы-андроиды объявлены на Земле вне закона, их более удачливые братья по конвейеру делают блестящие карьеры, достигая таких высот, на которых никакой «охотник за головами» с его тестами и пистолетами уже не страшен. Такова Рэйчел, сотрудница Розеновской корпорации. Таково руководство фальшивого, но при этом наделенного вполне реальными возможностями полицейского управления. Кто еще? Политики? Воротилы бизнеса? Всех не протестируешь. Андроидом оказывается даже главный конкурент Уилбура Сострадающего — телезвезда Дружище Бастер, ведущий самое популярное круглосуточное ток-шоу. И показательно, что именно Бастер взрывает бомбу под самим уче-

нием Мерсера, доказав, что взбирающийся под градом камней по склону холма старик, которому сопереживало большинство оставшихся землян, — обыкновенный актер, а казавшийся инопланетным пейзаж — всего лишь грубо намалеванный задник съемочного павильона.

Что это — месть андроидов, погоня за рейтингом, конкурентная борьба медиа или что-то еще? Ответа, разумеется, нет. Но важен ли он? Для сюжета, для мира — возможно. Для населяющих же Землю людей куда важнее не подлинность фигуры Уилбура, а те чувства, которые каждый из них испытывал, разделяя с ним посильную часть пути. Ведь шрамы от ран, оставленных брошенными во время погружения в эмпатоскоп камнями, подлинные.

И, пожалуй, это единственная реальность, в которой невозможно усомниться.

* * *

В 2005 году специалистами компании Hanson Robotics был создан робот, внешность которого в точности копирует образ — ну да, кого же еще! — Филипа Дика. Через несколько месяцев андроид загадочным образом исчез. Требований о выкупе, которых ожидали конструкторы, так и

не поступило.

Разумеется, все это не более чем забавный казус, еще одна, посмертная, виньетка в причудливой вязи писательской биографии. Но знаете — хочется верить. Верить, что мир сложнее обыденных схем, что возможно всякое — если не все. В то, что именно этому андроиду удалось то, чего так и не сумели добиться его кузены. Получить свободу. Избавиться от статуса вещи.

Может быть, завести овцу.

Аркадий Рух

Мечтают ли андроиды об электроовцах?

Окленд

Вчера умерла черепаха, подаренная в 1777 году путешественником капитаном Куком вождю аборигенов острова Тонга. Ей было почти двести лет.

В столице Тонга Нуку, в садах Королевского дворца, опочило животное, именуемое Ту'ималья. Народ Тонга считал это животное одним из своих вождей, для ухода за ним были назначены специальные смотрители. При случившемся несколько лет назад лесном пожаре оно ослепло.

Согласно сообщению Радио Тонга, скелет животного Ту'ималья будет передан Новой Зеландии для экспонирования в Оклендском музее.

Агентство Рейтерс, 1966

Глава 1

Пенфилдовский генератор настроений разбудил Рика Декарда звонким, радостным всплеском электричества. Привычно удивленный неожиданным, без всяких предупреждений, возвращением из царства сна в мир реальный, Рик спрыгнул с кровати, одернул радужную, под стать своему утреннему настроению, пижаму и сладко, с хрустом потянулся. На соседней кровати его жена Айран разлепила светло-серый тоскливый глаз и тут же со стоном его захлопнула.

— Ты ставишь будильник своего «Пенфилда» на слишком низкий уровень, — сказал Рик. — Давай я немного прибавлю, тогда ты проснешься и…

— Не суйся в мои настройки, — (Рик совсем уже ожидал услышать продолжение: «Не мешай мне спокойно умереть», однако так далеко Айран не пошла.) — Я не хочу просыпаться.

Он сел на краешек ее кровати, наклонился и начал терпеливо объяснять:

— При достаточно сильном импульсе ты будешь рада, что проснулась, в том-то вся и штука. На уровне «С» он превзойдет защитный порог бессознательного нежелания просыпаться, вот

как, скажем, у меня.

Рик добродушно — он неизменно ставил свой будильник на «Д», а потому просыпался буквально распираемый любовью ко всему окружающему, — потрепал ее по бледному, как пасмурный рассвет, плечу.

— Держи при себе свои полицейские лапы, — поморщилась Айран.

— Я не коп, — сказал Рик, в нем поднималось не предусмотренное программой раздражение.

— Ты еще во сто раз хуже, — сказала Айран, все так же не открывая глаз. — Ты — наемный убийца на подхвате у копов.

— Я в жизни не убил ни одного человека. — Его раздражение быстро переходило в прямую враждебность.

— Ну да, — саркастически усмехнулась Айран. — Только бедных андиков, а они не в счет.

— То-то ты мгновенно тратишь все мои премиальные на первую, что попадется, дребедень. А ведь можно было бы немного пооткладывать и купить вместо этой электрической подделки, что пасется у нас наверху, настоящего живого барашка. Электрический фальшак — и это при том, что я год за годом вкалываю как проклятый, имею вполне пристойное жалованье плюс пре-

миальные и все, до последнего цента, несу в дом!

Завершив эту тираду, Рик резко встал и направился к пульту своего «Пенфилда» с намерением набрать либо подавление таламической активности (чтобы быстро приглушить его гнев), либо стимуляцию ее же (и завестись до такой степени, что появится шанс переорать эту стерву).

— Давай, давай, — сказала совсем уже проснувшаяся Айран. — Увеличивай свою склочность, и я тогда сделаю то же самое. Я выведу ее на максимум, и ты получишь такой скандальчик, перед которым все наши прежние склоки — просто нежное воркование. Набирай, набирай, а уж за мной-то не заржавеет.

Она подскочила к пульту и замерла, сверкая на Рика потемневшими от злобы глазами.

Так что теперь выбор сильно упрощался: либо безоговорочная капитуляция, либо полный, сокрушительный разгром.

— Я просто собирался набрать то, что нужно сегодня по графику, — соврал Рик и взглянул на график. Сегодня, третьего января две тысячи двадцать первого года, ему требовалось деловое, активное настроение. — Если я наберу по графику, ты сделаешь то же самое?

Наученный печальным опытом, он не спешил

тыкать кнопки, не получив от нее ясного ответа, а то еще поставишь себе «деловое, активное» и тут же нарвешься на разъяренную фурию.

— Мой сегодняшний график включает шестичасовую глубокую депрессию с самотерзаниями, — сообщила Айран.

— Что? Да зачем тебе это? — Такая комбинация противоречила самой идее генератора настроений. — Вот уж не думал, что меню «Пенфилда» позволяет набрать подобную жуть.

— Я тут сидела как-то одна, — сказала Айран, — ну и включила передачу «Дружище Бастер и его дружелюбные друзья», и он сперва обещал рассказать какую-то потрясающую новость, а потом вдруг пошел этот кошмарный ролик — ну, ты знаешь, про маунтибэнковские защитные штаны. Я вырубила на время звук и вдруг услышала… ну, это… наше здание. Я услышала… — Она сделала неопределенный жест.

— Пустые квартиры, — догадался Рик.

Ночью, когда все уже спят, он тоже иногда их слышал. Но теперь ведь даже полупустой дом вроде этого котировался по шкале заселенности достаточно высоко. В пригородах — в тех районах, что до войны были пригородами, — до сих пор встречались абсолютно пустые здания

— так, во всяком случае, рассказывали. Подобно большинству нормальных людей, он совсем не рвался лично проверить эти слухи.

— И в этот момент, — продолжила Айран, — когда я вырубила звук телевизора, я была в настроении триста восемьдесят два, только что его набрала. А в результате, хотя умом я слышала пустоту, я ее не ощущала. Сперва я возблагодарила Господа, что мы можем себе позволить такую роскошь, как пенфилдовский генератор настроений, а потом вдруг осознала, насколько это нездорово и противоестественно — ощущать отсутствие жизни, и не только в нашем здании, но и везде, повсюду, и никак не отзываться на это душой, ты меня понимаешь? Скорее всего — нет. А ведь когда-то это считалось верным признаком психического расстройства — «отсутствие адекватной реакции», так это называлось. Тогда я не стала больше включать звук телевизора, подошла к своему «Пенфилду» и начала экспериментировать. Ну и в конце концов наткнулась на комбинацию, генерирующую безысходное отчаяние. — На ее смуглом живом лице отразилось удовлетворение успешно завершенным трудом. — Теперь я включаю ее в свое расписание дважды в месяц по шесть часов кряду — думаю,

это вполне разумное время, чтобы глубоко прочувствовать безнадежность всего, что есть, — в частности, того, что мы так и торчим здесь, на Земле, когда все нормальные люди давно уже эмигрировали; ты со мной согласен?

— Вот установишь ты эту свою комбинацию и завязнешь, не захочешь из нее выходить, — сказал Рик. — Такое всеобъемлющее отчаяние имеет свойство само себя поддерживать.

— А я, — хитро улыбнулась Айран, — запрограммировала автоматическое изменение установки, сразу на три последующих часа. Четыреста восемьдесят один, осознание многогранных возможностей, открытых для тебя в будущем, новая надежда на…

— Да знаю я, что такое четыреста восемьдесят один, — перебил Рик, который уже много раз пользовался этой комбинацией и очень в нее верил. — Послушай. — Он сел на свою кровать, взял Айран за руки и усадил рядом с собой. — Любая депрессия крайне опасна, даже с автоматическим прерыванием. Так плюнь ты на свое расписание, я плюну на свое, мы с тобой оба наберем сто четыре, испытаем его в полной мере, а потом ты останешься в нем еще на какое-то время, а я перестроюсь на «деловое, активное», схожу на

крышу проверить, как там наш баран, и поеду на службу, не опасаясь, что ты тут куксишься перед выключенным телевизором.

Он выпустил ее длинные, изящные пальцы, перешел из просторной спальни в еще более просторную гостиную, где стоял запах последних вчерашних сигарет, и протянул руку к телевизору.

— Терпеть не могу телевизор до завтрака, — сообщила Айран; она так и осталась сидеть на его кровати.

— Набери восемьсот восемьдесят восемь, — сказал Рик, наблюдая, как прогревается трубка. — Желание смотреть телевизор вне зависимости от программы.

— Ничего я не хочу набирать, — сказала Айран.

— Тогда набери тройку.

— Я не могу набрать комбинацию, которая заставит меня хотеть набрать другие комбинации. Если уж я вообще ничего не хочу набирать, то уж эту-то комбинацию и тем более, потому что тогда я захочу набирать, а желание набирать представляется мне сейчас чем-то отвратительным. Я хочу просто сидеть здесь, на кровати, и смотреть в пол.

С каждым словом голос Айран звучал все глуше и безнадежнее; казалось, что ее душа необратимо каменеет, окутывается пеленой абсолютной инерции.

Рик включил звук телевизора, и квартиру до краев заполнили звуки наглого, приторно панибратского голоса.

— …Хе-хе, ребята, — грохотал Дружище Бастер, — самое время кратенько рассказать вам про сегодняшнюю погоду. По сведениям с метеорологического спутника «Мангуст», к полудню осадки достигнут максимума, а затем начнут помаленьку убывать, так что тем из вас, кто захочет высунуть на улицу нос или там что-нибудь другое…

Дальше Рик не слышал — к нему подошла беспредельно унылая фигура в волочащейся по полу ночной рубашке и выключила телевизор.

— Ну ладно, — горько вздохнула Айран, — сдаюсь. Я наберу все, что ты хочешь, пусть даже экстатическое сексуальное блаженство, — я чувствую себя так хреново, что даже и это выдержу. Хуже не будет, потому что хуже уже некуда.

— Я сам наберу для нас обоих.

Рик приобнял жену за плечи и препроводил ее назад, в спальню. Здесь он набрал на ее пульте

594 — охотное приятие превосходящей мудрости мужа во всех возможных вопросах, а на своем — творческий, изобретательный подход к работе, хотя в последнем и не было особой необходимости: он и сам, без всякой искусственной стимуляции, подходил к работе именно таким образом.

Торопливо позавтракав — нужно было наверстывать время, бездарно угробленное на препирания с женой, — в полной экипировке для высовывания на улицу (включавшей, естественно, и просвинцованные штаны «Аякс» фирмы «Маунтибэнк»), Рик поднялся на крышу (крытую, естественно, крышу), где мирно пасся его электрический барашек — хитроумный механизм, щипавший траву с таким натуральным удовольствием, что никто из соседей не догадывался о его истинной природе.

Можно не сомневаться, что некоторые из их животных тоже являлись электронными фальшивками, но Рик никогда не пытался разобраться в этом поподробнее, равно как и соседи никогда не проявляли излишне въедливого интереса к его барану — это противоречило бы общепринятым нормам поведения. Спросить: «А ваш баран, он настоящий или электрический?» — было бы

бестактностью много худшей, чем если бы вы спросили человека, пройдут ли его зубы, волосы и внутренние органы тест на аутентичность.

Рик окунулся в тошнотворно-бурые волны утреннего, сплошь пронизанного радиоактивной пылью воздуха, который превращал солнце в тусклый медный пятак и все время раздражал носоглотку характерным металлическим запахом, вынуждая непроизвольно принюхиваться к этому «аромату смерти». Нет, «аромат смерти» — это слишком уж сильно сказано, решил он, спеша к участку земли, который достался ему в комплекте с чрезмерно просторной квартирой. В эти дни последствия Финальной Всеобщей Войны уже утратили свою изначальную драматичность, стали чем-то будничным. Те, кто не мог устоять перед радиацией, давно отошли в мир иной, так что в последние годы заметно ослабевшая пыль, которой противостояли выжившие — то есть самые крепкие — из людей, только медленно подтачивала им разум и наследственный аппарат. Рик не захотел эмигрировать, и теперь, несмотря на все предосторожности, пыль день ото дня оседала в нем все новыми и новыми порциями смертоносной грязи. Пока что ежемесячные медицинские обследования неизменно

подтверждали его статус нормала, человека, имеющего законное право производить потомство, однако каждый раз возникала пугающая возможность, что медицинская комиссия Сан-Францисского полицейского управления вынесет противоположный вердикт, — всепроникающая пыль непрерывно превращала бывших нормалов в аномалов (но, к сожалению, не наоборот). «Эмигрируй или деградируй! Думай сам, что лучше!» — кричали телевизионные ролики, уличные щиты и правительственные листовки, ежедневно опускавшиеся в каждый почтовый ящик. Весьма разумно, думал Рик, отпирая калитку своего миниатюрного овечьего загона. Только вот я не могу эмигрировать. Из-за моей работы.

И тут его окликнул Билл Барбур, хозяин соседнего пастбища и сосед по дому; как и сам Рик, Билл вообще-то шел на работу и забежал сюда на пару секунд, проверить свое животное.

— Моя кобылка забрюхатела! — Он гордо указал на крупную, философического вида першеронку. — Ну что вы на это скажете?

— Скажу, что скоро у вас будет пара першеронов.

Рик уже подошел к своему барану, который лежал на траве, задумчиво пережевывая жвачку,

и внимательно следил за руками хозяина — не принес ли тот ему горстку овсяных хлопьев. В программу данного конкретного экземпляра была заложена страстная любовь ко всяческим зерновым хлопьям; завидев такое лакомство, электробаран непременно вскочил бы на ноги и поскакал бы (весьма убедительно) навстречу Рику.

— А с чего она вдруг? — спросил Рик. — Ветром надуло?

— Я купил дозу самой лучшей оплодотворяющей плазмы, какая только есть в Калифорнии, — похвастался Барбур. — Через животноводческий совет штата, по знакомству, иначе бы не вышло. Помнишь, на той неделе их инспектор обследовал Джуди? Они считают мою кобылку чуть ли не лучшей в породе и прямо мечтают получить ее жеребенка.

Барбур любовно потрепал лошадь по гриве, и та ткнулась мордой ему в плечо.

— А вы не хотите ее продать? — спросил Рик.

Ему страстно хотелось иметь лошадь, да вообще хоть какое-нибудь живое животное. Люди, вынужденные ограничиваться электрическими подделками, чувствовали себя униженными и, как следствие, постепенно теряли веру в себя.

Будь его воля, Рик и вообще не стал бы возиться с этой заводной игрушкой и жил бы, пока не появится возможность купить себе живое животное, вообще без никакого, но подобное поведение считалось в обществе крайне предосудительным, а если бы он даже решил наплевать на все приличия, оставалась еще Айран, которой было очень даже не все равно, как смотрят на нее соседи.

— Продать мою лошадь? — удивился Барбур. — Это было бы попросту аморально.

— Ну продайте тогда жеребенка. Иметь двух животных — это еще аморальнее, чем не иметь ни одного.

— Да с чего вы это взяли? Многие люди держат по два, три, даже четыре животных, а у Фреда Уошборна, владельца завода по переработке водорослей, на котором работает мой брат, их целых пять. Вы не читали во вчерашней «Кроникл» статью про его утку? Самая большая, самая тяжелая утка московской породы на всем Тихоокеанском побережье.

Одна уже мысль о подобном сокровище привела Барбура в блаженное состояние, близкое к трансу.

Покопавшись в карманах, Рик извлек мятую, затертую брошюрку — январское приложение

к «Каталогу животных и птиц» фирмы «Сидни». Заглянув в алфавитный указатель, он нашел раздел «Жеребята. См. Лошади, потомство» и через несколько секунд авторитетно заявил:

— У «Сидни» я могу купить жеребенка першерона за пять тысяч.

— Нет, — качнул головой Барбур, — не можете. Посмотрите повнимательнее, там же курсив, это значит, что в данный момент жеребят у них нет, а цена — предположительная, на случай, если вдруг появятся.

— Ну ладно, — сказал Рик. — А что, если я буду платить вам по пятьсот долларов в месяц? За десять месяцев это будет пять тысяч, полная каталожная цена.

— Вот и видно, Рик, — снисходительно улыбнулся Барбур, — что вы ничего не понимаете в лошадях. Ну почему, по-вашему, у «Сидни» нет в предложении жеребят-першеронов? Да потому, что их никто не хочет продавать, даже и за полную каталожную цену. Першероны — большая редкость, их, даже самых плохоньких, днем с огнем не найдешь. — Он перегнулся через невысокий забор, разделявший два их «поместья», и подкрепил свой страстный монолог не менее страстной жестикуляцией. — Вот она, Джуди, она

у меня уже целых три года, и за все это время я ни разу, ни разу не видел ей равных. Я сам летал за ней в Канаду, а потом сам же привез ее сюда, а то ведь могли по дороге украсть. Да что там украсть, где-нибудь в Колорадо или Вайоминге, там и убить могут за милую душу, лишь бы получить такую лошадь. И знаете почему? Потому что до Финальной Всеобщей были буквально сотни…

— Но разве то, — прервал его Рик, — что у вас будут две лошади, а у меня — ни одной, не войдет в противоречие со всей теологической и моральной структурой мерсеризма?

— Кой черт, ведь у вас же есть этот баран, и никто не мешает вашему восхождению в личной жизни, а тот, кто крепко сжимает две рукояти сострадания, приближается достойно. Вот если бы у вас не было этого барана, тогда бы еще я мог усмотреть в вашей позиции какую-то логику. Само собой, если бы у меня было два животных, а у вас ни одного, я пусть и частично, пусть и косвенно, но лишал бы вас возможности истинного слияния с Мерсером. Но ведь у каждой семьи, живущей в этом здании, — по моим прикидкам, их тут около пятидесяти, по одной на каждые три-четыре квартиры, — у каждой из наших семей есть то или иное животное. У Грейвсона, —

Барбур махнул рукой куда-то на север, — у него там курица. Оукс с женой держат эту здоровенную рыжую собаку, которая лает по ночам. У Эда Смита… — Он смолк и задумался. — У Эда есть в квартире кот, только никто этого кота еще не видел, так что дело темное.

Рик подошел к своему барану, сел на корточки, покопался в густой роскошной шерсти (хоть она-то была самая настоящая) и не без труда нашел управляющую панель.

— Вот, смотрите, — крикнул он потрясенному Барбуру и снял с панели шерстяную декоративную крышку. — Теперь-то вам понятно, почему я так хочу этого жеребенка?

— Бедняга, — вздохнул Барбур после долгого, не меньше минуты, молчания. — И это что же, так оно всегда у вас и было?

— Нет. — Рик аккуратно закрыл крышкой прямоугольную проплешину в спине электрического барана, встал и повернулся к соседу. — Сперва у меня был настоящий баран. Отец моей Айран эмигрировал и оставил его нам. А потом, с год назад… помните тот раз, когда я возил его к ветеринару? Тогда вы тоже появились здесь раньше меня, а потом пришел я, а он лежал на боку и не мог подняться.

— Да, — кивнул Барбур, — и вы его подняли. Вы поставили его на ноги, а он походил минуту-другую и снова упал.

— У овец, — вздохнул Рик, — у них какие-то болезни непонятные. Ну, или можно так сказать, что болезни у них бывают самые разные, а симптомы всегда одни и те же: овца лежит на боку и не может встать, и никак не поймешь, что это с ней — то ли ногу слегка повредила, то ли от столбняка умирает. Вот с моим бараном как раз так и было: он умер от столбняка.

— Здесь? — удивился Барбур. — На нашей крыше?

— Сено, — объяснил Рик. — В тот раз я плохо снял с тюка проволоку, оставил кусок, и Граучо[1] — так я его звал — поцарапался и подхватил столбняк. Я отнес его к ветеринару, там он и умер, а я подумал-подумал, а потом пошел в одно из этих ателье, где делают животных, и показал им фотографию Граучо. Они изготовили мне вот это. — Он показал на фальшивое животное, все еще не расставшееся с надеждой заполучить

[1] Примечания: 1

Кличка Граучо (ворчун, брюзга), несомненно, дана барану в честь Юлиуса Генри (Граучо) Маркса (1890–1977) — самого знаменитого из четверых братьев Маркс, легендарных американских комиков. *(Здесь и далее прим. перев.)*

овсяные хлопья, судя по тому, как внимательно следило оно за всемогущими руками хозяина. — Слов нет, первоклассная работа. Я уделяю ему ничуть не меньше времени и внимания, чем тому, настоящему, и все равно... — Он пожал плечами.

— Это не одно и то же, — закончил за него Барбур.

— Хотя — почти. Я испытываю почти те же чувства, а слежу за его здоровьем едва ли не больше, чем прежде. Потому что он может сломаться, и все соседи узнают. Я уже шесть раз отдавал его в ремонт, всё по разным пустякам, которые здесь же, при мне, в минуту исправляли, но заметь кто-нибудь такой, скажем, пустяк, как когда у него забарахлил голосовой механизм и он начал безостановочно блеять, тут бы и стало ясно, что он — фальшак, потому что уж это-то была явно механическая неисправность, болезней таких не бывает. А фургон ремонтной мастерской, — добавил Рик, — имеет, конечно же, надпись «Ветеринарная лечебница такая-то», и водитель у них одет в белое, как ветеринар. Ну ладно, — заторопился он, вспомнив о времени, — мне надо бежать на работу. Увидимся вечером.

— Э-э-э, — пробормотал Барбур в спину уходя-

щему Рику. — Подождите, пожалуйста. Вы, ну, не бойтесь насчет соседей, я ничего им не скажу.

Рик был уже готов рассыпаться в благодарностях, но осекся, вдруг ощутив черную, беспросветную тоску, вроде той, о которой говорила Айран.

— Не знаю, — сказал он вяло, — может, и не надо ничего скрывать, ну какая мне разница?

— Как это — какая? Они же станут смотреть на вас свысока — не все, конечно же, но некоторые. Вы же знаете, как относятся люди к тем, кто не хочет иметь животное, они воспринимают такое поведение как аморальное и антисочувственное. Юридически оно уже не является преступным, как когда-то, сразу после Финальной Всеобщей, но отношение общества осталось практически тем же.

— Господи! — горестно воскликнул Рик. — Да я же хочу иметь животное, хочу, но никак не могу купить. На мое жалованье, жалованье муниципального служащего, далеко не разбежишься.

Вот если бы, думал он, мне еще раз повезло, вроде как два года назад, когда я за один только месяц уложил четырех андров. Знай я тогда, что Граучо скоро умрет… да откуда такое можно знать заранее. А потом — этот двухдюймовый, острый как иголка обломок упаковочной проволоки…

— А почему бы вам не купить себе кошку? — предложил Барбур. — Они же совсем не дорогие, вот посмотрите в каталоге «Сидни».

— Кошку? — обиделся Рик. — Да не хочу я никакую кошку, и собаку тоже не хочу. Я не люблю всех этих квартирных неженок, которые спят на диване и лакают молочко из блюдечка. Я хотел бы купить большое, серьезное животное — барана, как был у меня раньше; если хватит денег, так и бычка — или лошадь, вроде как у вас.

И всего-то и надо, подумал он, чтобы снова повезло. Нейтрализовать пять андров — и все будет в порядке. Каждый андик — это плюс тысяча к жалованью. А уж с пятью-то тысячами в кармане я быстро найду то, что мне надо, даже если цена в каталоге напечатана курсивом. Пять тысяч долларов, но для этого требуется выполнение нескольких не зависящих от него обстоятельств. Первым делом нужно, чтобы с одной из колонизированных планет на Землю пробрались пять андров. И чтобы они решили поселиться не где-нибудь еще, где за ними будут гоняться охотники из других полицейских агентств, а именно здесь, в Северной Калифорнии, а еще — чтобы Дэйв Холден, главный здешний охотник, умер или вышел на пенсию.

— А то купите себе сверчка, — пошутил Барбур. — Или мышь. А что, за двадцать пять долларов вам продадут большую шикарную мышь.

— Ваша лошадь, — процедил Рик, — тоже может умереть, абсолютно неожиданно, как мой Граучо. Вот вернетесь вы сегодня с работы, а она лежит на спине, ногами вверх, как навозный жук или этот, как вы говорили, сверчок.

Он достал из кармана ключ, повернулся и пошел к своей машине.

— Простите, если я вас обидел. — Голос Барбура нервно подрагивал.

Рик молча открыл дверцу своего ховеркара[2]. Он уже жалел, что разоткровенничался с соседом, и совершенно не хотел продолжать бессмысленный разговор.

---

[2] Примечания: 2

Ховеркар — транспортное средство на воздушной подушке.

Глава 2

На всех этажах огромного, безнадежно запущенного здания, где жили когда-то тысячи людей, царила кладбищенская тишина, и лишь в одной из его комнат включенный телевизор назойливо расхваливал свой товар перед предполагаемыми, но отсутствующими слушателями.

Это только сейчас дом стал бесхозной трущобой, а до Финальной Всеобщей Войны у него были и хозяева, и заботливые смотрители. В те времена здесь был один из спальных пригородов Сан-Франциско, удобно связанный с самим городом ниткой скоростного монорельса и кипевший, подобно всему полуострову, жизнью, шумной и суматошной, как птичий базар. Теперь же и рачительные хозяева дома, и аккуратные смотрители, и шумные жильцы либо умерли, либо съехали на одну из колонизуемых планет. Умерших было больше — война оказалась очень тяжелой и кровопролитной, вразрез со всеми шапкозакидательскими прогнозами Пентагона и его высоколобых прихлебателей из «Рэнд Корпорейшн», каковая, к слову сказать, базировалась примерно в этих же местах. Подобно

жильцам дома, эта корпорация то ли скончалась, то ли куда-то съехала, никого этим, впрочем, не опечалив.

Интересно заметить, что к этому времени никто уже фактически не помнил, из-за чего разгорелась столь страшная война и кто в ней победил (да и вообще, победил ли кто-нибудь). Смертоносная пыль, покрывшая всю планету, отнюдь не была чьим-то дьявольским оружием; более того, ни один из участников конфликта не ожидал ничего подобного. Первыми погибли совы. Это было странное, неожиданное зрелище — толстые, пушистые снежно-белые птицы, десятками валяющиеся во дворах и на улицах. Живыми они не покидали своих убежищ, пока совсем не стемнеет, и потому редко попадались человеку на глаза. В Средние века чума извещала о своем приходе сотнями дохлых крыс на улицах, новая же чума обрушилась на землю сверху, с неба.

Само собой, за совами последовали и другие птицы, но к тому времени загадка была осознана и разрешена. Программа колонизации других планет стартовала еще до войны, но теперь, когда солнечный свет на Земле померк от облаков смертоносной пыли, она вступила в совершенно

иную фазу. По этому случаю был полностью модифицирован Синтетический Борец за свободу, первоначально разрабатывавшийся в сугубо военных целях. Получив способность функционировать в инопланетных условиях, этот человекоподобный робот, а точнее, биологический андроид стал важнейшим подспорьем для широкомасштабной программы колонизации. Согласно принятому ООН закону, каждый эмигрант получал в полную собственность андроида любой, по своему выбору, модели. А выбрать было из чего: к 2019 году количество этих моделей превысило всяческое разумение — на манер моделей американских автомобилей в шестидесятые годы прошлого века.

Вот это и были основные стимулы к эмиграции: радиоактивные осадки как кнут и безотказный синтетический слуга как пряник. ООН приняла такие законы, что эмигрировать было просто и даже соблазнительно, а остаться на Земле — опасно, причем опасно вдвойне. Человек, слишком уж долго тянувший с решением, уезжать ему или нет, рисковал попасть при очередном медицинском обследовании в отверженную касту биологически неприемлемых, представляющих потенциальную угрозу для девственной чисто-

ты людского генофонда. Даже согласившись на стерилизацию, полноправный вроде бы гражданин с пометкой «аномал» в медицинской карте выпадал из жизни, по существу — переставал быть частью рода человеческого. И при всем при том находились люди, отказывавшиеся эмигрировать, что шло вразрез с элементарнейшей логикой и повергало в полное недоумение не только всех окружающих, но даже и их самих. По идее, все нормалы должны были уже эмигрировать. Скорее всего, даже в таком изуродованном и испоганенном виде Земля оставалась для людей родной, близкой и понятной, в отличие от неведомых космических далей. А может, не спешившие уехать подсознательно надеялись, что пелена пыли как-нибудь так постепенно рассосется. Так или иначе, но на Земле все еще оставались тысячи и тысячи людей, по большей части они кучковались в городах, поддерживая и ободряя друг друга своим соседством. Но кроме этих относительно нормальных (психически нормальных) людей были и другие, более сомнительные, селившиеся в безлюдных пригородах.

Именно к этим последним и принадлежал Джон Изидор, в чьей комнате долдонил телевизор, пока сам он брился в ванной.

Он забрел сюда совершенно случайно вскоре после войны. В эти жуткие времена ни один человек толком не понимал, что он делает, тем более — что ему следует делать. Лишившись родного крова, сорванные с места люди бродили по стране, сбивались в стаи, селились на какое-то время в одном месте, мигрировали в другое. Радиоактивная пыль сыпалась тогда на землю лишь время от времени и очень неравномерно: если одни штаты были насыщены ею под завязку, другие оставались практически чистыми. Перемещалась пыль, перемещались и люди. Полуостров к югу от Сан-Франциско относился первое время к чистым, и там скопилось довольно много поселенцев. Когда появилась пыль, кое-кто из людей умер, остальные ушли. Джон Изидор остался.

— …наяву возрождает патриархальную идиллию южных штатов, какими те были до Гражданской войны! — вопил телевизор. — По прибытии на место вы получите — получите абсолютно бесплатно — гуманоидного робота, с равным успехом способного быть как вашим личным слугой, так и безотказным неутомимым работником, ИЗГОТОВЛЕННЫМ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ВАС, В СООТВЕТСТВИИ С ВАШИМИ ЛИЧНЫМИ

НУЖДАМИ, и полностью оснащенным всем, что вы заказали перед отъездом. Этот верный, никогда не перечащий вам соратник по самому дерзновенному в истории человечества предприятию…

И так далее, и так далее.

Не опоздать бы на работу, думал Изидор, торопливо добриваясь. Дело в том, что часов у него не было, а телевизор не передавал сегодня сигналов точного времени — по случаю, надо думать, Дня Бескрайних Горизонтов, пятой (или уже шестой?) годовщины основания Нью-Америки, главного американского поселения на Марсе. Ну, может, по каким-нибудь каналам эти сигналы и шли, но его неисправный телевизор принимал один-единственный канал — тот, который был национализирован в начале войны, да так национализированным и остался, в результате чего Изидору приходилось смотреть исключительно программы, спонсируемые вашингтонским правительством и чуть ли не полностью посвященные программе колонизации.

— Ну а теперь давайте послушаем миссис Мэгги Клугман, — предложил телевизионный ведущий (начисто игнорируя интересы Джона Изидора, который сейчас знать ничего не хотел, кроме

времени). — Наш корреспондент в Нью-Нью-Йорке записал для вас очень интересное интервью с миссис Клугман, недавно эмигрировавшей на Марс.

— Миссис Клугман, — произнес после небольшой паузы другой мужской голос, — чем отличается ваша жизнь здесь, в мире безграничных возможностей, от жизни прежней, жизни на отравленной и безнадежно испоганенной Земле?

— Больше всего тем, — сказал хрипловатый усталый голос немолодой, как видно, женщины, — что здесь и я, и остальные члены нашей семьи (нас трое) впервые узнали, что такое чувство собственного достоинства.

— Чувство собственного достоинства? — переспросил интервьюер.

— Да, — подтвердила свежеиспеченная нью-нью-йоркчанка миссис Клугман. — Это трудно объяснить, но когда у тебя есть слуга, на которого можно во всем положиться… Это вселяет уверенность, дает твердую почву под ногами, столь необходимую в эти беспокойные времена.

— А там, на Земле, вас, миссис Клугман, никогда не тревожила возможность попасть однажды в категорию, э-э-э, так называемых «аномалов»?

— О, и я, и мой муж, мы оба до смерти этого боялись. Само собой, теперь, переехав сюда, мы навсегда избавились от этого страха.

И я тоже, криво усмехнулся Джон Изидор. И даже уезжать никуда не потребовалось. Он попал в аномалы год с лишним назад, и не только из-за искалеченных генов. Заваленный тест на минимальные умственные способности безжалостно отбросил его в число так называемых «недоумков». Обрек на высокомерное презрение жителей всех трех планет. Однако Джон выжил. Он водил доставочный фургон фирмы по ремонту фальшивых животных «Ван-Нессовская ветеринарная клиника», и начальник, хмурый и грубоватый мистер Слоут, относился к нему ничуть не хуже, чем ко всем нормальным людям, за что Джон платил ему искренней благодарностью.

— Mors certa, vita incerta[3], — говорил иногда мистер Слоут.

Хотя Изидор слышал эту фразу не раз и не два, смысл ее доходил до него смутно. Но, с другой стороны, умей недоумок разбираться в латыни, он уже не был бы недоумком, с чем не мог не согласиться и мистер Слоут. Да и вообще, недоумок

---

[3] Примечания: 3
Смерть достоверна, жизнь неверна *(лат.)*.

недоумку рознь, многие из них были несравненно глупее Изидора, не могли удержаться ни на какой работе и жили по необходимости в приютах, своеобразно именовавшихся «отделениями Американского института аномальных трудовых навыков» (не совсем понятное в данном контексте слово «аномальных» не позволяло забыть, для кого предназначены эти заведения).

— …и ваш супруг, — говорил интервьюер, — не слишком полагался на защитные свойства дорогих, тяжелых и неудобных просвинцованных штанов?

— Мой супруг… — начала было миссис Клугман, но тут покончивший с бритьем Изидор вышел в гостиную и выключил телевизор.

Тишина. Она обрушилась на Джона со всех сторон, сдавила его с неодолимой парализующей силой. Вязкой гнетущей волной поднималась она снизу, от замызганного серого паласа, душными клубами накатывала из кухни, от мертвой, еще до Джона поломанной бытовой техники. Тишина сочилась из навсегда потухшего торшера, мешаясь с тишиной, беззвучно падавшей откуда-то сверху, с загаженного мухами потолка. Перечислять бессмысленно — тишина стремилась заместить собой все нормальные, осязаемые вещи.

В качестве первого шага на этом пути она обретала чуждые ей вроде бы зрительные формы. Стоя рядом с заглохшим и ослепшим телевизором, Джон Изидор ощутил тишину как видимую и даже в некотором роде живую. Живую! Он десятки, сотни раз видел, слышал ее леденящий приход, она врывалась с грубой бесцеремонностью, словно взбешенная, что ее так долго промурыжили в прихожей. Молчание мира не могло, не хотело сдерживать свою алчность. Ну какие там церемонии, когда победа почти уже одержана?

Вот интересно, а другие, кто остался на Земле, они тоже воспринимают запустение подобным образом или это фокусы его собственных скособоченных механизмов восприятия? Хорошо бы с кем-нибудь поговорить, сравнить свои впечатления, но только с кем? На тысячи квартир этого слепого, глухого, день ото дня приходящего во все большее запустение дома всего лишь один жилец — он сам, Джон Изидор. Со временем все находящееся в этом доме сольется в нечто вроде рыхлого тошнотворно-бледного пудинга, в безликую однородную массу, которая заполнит все квартиры от пола до потолка, а позднее и само заброшенное здание станет бесформенной грудой, укроется серым рыхлым саваном из вездесущей пыли. Само

собой, меня к тому времени уже не будет — еще одно любопытное обстоятельство, требующее серьезного осмысления, думал он, стоя посреди комнаты, один на один со всесильной, всепроникающей, торжествующей тишиной.

Лучше, наверное, было бы снова включить телевизор, но Джона пугали рекламные ролики, нацеленные сугубо на нормалов. Они снова и снова напоминали ему, что он, аномал, никому не нужен. Низачем не нужен. Не может — даже при желании — эмигрировать. Ну и на хрена ж тогда слушать весь этот треп? — спросил он себя. На хрена? Шли бы они подальше со всеми своими колонизациями. Вот начнется там, на этом самом Марсе, война — а такое ведь тоже возможно, — и будет у них точно так же, как здесь, на Земле. И все, кто эмигрировал, быстренько превратятся в аномалов.

Ладно, подумал Джон, пора и на работу. Он открыл дверь в темный, без единой лампочки наружный коридор и отпрянул, кожей ощутив удушающую пустоту здания. Она ждала его там, хищно затаившись, всесильная сущность, раз за разом пытавшаяся — он это чувствовал — проникнуть в его квартиру, захватить ее. Господи боже, подумал Джон и поспешно захлопнул дверь. Он

не был готов к подъему по гулкой, бесконечно длинной лестнице на пустую (животного у него не было) крышу. К отзвукам своих собственных шагов — отзвукам пустоты. Время взяться за ручки, решил он, и направился к черному с маленьким экраном ящику эмпатоскопа[4].

Щелкнув тумблером, Джон с наслаждением вдохнул свежий, бодрящий запах озона от высоковольтного источника. Чуть позже, когда прогрелась трубка, на тускловатом экранчике проступило бессмысленное пока изображение — пестрая мешанина цветных пятен, линий и контуров. Джон Изидор глубоко вздохнул, чтобы хоть немного себя успокоить, и взялся за ручки прибора.

И тут же из заполнявшей экран мозаики выкристаллизовалась всемирно известная картина: склон холма, бурые угловатые камни да пучки белесой высохшей травы, косо торчащие вверх. По склону медленно бредет одинокая фигура — очень немолодой человек в длинном бесформенном балахоне, безрадостный цвет которого словно позаимствован у тусклого враждебного неба. Старик — Уилбур Мерсер — упорно тащился

---

[4] Примечания: 4
Эмпатия — сочувствие, сострадание.

вверх, а Джон Изидор все крепче сжимал рукоятки и постепенно впадал в нечто вроде транса. Грязные стены, обшарпанная мебель — все это отступало в никуда, растворялось в туманном мареве, превращалось в тот же, что и на экране, пейзаж: грязно-бурый, иссохший склон холма под мутным, бездушным небом. Джон Изидор уже не смотрел на мучительно трудное восхождение старика к неведомым высотам, это его, его собственные ноги скользили на неверной осыпи, это в его ступни врезались острые грани каменного крошева, в его горле першило от едкого запаха неземного далекого неба, ставшего близким благодаря этому чудесному устройству — эмпатоскопу.

Он снова, как и сотни раз прежде, оказался в чужом, угрожающе-враждебном мире, испытал полное — не только физическое, но и духовное — слияние с Уилбуром Мерсером. То же самое происходило с каждым из тех, кто сжимал сейчас ручки своего эмпатоскопа — на Земле или на одной из колонизируемых планет. Джон Изидор ощутил их тысячеголовую массу, влился в разноголосицу их мыслей, услышал в своем мозгу гул их многоличностного бытия. Их — и его — волновало сейчас лишь одно: как полнее слить

все свои душевные силы в едином стремлении преодолеть этот мучительно трудный подъем? Они восходили шаг за шагом, столь медленно, что прогресс был почти неощутим. И все же он был. Все выше, и выше, и выше, думал Джон, слушая, как сыплются вниз потревоженные его ногами камни. Сегодня мы выше, чем вчера, а завтра… он — из многих сложенный Уилбур Мерсер — взглянул вперед на предстоящий подъем. Нет, конец еще не виден. Слишком далеко. И все же когда-то восхождение завершится, завершится обязательно.

Кем-то брошенный камень ударил Джона в руку. Он почувствовал резкую боль, и тут же второй, не столь меткий камень пролетел в метре от его головы и громко ударился о пересохшую землю. Кто это швыряется? Джон прищурился, пытаясь разглядеть своего мучителя. Древний недруг следовал за ним неотступно, но при этом никогда не давал взглянуть на себя прямо, а только смутно маячил на краю поля зрения. И не было никакой надежды, что он — а может, их там много? — отстанет, так будет продолжаться до самой вершины.

Вершина… Он вспомнил свою радость, когда склон выровнялся — и как впереди открылся

новый, столь же крутой подъем. Сколько уже раз повторялось такое? И все эти разы смешались воедино, прошлое слилось с будущим; то, что он уже испытал, сплавилось с тем, что ему еще предстояло испытать, слилось в этот единственный момент, когда он стоит, дав себе минуту отдыха, и осторожно трогает правой рукой глубокую ссадину на левой, оставленную острым камнем. Господи, думал он, разве это справедливо? Зачем я здесь? Почему я совсем один? Почему я безропотно терплю все эти муки — и даже не могу увидеть своих мучителей? И словно в ответ, многоголосый гомон всех прочих участников единого восхождения стер, без следа уничтожил недолгую иллюзию одиночества.

Вы ведь тоже это почувствовали, подумал он. Да, ответили голоса. Нас шарахнули камнем по левой руке, а теперь она ноет как неизвестно что. Ладно, сказал Джон, отдохнули — и хватит. Он продолжил восхождение, остро ощущая, что и они сделали то же самое.

Когда-то, вспомнил он, все было иначе. До того, как пало это проклятие, в ранней, более радостной части его жизни. Приемные родители, Фрэнк и Кора Мерсер, сняли его с авиационного спасательного плота, и было это у побережья Новой

Англии… или у мексиканского побережья в районе Тампико? Он уже точно не помнил. Детство оставило самые приятные воспоминания, он любил все живое, а особенно животных, и одно время даже умел восстанавливать мертвых животных в их прежнем виде. Он жил в компании кроликов и жуков (знать бы только, что это такое) то ли на Земле, то ли в одной из колоний, это тоже забылось. А вот убийцы засели в его памяти намертво, потому что они арестовали его как дегенерата, более аномального, чем любой другой аномал, и с этого момента все переменилось.

Местное законодательство строжайше запрещало обращение времени, посредством которого он возвращал животных к жизни. На шестнадцатом году жизни ему особо это напомнили. С год или около того он продолжал свое благое дело потихоньку, в глуши чудом сохранившегося леса, но потом об этом растрезвонила какая-то абсолютно ему незнакомая старуха. И вот тогда-то они — эти убийцы — излучением радиоактивного кобальта выжгли узелок в мозгу, отличавший его ото всех прочих людей. Даже не заручившись согласием родителей. Он провалился в какой-то другой, незнакомый и невероятный мир, в бездну, заваленную трупами и мертвыми костями, и

потратил бессчетные годы на тщетные попытки выбраться из этого кошмара. Существа, пользовавшиеся его особой любовью, осел и жаба, исчезли полностью, перешли в траурный разряд «вымерших», вокруг не было ничего, кроме догнивающих останков жизни — здесь безглазый череп, там кусок чьей-то ладони. В конце концов птица, прилетевшая умирать, рассказала ему, что это за место. Он провалился в могильный мир и не выберется из него, пока все эти кости не превратятся вновь в живых существ. Некоторым образом он включился в метаболизм их жизней и не сможет воскреснуть, пока не воскреснет последний из них.

Он не знал, как долго продолжалась эта стадия, потому что на ней не было никаких событий, отмечавших время. Но в конце концов голые кости обрели плоть, пустые глазницы снова заполнились зрячими глазами, сформировавшиеся из праха и гнили пасти и клювы стогласо залаяли, завыли и зачирикали. Может, это сделал он — силой восстановившегося экстрасенсорного мозгового центра, — а может, и не он, и все произошло естественным образом. Так или иначе, он уже больше не погружался, а начал подниматься вместе со всеми остальными. Только вот

как-то так вышло, что он потерял всех из виду и поднимался теперь вроде как в одиночестве. Однако они тоже были здесь, они продолжали его сопровождать, он ежесекундно чувствовал их присутствие, правда, почему-то не рядом, а внутри себя.

Изидор стоял, упиваясь ощущением, что объемлет своим телом все живые существа в мире. А затем вздохнул и неохотно выпустил ручки эмпатоскопа. Ничего не поделаешь, все когда-нибудь кончается, к тому же ушибленная рука саднила и кровоточила.

Он осмотрел глубокую ссадину, еще раз вздохнул и направился в ванную. Это была не первая кровь, пролитая им в процессе слияния с Мерсером, и наверняка не последняя. Да что там кровь, люди послабее и постарше зачастую вообще умирали, особенно на последнем перед вершиной участке восхождения, где незримые мучители брались за дело всерьез. Смогу ли я пройти через это еще раз? — думал Джон Изидор, промывая ссадину. Сердце же может не выдержать. Вот живи я в городе, где при каждом, считай, здании есть врач, а у врача — этот самый электроимпульсный прибор… Здесь, в полном одиночестве, риск возрастает стократно.

Но он знал, что все равно будет рисковать, снова и снова. Так делали почти все люди, даже совсем уже дряхлые старики, у которых и так не понять, в чем душа-то держится.

Он промокнул ссадину бумажной салфеткой, смазал ее йодом и услышал приглушенные звуки телевизионной рекламы.

Так это что же, поразился Джон Изидор, здесь, в этом здании, поселился кто-то еще? Мой телевизор выключен, да к тому же звук определенно доносится снизу, с другого этажа!

Теперь я здесь не один, понял он. Сюда въехал еще один жилец, и он поселился где-то близко, иначе бы я его не услышал. Этажами двумя ниже, ну, максимум тремя. Так, так, так, а что же принято делать, когда появляется новый сосед? Заходят к нему в гости под предлогом, что надо вроде бы одолжить что-то там по хозяйству. Джон знал такие вещи исключительно понаслышке, такого в его жизни еще не случалось, ни в этом доме, ни где-нибудь еще. Люди съезжали, люди эмигрировали, но никто еще ни разу не въезжал.

Нет, решил он, скорее наоборот, полагается что-нибудь им отнести. Чашку воды… да нет, скорее уж молока. Молоко, или муку, или яйцо, вернее — его синтетический заменитель.

Заглянув в холодильник — давным-давно вышедший из строя, так что фактически это был просто шкафчик, — Джон обнаружил весьма сомнительную пачку маргарина, прихватил ее и почти выбежал из квартиры. Мне нельзя показывать, как я возбудился, думал он, спускаясь по лестнице. Нельзя показывать, что я недоумок, а то он не станет со мной разговаривать, так всегда бывает, не знаю только почему.

Он взял себя в руки и перешел на медленный, степенный шаг.

Глава 3

По дороге на работу Рик Декард, подобно многим своим согорожанам, надолго задержался перед этим едва ли не самым крупным в городе зоомагазином. Страус, выставленный в прозрачной, обогреваемой клетке на самом видном месте огромной, в квартал длиною, витрины, взглянул на него круглым, как бусина, глазом и равнодушно отвернулся. Согласно выставленной тут же табличке, этот голенастый, долгошеий персонаж только что прибыл из Кливлендского зоопарка и являлся единственным страусом на всем Западном побережье. Всласть наглядевшись на огромную птицу, Рик мрачно изучил ценник, а затем направился по Ломбард-стрит к видневшемуся неподалеку Дворцу правосудия и оказался на своем рабочем месте с совсем небольшим, в четверть часа, опозданием.

Не успел он отпереть дверь своего кабинета, как в коридоре появился рыжий, лопоухий, мешковато одетый, но при этом очень толковый и цепкий, мгновенно подмечавший все мало-мальски существенные детали любого дела инспектор полиции Гарри Брайант, бывший его непосред-

ственным начальником.

— Рик, — сказал инспектор Брайант, — подойди к половине десятого в кабинет Дэйва Холдена. — Говоря, он продолжал перелистывать пачку машинописных сводок. — Сам-то Холден угодил в больницу «Маунтион» с дыркой от лазера в позвоночнике. Он проваляется там не меньше месяца, пока не приживется биопластиковый трансплантат.

— А как это его угораздило?

По спине Рика пробежал неприятный холодок. Еще вчера главный в городе охотник на андроидов пребывал в полном здравии; после работы он, как обычно, улетел на своем ховеркаре в престижный густонаселенный район Ноб-Хилл.

Вместо ответа Брайант еще раз пробормотал что-то насчет половины десятого у Дэйва и удалился.

Минуту спустя, садясь за скромный канцелярский стол, Рик услышал от двери голос своей секретарши Энн Марстен:

— Мистер Декард, а вы слышали, что случилось с мистером Холденом? Его подстрелили.

Войдя следом за ним в душное, наглухо закупоренное помещение, она первым делом включила приточную вентиляцию — снабженную, есте-

ственно, надежной системой фильтров.

— Да, — кивнул Рик.

— Ну вот точно это сделал один из этих шибко хитрых розеновских андиков, — затараторила мисс Марстен. — Вы читали информационную брошюру и спецификационные перечни? Они ставят теперь мозговой блок «Нексус-шесть», работающий с полем из двух триллионов составляющих элементов или десяти миллионов независимых нейронных путей. Без вас тут утром был интересный звонок по видеофону, — добавила она, понизив голос чуть не до шепота. — Мне рассказала мисс Уайльд, он прошел через коммутатор ровно в девять.

— Входящий? — вяло поинтересовался Рик.

— Исходящий. Мистер Брайант звонил в русское отделение Международной полицейской организации. Спрашивал, не хотят ли они возбудить официальный иск против восточного представительства ассоциации «Розен».

— Так это что же, Гарри все еще носится с идеей убрать блок «Нексус-шесть» с рынка? — Рик ничуть не удивился. Уже в августе две тысячи двадцатого года, как только были обнародованы спецификации и технико-эксплуатационные характеристики нового мозгового блока, со сто-

роны полицейских агентств, занимавшихся беглыми андроидами, посыпались возмущенные протесты. — Пустое дело, как мы ничего не смогли сделать, так и они не смогут. — (Головное предприятие производителей «Нексуса-шесть» находилось на Марсе, а потому они имели право руководствоваться не земными, а колониальными законами.) — Пора бы нам успокоиться и просто принять существование этой новинки как данность. Так ведь бывает каждый раз, когда появляется новый, заметно усовершенствованный мозговой блок. Вот как сейчас помню, что началось в восемнадцатом, когда судерманновцы выкинули на рынок свой «Т-четырнадцатый». Все полицейские агентства Западного полушария горланили наперебой, что его не выявишь никаким тестом, и ведь они были правы — на тот момент.

На Землю тогда пробрались свыше полусотни андроидов с «Т-четырнадцать», и их довольно долго — в некоторых случаях до года с лишним — не могли обнаружить. Но затем русские из Павловского института разработали тест Фойгта на эмпатию, что и подвело под этой историей черту: насколько было известно Рику, через новый русский тест не сумел еще проскочить ни

один «Т-четырнадцатый».

— А хотите послушать, что сказали ему русские полицейские? — Веснушчатое лицо мисс Марстен сияло, как хорошо подрумяненный блин. — Я ведь и это знаю.

— Да ладно, — отмахнулся Рик. — Гарри сам мне все расскажет.

Конторские слухи приводили его в тихое бешенство, и не своей надуманностью, а, наоборот, тем, что всегда оказывались верными. Расположившись за своим столом, он начал демонстративно копаться в одном из его ящиков и занимался этим, пока мисс Марстен не удалилась.

Тогда он извлек из ящика изрядно потертый желтый конверт, где лежали все имеющиеся данные по «Нексусу-6».

Мисс Марстен была, как всегда, права. «Нексус-6» имел два триллиона составных элементов и свободу выбора в поле десяти миллионов возможных типов мозговой деятельности. Андроид с таким мозговым блоком может за 0,45 секунды сформировать любую из четырнадцати базовых реакций. Да, такого анди не расколешь никаким интеллектуальным тестом. Что, в общем-то, не фокус — интеллектуальные тесты не страшны ни одному из современных андроидов, на такую

ерунду попадались только грубые, примитивные модели семидесятых годов прошлого века, поголовно утилизированные десятки лет назад.

А уж что касается андроидов с «Нексусом-6», они превосходили по интеллекту очень и очень многих людей. С точки зрения грубо-прямолинейной, прагматической они стояли на более высокой ступени развития, чем большая (хотя далеко не лучшая) часть человечества. Плохо это или хорошо, но только некоторые слуги стали посметливее своих хозяев. Однако теперь появились новые, принципиально иные методики сравнения, кто кого выше. К примеру, тот же самый тест Фойгта-Кампфа. Ни один, даже самый интеллектуально одаренный андроид не был способен на мерсеритское слияние, легко доступное любому человеку — от высоколобых интеллектуалов до самого последнего недоумка.

Рика, как и очень многих людей, занимал вопрос: почему, собственно, самый умный андроид так безнадежно пасует перед тестом на измерение эмпатии? Судя по всему, эмпатия существует только в человеческом обществе, тогда как ту или иную степень интеллекта можно обнаружить у любых животных, ну хотя бы у пауков. Надо думать, это связано, в частности, с тем, что

способность к состраданию основывается на полноценном групповом инстинкте; существо, живущее по преимуществу в одиночку — тот же, к примеру, паук, — совершенно в ней не нуждается. Более того, способность к состраданию сделает паука значительно менее жизнеспособным, заставив его осознать, что попавшая в паутину муха — живая и хочет жить ничуть не меньше его. Поэтому все хищники, в том числе и высокоразвитые млекопитающие вроде кошек, начисто лишены этих качеств, в противном случае они попросту сдохли бы от голода.

Так что способность к состраданию, решил он, возможна только у травоядных животных да, может быть, у тех всеядных, которые могут переходить на чисто растительную диету. И все потому, что сострадание размывает грань между охотником и добычей, между победой и поражением. Как в слиянии с Мерсером, где все вместе совершают восхождение, а потом, по завершении очередного цикла, вместе проваливаются в трясину могильного мира. Странным образом такая, казалось бы, бескорыстная вещь, как эмпатия, оказывается оружием в борьбе за выживание, и оружием обоюдоострым. Когда одно живое существо ощущает радость, некая доля этой ра-

дости передается всем существам, способным к эмпатии, однако ровно так же страдание одного существа отбрасывает мрачную тень на всех остальных. Эмпатия благотворна для выживания стадных животных вроде человека и была бы абсолютно губительна для ястреба или кобры.

Надо понимать, человекоподобный робот являлся по сути своей хищником-одиночкой.

Во всяком случае, Рик предпочитал считать их таковыми — это делало его работу более-менее терпимой. Нейтрализуя — убивая — очередного андроида, он не нарушал главной заповеди Мерсера. Не убий, аще не убийцу, сказал Мерсер в первый же год, когда на Земле появились черные ящички эмпатоскопов. По мере развития мерсеризма в полномасштабное религиозное учение концепция убийцы все разрасталась и усложнялась. Теперь это было абсолютное зло, цепляющееся за дырявый плащ старика, из последних сил бредущего к далекой, неведомой вершине, однако и природа, и внешний облик этого зла оставались совершенно неясными. Мерсерит не понимал зло, а чувствовал — иными словами, он был волен обнаруживать присутствие малопонятных «убийц» везде, где ни пожелает. Для Рика Декарда наидостовернейшим

воплощением туманного понятия «убийца» был беглый человекоподобный робот, убивший своего хозяина, интеллектуально превосходящий большую часть людей, равнодушный к животным и не способный испытывать радость или сострадание по поводу успеха или горя других живых существ.

Мысль о животных напомнила Рику про страуса в витрине зоомагазина. Отложив на время спецификации мозгового блока «Нексус-6», он взял из баночки щепотку «Нюхательной смеси миссис Сиддонс 3 + 4» и задумался. Затем взглянул на часы, убедился, что время еще есть, поднял трубку настольного видеофона и попросил мисс Марстен связать его с зоомагазином «Веселый песик» на Саттер-стрит.

— Сейчас, сэр, — сказала мисс Марстен, открывая телефонный справочник.

Да нет, не может быть, чтобы эти живодеры надеялись получить за своего страуса такие бешеные деньги, думал Рик. Наверняка они считают, что покупатель сдаст в качестве частичной оплаты какое-нибудь свое животное, как это делали когда-то с автомобилями.

— Зоомагазин «Веселый песик», — объявил сочный мужской голос, и на Риковом экране

появилось крошечное жизнерадостное лицо.

Было слышно, как в магазине завывает какое-то не очень веселое животное.

— Этот страус у вас на витрине, — сказал Рик, рассеянно поигрывая керамической пепельницей, — какой за него нужен первоначальный взнос?

— Ну, — сказал продавец, берясь за блокнот и карандаш, — давайте посмотрим. Тридцать процентов вперед. Но возможны варианты… — Он ненадолго задумался. — Позвольте спросить вас, сэр, вы не думаете сдать что-нибудь в счет оплаты?

— С этим я не совсем еще решил.

— Мы могли бы дать вам рассрочку на тридцать месяцев, — предложил продавец. — С низкой, смехотворно низкой кредитной ставкой шесть процентов в месяц. Тогда после весьма умеренного начального платежа ваш ежемесячный взнос составит…

— А почему бы вам не снизить цену? — прервал его Рик. — Сбросьте две тысячи, и я не буду ничего вносить взамен, расплачусь наличными.

Дэйв Холден, думал он, временно выпал из обращения. Это может заметно поправить мои дела — если только месяц не окажется пустым.

— Сэр, — сказал продавец, — наша цена и так на тысячу долларов ниже каталожной. Проверьте сами в своем «Сидни», я подожду. Я хочу, чтобы вы лично убедились в разумности нашей цены.

Суровые ребята, подумал Рик, такие не уступят. Однако нужно было продолжать начатую игру. Он достал из кармана сильно помятое приложение к «Сидни», нашел раздел «Страус» с подразделами «самка — самец», «молодой — старый», «здоровый — больной», «новый — б/у» и пробежал глазами по ценам.

— Новый, самец, молодой, здоровый, — гордо сообщил продавец. — Тридцать тысяч долларов. — Он держал в руке точно такую же, разве что почище, брошюру. — Как вы сами видите, мы просим ровно на тысячу меньше каталога. Так вот, ваш первоначальный взнос составит…

— Я еще подумаю и перезвоню вам, — сказал Рик и потянулся к аппарату, чтобы прервать связь.

— Извините, — заторопился продавец, — а как вас звать?

— Фрэнк Мэриуэлл, — без запинки соврал Рик.

— А какой у вас адрес, мистер Мэриуэлл? Это на случай, если, когда вы позвоните, меня не будет на месте…

Рик ляпнул первый попавшийся адрес и положил трубку видеофона на рычаг. Двадцать девять тысяч, думал он, это ж просто с ума сойти. И ведь кто-то купит, обязательно. Есть люди, для которых такие деньги просто тьфу.

— Мисс Марстен, — сухо сказал он, сняв трубку, — дайте мне внешнюю линию. И не слушайте, пожалуйста, этот разговор, он конфиденциальный.

— Хорошо, сэр. — Мисс Марстен негодующе передернула плечами. — Можете набирать, сэр.

Она ушла с линии, оставив своего начальника наедине с внешним миром.

Рик набрал — по памяти — номер мастерской, где он заказывал когда-то своего эрзац-барана. На экранчике видеофона появился представительный господин в халате и шапочке хирурга-ветеринара.

— Доктор Макрей, — представился эрзац-ветеринар. — Чем могу быть полезен?

— Моя фамилия Декард. Почем у вас будет электрический страус?

— Страус? Мы могли бы его собрать сотен за семь с небольшим, только придется чуть подождать. Это ведь будет индивидуальная работа, страусов редко заказывают. Так что, если у вас

нет особого…

— Я подумаю и позвоню еще раз, — прервал его Рик; взглянув на часы, он увидел, что уже ровно 9:30. — До свидания.

Он торопливо бросил трубку, встал и через несколько секунд оказался перед приемной Брайанта. Там восседали аж две секретарши — сногсшибательная платиновая блондинка, в чьи обязанности входило спрашивать у посетителей и людей, звонящих по видеофону: «Как о вас доложить?» — да приносить шефу кофе, и древняя, словно выуженная из какого-то юрского болота мымра — для настоящей работы. Ни одна из них с Риком не заговорила, поэтому он без остановки направился к внутренней двери, вошел в кабинет, молча кивнул Брайанту, который оживленно беседовал с кем-то по видеофону, сел сбоку от начальственного стола, достал из принесенной с собой папки данные по «Нексусу-6» и в который уже раз начал их изучать.

Настроение у Рика было препоганое — хотя, казалось бы, неожиданное исчезновение со сцены Дэйва Холдена было ему на руку.

Глава 4

Может, я просто боюсь повторить судьбу Дэйва, подумал Рик. Боюсь, что если андры достаточно ушлые, чтобы уложить его, то уложат и меня? Да нет, вряд ли.

— Ты что, прихватил с собой шпаргалку по этому новому мозговому блоку? — спросил инспектор Брайант, аккуратно водрузив трубку видеофона на рычаг.

— Да, — кивнул Рик. — Местные кумушки успели меня оповестить. Так сколько там андров и что успел сделать Дэйв?

— Было восемь штук, — сказал Брайант, перекидывая странички какого-то блокнота. — Дэйв убрал двоих.

— А остальные шесть гуляют где-то здесь, рядышком?

— Похоже. Во всяком случае, так считает Дэйв. Это же я с ним сейчас разговаривал. Еще у меня есть записи, они лежали у него в столе. Дэйв говорит, что там все, что он знает.

Брайант похлопал рукой по пухлому блокноту. Пока что он не высказывал намерения передать заметки Дэйва Рику, а продолжал их перели-

стывать, то хмурясь, то задумываясь, то нервно облизывая губы.

— Я сейчас достаточно свободен, — осторожно сказал Рик, — и готов занять место Дэйва.

— Готов? — Брайант задумался. — Дэйв использовал для проверки подозреваемых усовершенствованный вопросник Фойгта-Кампфа. Как ты прекрасно понимаешь — во всяком случае, должен понимать, — эта методика не рассчитана на новейшие мозговые блоки. Но ему не приходилось выбирать — фактически у нас нет ничего, кроме Фойгтовского вопросника, подправленного три года назад Кампфом. — Он немного помолчал. — Дэйв считал этот тест достаточно точным. Возможно, так оно и есть. Но я все равно предложил бы тебе не сразу браться за эту, — Брайант опять похлопал по блокноту, — шестерку, а слетать сперва в Сиэтл и поговорить с розеновской публикой. Как-нибудь там устроить, чтобы они предоставили тебе репрезентативную выборку андроидов, снабженных этим «Нексусом-шесть»…

— И прогнать этих андроидов через Фойгта-Кампфа, — закончил за него Рик.

— Звучит-то оно просто, — пробормотал Брайант, словно отвечая каким-то своим мыслям.

— Прости?

— Пожалуй, я поговорю с розеновцами сам, пока ты будешь в пути.

Брайант замолк, поразглядывал некоторое время Рика, пару раз хмыкнул, отгрыз и выплюнул кусочек ногтя и наконец вроде бы решил, что он хочет сказать.

— Я обсужу с ними возможность включения в проверяемую группу не только андроидов, но и нескольких людей. И ты не будешь знать, кто там кто. Я составлю тест-группу сам, во взаимодействии с производителями, к твоему прилету все будет готово.

Он опять немного помолчал, а затем резко ткнул в сторону Рика пальцем.

— Это же будет твое первое выступление в роли старшего охотника. Дэйв очень много знает, у него огромный опыт.

— А у меня тоже опыт немаленький, — обиделся Рик.

— Ты неплохо справился с несколькими заданиями со стола все того же Дэйва, он лично решал, каких андроидов можно передать тебе, а каких — не стоит. Теперь же тебе достанутся шестеро, которых он брал на себя, в том числе ловкач, сумевший в итоге подстрелить его самого. Макс

Полоков, — уточнил Брайант и продемонстрировал Рику какую-то бумажку. — Во всяком случае, так он себя называет. И все это — если Дэйв верно оценил ситуацию. На этом основано все, весь его список. А ведь он успел прогнать через Фойгтовский тест только троих — двоих, которых успел найти, и этого самого Полокова. К слову сказать, как раз во время тестирования Полоков его и подстрелил.

— Что и доказывает правоту Дэйва, — заключил Рик. И действительно, в противном случае у Полокова просто не было оснований стрелять в полицейского.

— Так что отправляйся ты в Сиэтл, — сказал Брайант, — и ничего им сперва не говори — я сам все сделаю. И еще. — Он встал из-за стола и в упор уставился на Рика. — Ты будешь проводить там Фойгт-Кампфовский тест. Если через него не пройдет кто-либо из людей…

— Такого не может быть, — прервал его Рик.

— Не может? Как раз на эту тему мы говорили с Дэйвом недели три назад — и в общем-то сошлись во мнениях. Я тогда только что получил меморандум советской полиции. ВПО, Всемирная правоохранительная организация, сочла эту бумагу настолько важной, что разослала ее по

всем своим отделениям вплоть до колониальных. Группа ленинградских психиатров вошла в ВПО со следующим предложением: они хотят, чтобы новейшие и наиболее точные методы психопрофилирования личности, используемые для выявления андроидов, — говоря попросту, вопросник Фойгта-Кампфа — были опробованы на особой группе шизофренических и шизоидных личностей. На тех из них, кто проявляет так называемое «притупление аффекта». Ты слышал о таком симптоме?

— Конечно, — кивнул Рик. — Именно его мы и измеряем при нашем тестировании.

— Тогда ты должен понимать, что их беспокоит.

— Такая проблема существовала всегда, с того самого момента, как мы впервые столкнулись с андроидами, выдающими себя за людей. Полиция сформировала на этот счет вполне определенную точку зрения, лучше всего сформулированную в старой, написанной восемь лет назад статье Лурие Кампфа «Вхождение в роль и его блокирование на последних стадиях шизофрении». Кампф сравнивает пониженную способность к сопереживанию, наблюдаемую у некоторых пациентов, с поверхностно сходной, однако в

корне…

— Ленинградские психиатры, — оборвал его Брайант, — считают, что есть люди, не способные реагировать на вопросник Фойгта-Кампфа нормальным образом. Тестируя такого индивидуума в порядке полицейской проверки, ты неизбежно идентифицируешь его как андроида. Нет, я ничуть не сомневаюсь, что со временем твоя ошибка будет обнаружена. При вскрытии.

Он смолк, ожидая ответа.

— Но все эти люди, — осторожно начал Рик, — должны…

— Да, — согласился Брайант, — такие люди должны находиться в лечебницах. Они совершенно не приспособлены к жизни во внешнем мире, и даже попади такой на волю, его вскоре выявят как сумасшедшего и препроводят все в ту же психушку — за исключением того варианта, что срыв произошел у него настолько недавно, что никто вокруг ничего еще толком не заметил. Но ведь такое тоже может быть.

— Вероятность — одна миллионная, — сказал Рик, однако этот довод не убедил даже его самого.

— Дэйва, — продолжил Брайант, — очень беспокоило появление этих новых «Нексусов-шесть».

Как ты знаешь, розеновцы заверили нас, что для выявления таких андроидов вполне достаточно стандартных психопрофилирующих тестов. Мы поверили им на слово. Теперь же нам придется делать то, что нужно было сделать с самого начала. Именно этим ты и займешься в Сиэтле. Тебе, конечно же, понятно, что тут возможны накладки как в одну, так и в другую сторону. Если ты не сможешь выявить всех андроидов, получится, что у нас нет достаточно надежного аналитического инструмента и мы не способны найти и нейтрализовать всех беглых. Если же ты посчитаешь андроидом человека… — по губам Брайанта скользнула ледяная улыбка, — это было бы крайне неловко, хотя можно ручаться, что никто — и уж особенно никто из розеновских — не станет распространять эту новость. При желании можно было бы скрывать такой промах до бесконечности, однако в действительности мы, разумеется, оповестим о нем ВПО, а те, в свою очередь, оповестят Ленинград. Когда-нибудь пикантное известие дойдет до какого-нибудь газетчика, и начнется настоящая свистопляска. Но можно надеяться, что к этому времени мы разработаем новый тест. Ну что, летишь? Тогда я звоню, — он поднял трубку видеофона, — а ты

бери департаментскую машину и заправь ее на нашей заправке.

— А что, если я возьму с собой записи Дэйва? — предложил Рик, поднимаясь со стула. — Почитал бы в дороге.

— Не стоит, — сказал Брайант. — Подождем, пока ты сам проведешь в Сиэтле эти тесты.

Рик Декард с удивлением отметил, что голос заботливого начальника звучал не холодно, а попросту безжалостно.

В Сиэтле его уже ждали. К севшей на крышу розеновского административного корпуса машине неспешно приблизилась стройная темноволосая девушка в ярком полосатом плаще и огромных пыле-фильтрующих очках. Руки она держала глубоко в карманах; на узком, резко очерченном лице застыло выражение брезгливого недоумения.

— Что это с вами? — спросил Рик, вылезая из машины.

— Да нет, ничего особенного, — отмахнулась девушка. — Просто я еще не отошла после разговора по видеофону. Не обращайте внимания. — Словно передумав, она протянула Декарду руку, тот машинально ее пожал. — Меня зовут Рэйчел Розен. Ну а вы, как я понимаю, мистер Декард.

— Это не я придумал, — сказал Рик.

— Знаю, инспектор Брайант нас уже просветил. Но вы представляете здесь Сан-Францисский департамент полиции, а это уважаемое учреждение не верит, что наша фирма работает на благо общества.

— Подобно любой другой машине, — заметил Рик, — гуманоидный робот может быть как благом, так и опасностью. Благо не по нашей части.

— А как только возникает опасность возникновения опасности, — съязвила Рэйчел Розен, — вы тут как тут. Скажите, пожалуйста, мистер Декард, а вы действительно убиваете андроидов за особое вознаграждение, за премию?

Рик пожал плечами, словно говоря: «А что тут такого?», а затем неохотно кивнул.

— Вы без труда воспринимаете андроида как бездушный предмет, — холодно улыбнулась девушка. — А потому можете его «нейтрализовать» — я не перепутала термин? — без малейших угрызений совести.

— А у вас уже готова группа для тестирования? — сменил тему Рик. — Я хотел бы… — Он не договорил, потому что увидел животных.

Ну конечно же, мощная компания могла себе это позволить. Скорее всего, Рик подсознательно

ожидал увидеть здесь богатое собрание живности, потому что не чувствовал сейчас никакого удивления, а только интерес и что-то вроде зависти. Он без слов покинул девушку и направился к остро пахнущим вольерам, где сидели и бродили, лежали и спали животные. Енот, к примеру, спал.

Рик никогда не видел енота воочию — только по телевизору. По той или иной причине смертоносная пыль обошлась с этими симпатягами почти столь же жестоко, как с птицами, которые вымерли практически полностью. Он привычно выдернул из кармана все того же «Сидни» и посмотрел, как там с енотами. По всем подразделам цены шли курсивом — подобно першеронам, эти животные отсутствовали в предложении, а цифры, в тех подразделах, где они присутствовали, обозначали просто цены последней зарегистрированной сделки. Цены с таким количеством нулей, что враз и не сосчитаешь[5].

— Его зовут Билл, — сказала подошедшая сзади девушка. — Мы получили его в том году от одной из дочерних компаний. Такую драгоценность

---

[5] Примечания: 5

Нужно заметить, что енот занимает в американской мифологии особое место. Он едва ли не самое упоминаемое дикое животное в фольклоре фронтира.

нельзя не сторожить.

Она указала куда-то в сторону; Рик повернулся и увидел группу серьезного вида мужчин в незнакомой ему униформе, вооруженных миниатюрными скорострельными ручными пулеметами «Шкода». Глаза охранников были прикованы к нему — надо думать, с самого начала, с момента посадки. И это при том, подумал Рик, что на департаментской машине и знаки, и надпись «Полиция».

— Крупные производители андроидов, — сказал он задумчиво, — вкладывают свои доходы в живых животных.

— Вы взгляните лучше на нашу сову, — сказала Рэйчел Розен. — Она сейчас спит, но я могу для вас разбудить.

Она направилась к дальней, не слишком большой клетке, посреди которой гротескно гнуло черные сучья сухое развесистое дерево.

Сов нет, хотел сказать Рик, во всяком случае так говорят. И вот у «Сидни», в их каталоге сова, конечно же, числится вымершей; крошечное такое «вым.», и никаких подразделов, чего подразделять, когда подразделять нечего? Он раскрыл на ходу брошюрку и проверил себя. Ну да, конечно, все так и есть. А «Сидни» не ошибается, никогда.

Это тоже прекрасно известно. А много ли в мире таких вот фактов и авторитетов, достаточно надежных, чтобы на них можно было опереться?

— Она искусственная, — догадался Рик и на секунду почти ослеп от жгучей волны разочарования.

— Нет, — улыбнулась Рэйчел, и он увидел ее мелкие, ровные, жемчужно-белые зубы — антитезу к черным как смоль волосам и черным глазам.

— Но «Сидни» числит их вымершими, — сказал Рик и попытался показать ей раскрытый на совах каталог, чтобы подтвердить свою правоту.

— Мы не имеем дела ни с «Сидни», ни с прочими торговцами, — сказала Рэйчел. — Все наши животные куплены у частных лиц, по нигде не зарегистрированным ценам. Кроме того, — добавила она, — мы располагаем своими собственными натуралистами, они работают в Канаде. Там все еще сохранилось довольно много леса, во всяком случае — относительно много. Достаточно, чтобы можно было встретить мелких животных, а иногда и какую-нибудь птицу.

Рик стоял и смотрел на сову, мирно дремавшую на своем насесте. В его голове мелькали обрывки мыслей про войну, про дни, когда совы падали

с неба. Он вспоминал далекое детство, когда вдруг оказалось, что животные вымирают целыми видами, и как газеты что ни день сообщали очередную трагическую новость: сегодня лисы, завтра барсуки — пока люди не перестали читать эти нескончаемые некрологи.

И он снова подумал, как ему хочется настоящее, живое животное, и снова ощутил жгучую ненависть к своему электрическому барану, с которым ему приходилось возиться, словно он и вправду живой. Тирания бездушного предмета, думал Рик. Предмета, и знать не знающего, что я существую. Подобно андроидам, он не чувствует никакой связи между собой и всеми окружающими его живыми существами. Мысль о сходстве между электрическими животными и андроидами была для него внове. Электрическую овцу или кошку, рассуждал Рик, можно считать низшими, предельно примитивными подвидами все того же семейства роботов. Или, наоборот, андроида можно рассматривать как очень высокоразвитое эрзац-животное. По какой-то не совсем ясной причине оба этих варианта ему претили.

— А вот вздумайся вам продать эту сову, — повернулся он к Рэйчел Розен, — сколько бы вы за нее запросили и какую часть цены вперед?

— Мы никогда не продадим нашу сову. — Девушка смотрела на него со снисходительной жалостью, во всяком случае именно так истолковал Рик выражение ее лица. — И даже продавай мы ее, цена была бы для вас непосильной. Какое животное у вас дома?

— Баран. Черноголовый суффолкский баран.

— Ну вот, чего же вам еще не хватает?

— Хватать-то хватает, — соврал Рик, — но только мне всегда хотелось иметь сову, хотелось с детства, еще до того, как все они передохли. Все, — поправился он, — кроме вашей.

— Мы, — сказала Рэйчел, — прикладываем сейчас все силы, чтобы найти еще одну сову, самца, чтобы спарить его с нашей Скрэппи. — Она указала на клетку.

Дремавшая на своем насесте сова на секунду приоткрыла хищные желтые глаза, закрыла их и снова впала в оцепенение. Покрытая перьями грудь медленно вздымалась и резко опадала; казалось, что спящая птица тяжко вздыхает.

Рик с трудом оторвался от завораживающего зрелища — он чувствовал, как его первоначальная реакция, благоговение, все больше замутняется черной, беспросветной горечью, — и сказал предельно деловым тоном:

— Я бы хотел протестировать вашу выборку прямо сейчас. Не могли бы мы спуститься и начать?

— Мой дядя говорил с вашим начальником, вполне возможно, что он уже…

— Так вы одна семья? — поразился Рик. — Такая огромная корпорация является семейной?

— Вполне возможно, — продолжила свою фразу Рэйчел, — что дядя Элдон уже успел подготовить и группу андроидов, и контрольную группу. Идемте.

Девушка снова втиснула руки в карманы полосатого плаща, резко повернулась и зашагала к лифту, словно и не заботясь, следует гость за ней или нет.

— Не понимаю, — сказал Рик, когда просторная кабина вздрогнула и полетела вниз, — что вы все-таки имеете против меня?

Рэйчел задумалась, словно и сама не совсем это понимала.

— Дело, пожалуй, в том, — сказала она наконец, — что игрою случая вы, мелкий служащий полиции, оказались в уникальном положении. Вы понимаете? — На Рика блеснул темный недружелюбный глаз.

— А какая часть вашей теперешней продук-

ции, — спросил он, — оснащается «Нексусом-шесть»?

— Сто процентов.

— Хотелось бы надеяться, что тест Фойгта-Кампфа способен их выявить.

— А если нет, нам придется убрать их с рынка и отозвать всех уже проданных. — Теперь она повернулась к Рику и буквально испепеляла его взглядом. — И все потому, что наша драгоценная полиция совсем разучилась работать и не может отловить нескольких заартачившихся «Нексусов-шесть».

Кабина лифта остановилась, двери разъехались, и, пожалуй, одно лишь это спасло Рика от полного испепеления.

В коридоре их встретил худощавый, подтянутый пожилой джентльмен с усталым, озабоченным лицом.

— Я Элдон Розен, — представился джентльмен, протягивая Рику руку. — Послушайте, Декард, — он нервно пригладил свои сильно редеющие волосы, — я сделал все что мог, но вы же должны понимать, что здесь, на Земле, мы ничего не производим. Я не могу вот так вот снять трубку, позвонить на склад и заказать такое-то и такое-то количество готовой продукции с таким-то и

таким-то разбросом параметров. Я хочу и буду оказывать вам всю возможную помощь, но мои возможности весьма ограниченны.

Его руки заметно подрагивали.

— У меня все готово, — сказал Рик, указывая на взятый в управлении чемоданчик. — Так что можно начинать.

Нервозность Розена-старшего взбодрила его, наполнила уверенностью в себе. Они меня боятся, понял он с удивлением. И дядя этот, и даже Рэйчел. Возможно, я и вправду могу вынудить их отказаться от производства андроидов с этим новым мозгом, и то, что я сделаю в течение ближайшего часа, серьезнейшим образом повлияет на их производственные планы. Не исключено, что сейчас решится будущее Розеновской корпорации как здесь, в Соединенных Штатах, так и в России, и даже на Марсе.

В поведении Розена чувствовались страх и неискренность. Прилетев сюда из Сан-Франциско, Рик привел за собой пугающий призрак экономической смерти. А ведь эти люди, думал он, обладают огромной силой. Их предприятие считается одним из главных звеньев мировой экономической системы; производство андроидов так тесно срослось с переселением людей

на другие планеты, что рухни из них что-нибудь одно, со временем неизбежно рухнет и другое. Само собой, ассоциация «Розен» это отлично понимала, а Элдон Розен последние часы ни о чем другом, скорее всего, и не думал.

— Напрасно вы так волнуетесь, — сказал Рик, следуя за дядей и племянницей по широкому, ярко освещенному коридору.

Его самого переполняла спокойная удовлетворенность — чувство более приятное, чем что-либо иное, что он мог припомнить. Ну что ж, уже через час-другой надежно выяснится, что может вся эта техника тестирования — и чего не может.

— Если у вас нет веры в тестирование по Фойгту-Кампфу, ваша компания могла бы заняться разработкой другой методики. Что ни говори, все-таки часть ответственности лежит на вас… О, спасибо.

Помещение, куда провели его Розены, напоминало не столько кабинет или лабораторию, сколько роскошную гостиницу — ковры, торшеры, диван, новомодные приставные столики, на которых лежали свежие журналы… В том числе и февральское приложение к каталогу «Сидни», не поступившее еще в продажу. Более того, до официального выхода этого приложения в свет

оставалось еще не менее трех дней; судя по всему, ассоциация «Розен» имела с «Сидни» особые отношения.

Рик возмущенно подхватил брошюру со столика.

— Это грубейшее злоупотребление доверием общественности. Ни один клиент не должен узнавать об изменении цен раньше прочих.

Вообще говоря, здесь попахивало нарушением федерального законодательства; Рик попытался припомнить соответствующую статью, но не смог.

— Я беру это с собой, — сказал он, открывая свой чемоданчик, чтобы положить туда злополучное приложение.

— Послушайте, сержант, или как вас там, — устало сказал Элдон Розен, — мы отнюдь не собирались использовать эти сведения для получения грошовой…

— Я не сержант и вообще не полицейский, — отрезал Рик. — Я платный охотник на андроидов.

Присев за изящный кофейный столик, он вынул из открытого чемоданчика прибор Фойгта-Кампфа, подключил к нему простенькие, в принципе, полиграфические датчики и вскинул глаза на вконец измученного Элдона Розена.

— Можете вызывать первого тестируемого.

— А можно и мне посмотреть? — спросила Рэйчел, присаживаясь на диван. — Я никогда не видела, как проводится тест на эмпатию. Что измеряют все эти штучки?

— Вот этот датчик, — сказал Рик, демонстрируя ей маленький липкий диск, от которого тянулись длинные выводы, — регистрирует расширение капилляров в области лица — так называемую «краску стыда» или «краску смущения», которая является первичной инстинктивной реакцией на морально шокирующее раздражение. Расширение капилляров не поддается сознательному контролю. В отличие от кожной проводимости, потовыделения и частоты пульса. А вот это устройство, — он взял со стола крохотный маломощный источник игольно-тонкого луча света, — регистрирует флюктуации напряжения глазных мускулов. Параллельно с покраснением, как правило, наблюдаются малые, но доступные для регистрации движения…

— А у андроидов их нет, — догадалась Рэйчел.

— У андроидов они не появляются в качестве реакции на «шокирующие» вопросы, хотя и возможны биологически.

— Испытайте меня, — сказала Рэйчел.

— Что? — поразился Рик. — Зачем?

Рэйчел молчала.

— Мы, — голос Элдона Розена звучал хрипло и напряженно, — решили для начала протестировать ее. Не исключено, что она — андроид. Будем надеяться, что вы внесете в этот вопрос полную ясность.

Он как-то угловато, неуклюже сел, раскурил сигарету и стал напряженно, как прожженный скептик на представлении базарного фокусника, наблюдать за действиями Рика.

Глава 5

Рэйчел Розен выглядела совершенно спокойной; казалось, что ей совсем не мешают ни приклеенный к щеке диск, ни бьющий в уголок левого глаза луч света.

Рик еще раз проверил, что обе стрелки прибора Фойгта-Кампфа стоят на нуле, и сказал:

— Сейчас я схематично опишу вам несколько жизненных ситуаций. Вы должны быстро, без раздумий выразить свое к ним отношение. Само собой, время вашей реакции будет регистрироваться.

— Само собой, — сухо заметила Рэйчел, — мои ответы не будут приниматься во внимание. Все ваши выводы будут базироваться исключительно на покраснении кожи и на подергивании глазного мускула. Так что можно бы даже и не отвечать вам, но я отвечу, пусть все будет по правилам. Ну что ж, давайте, мистер Декард.

Рик начал с ситуации номер три: «Вам подарили на день рождения бумажник из телячьей кожи». Обе стрелки мгновенно метнулись из зеленого сектора в красный, начали бешено дергаться и затем понемногу стихли.

— Я не возьму его, — сказала Рэйчел. — А кроме того, сообщу об этом случае в полицию.

Рик сделал запись в протоколе тестирования и перешел к восьмой ситуации по вопроснику Фойгта-Кампфа: «Ваш малолетний сын показал вам свою коллекцию бабочек и орудия лова, включая банку для усыпления насекомых хлороформом».

— Я бы отвела его к доктору, — твердо сказала Рэйчел. Стрелки снова дернулись, но уже не так далеко, да и успокоились они побыстрее; Рик сделал очередную запись.

— Вы сидите, — продолжил он, — смотрите телевизор и вдруг замечаете на своей руке осу.

— Я ее прихлопну, — сказала Рэйчел.

На этот раз стрелки не сдвинулись с места, только слегка вздрогнули. Рик записал это обстоятельство и подошел к выбору следующей ситуации с особым тщанием.

— Вы обнаружили в журнале цветную вкладку с фотографией обнаженной девушки. — Он сделал паузу.

— Так вы что там сейчас проверяете? — раздраженно вскинулась Рэйчел. — Мою сексуальную ориентацию?

Стрелки не двигались.

— Вашему супругу эта картинка понравилась, — невозмутимо продолжил Рик.

Стрелки не двигались.

— Девушка, — добавил он, — лежит на роскошной медвежьей шкуре.

Стрелки так и не шелохнулись.

Типичная для андроидов реакция, сказал он себе. Она сосредоточила все свое внимание на второстепенных, маскирующих деталях и начисто прозевала ключевой элемент — шкуру мертвого животного. Она? Или оно?

— Ваш супруг решил украсить этой картинкой свой кабинет, — завершил он историю; теперь стрелки сдвинулись, и довольно сильно.

— Я ему не позволю, — сказала Рэйчел. — Ни в коем случае.

— О'кей, — кивнул Рик. — А теперь подумайте о следующей ситуации. Вы читаете старый, еще довоенный роман. Живущие в Сан-Франциско герои посещают «Рыбацкую пристань». Они проголодались и заходят в ресторанчик, где кормят «дарами моря». Один из героев заказывает омара; шеф-повар прямо у них на глазах бросает омара в котел с кипящей водой.

— Господи, — воскликнула Рэйчел, — какой ужас! Они что, действительно так делали? Это

гнусно, омерзительно! Я не ошиблась, он бросил в кипяток живого омара?

И при всем этом возмущении стрелки почти не шевелились. Правильная вроде бы реакция, но — наигранная.

— Вы арендуете хижину в горах в зоне бореальной растительности. Хижина выполнена в архаичной, деревенской манере — сруб из сучковатых сосновых бревен и огромный камин.

— Понятно, понятно, — нетерпеливо кивнула Рэйчел.

— По стенам развешаны литографии Каррира и Айвза[6], старинные карты и гравюры, над камином прибита оленья голова с прекрасными ветвистыми рогами. Ваши гости восхищены декором хижины, вы все вместе решаете…

— Только не с этой головой, — прервала его Рэйчел; стрелки качнулись, но не вышли за пределы зеленых секторов.

— Вы забеременели, — не останавливался Рик, — от мужчины, обещавшего на вас жениться. Этот мужчина уходит к другой женщине, вашей лучшей подруге, и поэтому вы делаете

---

[6] Примечания: 6

«Каррир и Айвз» (по именам основателей) — американская фирма, которая была основана в XIX веке и специализировалась на издании литографий, иллюстрировавших историю и быт США.

аборт…

— Я никогда не стану делать аборт, — сказала Рэйчел. — Да это и попросту невозможно. За аборт дают пожизненное, и полиция следит за врачами очень бдительно.

На этот раз обе стрелки дружно прыгнули чуть не за край шкалы.

— Откуда вы это знаете? — удивился Рик. — Я насчет трудностей с абортами.

— Откуда? — пожала плечами Рэйчел. — Да кто же об этом не знает?

— А звучало так, словно вы говорили по собственному опыту. — Рик внимательно проследил за стрелками. Они снова качнулись на красное. — И еще. Вы регулярно встречаетесь с неким мужчиной, и вот однажды он приглашает вас к себе в гости. Там он предлагает вам освежиться коктейлем. Стоя с бокалом в руке, вы видите через приоткрытую дверь его спальню. Она украшена яркими афишами боя быков. Вы заходите в спальню, чтобы разглядеть афиши получше. Он тоже заходит туда и прикрывает за собою дверь. Потом он обнимает вас за плечи и говорит…

— А что такое «афиша боя быков»?

— Рисунок, обычно цветной и очень большого формата, изображающий матадора с мулетой

и быка, который пытается поддеть его на рога. Послушайте, а сколько вам лет? — Вопрос Рика не лез ни в какие ворота, но, может быть, тут все дело в возрасте…

— Восемнадцать, — сказала Рэйчел. — Ну хорошо, этот человек закрыл за собой дверь и обнял меня за плечи. Что он при этом сказал?

— А вы знаете, чем кончался бой быков?

— Ну, вроде бы кого-нибудь могли поранить.

— В конечном итоге быка убивали. Обязательно.

Стрелки беспокойно задергались, но — не более того. Никакого отсчета.

— И последний вопрос, — сказал Рик. — Вы смотрите по телевизору старый, еще довоенный фильм. На экране — званый обед, гости закусывают сырыми устрицами.

— Брр, — передернула плечами Рэйчел; стрелки прыгнули на красное.

— После закусок, — продолжил Рик, — подают главное блюдо — тушеную собаку, фаршированную рисом со специями.

На этот раз стрелки дернулись не так сильно, слабее, чем при упоминании сырых устриц.

— Странно, неужели тушеная собака — более приемлемое блюдо, чем устрицы? Мне кажется,

что нет. — Рик отложил карандаш, выключил источник света и отклеил от щеки девушки датчик. — Вы — андроид, — подытожил он. — Таков результат тестирования. — Он обращался вроде бы к Рэйчел, но информировал при этом не столько ее, сколько Элдона Розена, чье старое осунувшееся лицо перекосилось в гримасе страха и озабоченности.

— Я ведь прав, не так ли? — спросил Рик.

Розены потерянно молчали.

— Послушайте, — начал Рик, изо всех сил стараясь говорить дружелюбно и рассудительно, — нам же тут попросту нечего делить. Я хочу, чтобы тест Фойгта-Кампфа оказался работоспособным, для меня это важно, почти столь же важно, как и для вас.

— Она не андроид. — Лицо старшего Розена разгладилось, да и говорил он на удивление спокойно.

— Я вам не верю, — качнул головой Рик.

— А с какой стати ему врать? — почти крикнула Рэйчел. — Если бы они хотели вас обмануть, то разве что в противоположную сторону.

— Я хочу, чтобы у вас взяли пробу костного мозга, — сказал Рик. — Это внесет окончательную ясность в вопрос, андроид вы или человек.

Процедура, конечно же, болезненная, да и результатов анализа придется ждать довольно долго, и все равно…

— По закону, — прервала его Рэйчел, — человека нельзя принудить к анализу костного мозга — равно как и нельзя принудить его давать показания против самого себя, на этот счет было решение Верховного суда[7]. Да и вообще, это труп можно проверить довольно быстро, а с живым человеком все очень длинно и сложно. Вы получили возможность проводить этот проклятый Фойгт-Кампфовский тест исключительно по милости аномалов, их выявлением занимаются постоянно, вот полиция и сумела под шумок подсунуть в перечень тех разрешенных тестов и своего Фойгта-Кампфа. Но теперь, после сегодняшнего, вашему тестированию приходит конец.

Она встала, отошла в другой конец комнаты, уперла руки в бедра и отвернулась к окну.

— И главное тут не в законности или незаконности анализа костного мозга, — сказал Элдон Розен. — Главное в том, что ваше тестирование

---

[7] Примечания: 7

Имеется в виду знаменитая Пятая поправка к Конституции США, в которой есть пункт: «Никто не должен принуждаться свидетельствовать против самого себя в уголовном деле».

дало на моей племяннице непростительный сбой. Я могу объяснить, почему она оказалась у вас андроидом. Рэйчел выросла на борту «Саландера-три». Там она родилась, там провела четырнадцать из своих восемнадцати лет, черпая информацию о мире из корабельной библиотеки да из того немногого, что рассказывали ей о жизни на Земле девять взрослых членов команды. Потом, как вы, конечно же, знаете, корабль повернул назад, пролетев лишь шестую часть пути до Проксимы. Не случись этого, Рэйчел вообще никогда не увидела бы нашу планету — разве что в весьма преклонном возрасте.

— А вы бы меня быстренько «нейтрализовали», — бросила через плечо Рэйчел. — Попади я в полицейскую облаву — и все, конец. Я знаю это уже четыре года, с того самого момента, как сюда попала, и это было далеко не первое мое знакомство с тестом Фойгта-Кампфа. Собственно говоря, я торчу в этом здании почти безвылазно, слишком уж велик риск. Тут и обычные дорожные заставы, и летучие отряды полиции, проводящие массовые проверки в самых неожиданных местах, и все для того, чтобы отловить незарегистрированных аномалов.

— И андроидов, — добавил Элдон Розен. — Само

собой, широкой общественности об этом ничего не говорится, люди не должны знать, что здесь, на Земле, есть андроиды.

— Вряд ли они здесь есть, — покачал головой Рик. — Я думаю, что многочисленные полицейские структуры, и наши, и у соседей, в Советском Союзе, быстро их всех прибирают. Людей на Земле осталось мало, рано или поздно каждый, кто здесь есть, нарывается на неожиданную проверку.

Так ему, во всяком случае, хотелось думать.

— А какие у вас были инструкции, — спросил Элдон Розен, — на случай, если вы примете человека за андроида?

— Это — служебная информация, — отрезал Рик и начал укладывать безнадежно опозоренную аппаратуру в чемоданчик; Розены молча за ним наблюдали. — Само собой, — добавил он, — мне было велено отказаться от дальнейшего тестирования — что я и делаю. Какой смысл продолжать, если была хотя бы одна ошибка?

— А ведь мы могли бы вас обмануть, — сказала Рэйчел. — Ничто не заставляло нас ловить вас на вашей ошибке. То же самое относится и ко всем остальным отобранным нами субъектам. Нам только и надо было, — она подкрепила свою

тираду энергичным взмахом руки, — что соглашаться со всеми вашими результатами, что бы вы там ни намерили.

— Мне следовало заранее получить у вас список тестируемых, — вздохнул Рик. — В запечатанном конверте. А потом проверить результаты на соответствие этому списку.

И практически наверняка, подумал он, никакого соответствия не было бы. Да, Брайант был прав. И слава богу, что я не начал охотиться на беглых андроидов, ориентируясь по Фойгту-Кампфу.

— Да, вам совсем не мешало попросить у нас список, — сказал Элдон Розен и вопросительно взглянул на свою племянницу; та коротко кивнула. — Мы обсуждали такую возможность, — добавил он с явной неохотой.

— Вся эта проблема, — сменил тему Рик, — коренится в вашем бездумном подходе к производству. Ничто ведь не вынуждало вас совершенствовать гуманоидных роботов до такой степени, что…

— Следуя освященным временем принципам, лежащим в основе любой предпринимательской деятельности, — сказал Элдон Розен, — мы производили то, чего хотели колонисты, наши клиенты. Не перейди наша фирма на выпуск таких предельно очеловеченных моделей, это

сделали бы наши конкуренты, ну разве что чуть попозже. Разрабатывая мозговой блок «Нексус-шесть», мы полностью осознавали риск, на который идем. Но ваш тест Фойгта-Кампфа, на который мы ориентировались, имел скрытый дефект, так и не выявленный к моменту поступления новых моделей на рынок. Не сумей вы распознать в андроиде с «Нексусом-шесть» андроида, запиши вы его человеком, все было бы ясно с самого начала, но произошло нечто значительно худшее. — Его голос стал резким и безжалостным. — Весьма вероятно, что ваш департамент — равно как и прочие полицейские структуры — «нейтрализовал» многих и многих людей, настоящих людей с недоразвитой способностью к эмпатии, вроде моей ни в чем не повинной племянницы. В моральном отношении ваше, мистер Декард, положение весьма незавидно. Ваше, а не мое.

— Иными словами, — подытожил Рик, — никто и не собирался дать мне протестировать хотя бы одного «Нексуса-шесть». Вместо этого вы подсунули мне эту шизоидную девицу.

И тест теперь, подумал он, безнадежно скомпрометирован. Не стоило мне браться за это дело.

— Да, мистер Декард, вы в наших руках, — спо-

койно, по-будничному согласилась Рэйчел Розен и одарила его ослепительной улыбкой.

Рик и сейчас не мог понять, как это ассоциация «Розен» сумела поймать его в ловушку, сделала как маленького. А с другой стороны, кто он такой против этих спецов? Огромная компания типа Розенов неизбежно обладает огромным опытом. Более того, она обладает чем-то вроде коллективного разума. А Элдон и Рэйчел Розены — не просто дядя и племянница, а полномочные представители этой корпоративной сущности. Его ошибка состояла в том, что он воспринимал их как обычных людей; больше эта ошибка не повторится.

— Вашему начальнику, — сказал Элдон Розен, — будет трудно понять, как это случилось, что вы позволили нам убедительно продемонстрировать неработоспособность вашей методики тестирования еще до начала теста.

Он показал на потолок, и Рик увидел объектив телекамеры. Все его дикие ляпы и просчеты были зафиксированы на пленке.

— Я полагаю, — сказал Элдон Розен, — что нам стоит сесть и поговорить. Думаю, что с вами, мистер Декард, мы сумеем прийти к какому-нибудь разумному соглашению. Собственно говоря,

нет никаких причин для суеты и беспокойства. Модель «Нексус-шесть» является свершившимся фактом; мы в нашей фирме давно этот факт осознали, а теперь, надо думать, осознали его и вы.

— Вам бы хотелось, чтобы у вас была сова? — спросила Рэйчел и чуть наклонилась к Рику.

— Какой мне смысл чего-то там хотеть? — пожал плечами Рик. — Все равно совы у меня не будет никогда.

Но он, разумеется, понимал, что она имела в виду, какую сделку предлагают ему Розены. Понимал и внутренне напрягся в ожидании дальнейшего развития событий.

— Сколько помнится, вы изъявляли желание иметь сову, — сказал Элдон Розен и вопросительно взглянул на свою племянницу. — Похоже, до него не совсем доходит…

— Еще как доходит, — отмахнулась Рэйчел. — Он сразу сообразил, к чему мы клоним, верно, мистер Декард? — Она наклонилась к Рику еще ближе, обдав его легким терпким ароматом каких-то духов, он почти ощущал тепло ее тела. — Ваша мечта почти сбылась, мистер Декард. Сова уже считай что ваша.

— Не забывайте, что он — платный охотник за андроидами, — повернулась она к Элдону Розе-

ну. — Он живет не столько на зарплату, сколько на премии, верно, мистер Декард?

Рик молча кивнул.

— Сколько андроидов сбежало на этот раз? — спросила Рэйчел.

— Восемь, — неохотно сказал Рик. — Их было восемь. Двое уже нейтрализованы. Не мною, другим человеком.

— А сколько вы имеете с головы?

— Точно и не скажешь, — пожал плечами Рик. — Бывает по-всякому.

— Не имея надежного теста, вы не сможете выявить андроида, — сказала Рэйчел, — а не выявив андроида, вы не получите свою премию. Таким образом, если вопросник Фойгта-Кампфа будет отставлен за его неработоспособность…

— Ничего, — усмехнулся Рик, — его быстро заменят чем-нибудь другим. Такое случалось и прежде.

Трижды, если говорить точно. Но тогда все проходило гладко — разрабатывали и проверяли новый, более совершенный вопросник, и только тогда отказывались от старого. На этот раз создавалась совершенно иная ситуация.

— Само собой, когда-нибудь вопросник Фойгта-Кампфа устареет, — согласилась Рэйчел. — Но

спешить с этим не стоит. Мы убедились, что он надежно выявляет модели с «Нексусом-шесть», и хотели бы, чтобы вы без всяких помех продолжили труды на вашем весьма своеобразном поприще.

Скрестив руки на груди и чуть покачиваясь, она внимательно смотрела на угрюмо молчавшего Рика.

— Скажи ему, что он может взять сову, — проскрипел Элдон Розен.

— Вы можете взять сову, — сказала Рэйчел, продолжая разглядывать Рика как некое экзотическое существо. — Ту, что на крыше. Скрэппи. Только мы сохраняем за собой право спарить ее, если, конечно же, удастся найти самца. И сразу договоримся, что весь возможный приплод отходит нам.

— А может, поделим птенцов пополам? — предложил Рик. — Так будет справедливее.

— Нет, — отрезала Рэйчел. — Мы не хотим, чтобы вы получили возможность разводить сов самостоятельно. И еще одно условие. Вы не сможете передать эту сову по наследству — в случае вашей смерти она возвращается в собственность ассоциации.

Элдон Розен энергично кивал головой, согла-

шаясь с каждым словом племянницы.

— Это сильно смахивает, — криво усмехнулся Рик, — на огромный соблазн для вас угробить меня в каком-нибудь темном углу. Чтобы поскорее вернуть себе эту птичку. Нет, на такое я ни за что не соглашусь — слишком опасно.

— Да чего вам бояться? — удивилась Рэйчел. — Вы же бывалый охотник на андроидов. Вы не расстаетесь с лазерным пистолетом, он и сейчас при вас. Если вам не защитить самого себя, как же вы надеетесь нейтрализовать эту шестерку «Нексусов-шесть»? Они же куда сообразительнее старых «В-четвертых» компании «Гроцци».

— Но там я охочусь на них, — возразил Рик, — а здесь будут охотиться на меня, это очень большая разница.

Ему совсем не хотелось, чтобы кто-то подстерегал его и преследовал. Оказавшись в роли затравленной жертвы, не только человек, но даже андроид начинает вести себя, мягко говоря, не самым разумным образом. Рик видел это не раз и не два.

— Хорошо, — сказала Рэйчел, — тут мы вам уступим. Вы сможете вписать сову в свое завещание. Но выводок будет наш, до последнего птенца. Если вы не можете с этим согласиться — милости

просим, возвращайтесь в Сан-Франциско и объясняйте своему начальству, что тестирование по Фойгту-Кампфу — во всяком случае, в вашем исполнении — не способно провести грань между андроидом и человеком. А заодно подыскивайте себе новую работу.

— Дайте мне немного подумать, — попросил Рик.

— Хорошо, — кивнула Рэйчел и бросила взгляд на часы. — Мы уйдем, а вы тут пока думайте.

— Полчаса, — сказал Элдон Розен.

Они с Рэйчел молча направились к двери. Все их аргументы были уже высказаны, и кнут, и пряник показаны, остальное зависело от Рика.

— Да, — горько сказал он, когда Рэйчел уже прикрывала дверь за собой и за чертовым дядюшкой Элдоном, — красиво вы меня сделали. И на пленку мои ляпы записали, и выяснили заранее, что на Фойгте-Кампфе держится вся моя работа. И совой этой проклятой запаслись.

— Это — ваша сова, драгоценнейший, — сверкнула улыбкой Рэйчел. — Или уже забыли? Мы привяжем к лапке этой дурацкой твари ваш адрес и пошлем ее своим ходом в Сан-Франциско, вот приедете вы как-нибудь усталый с работы, а она тут как тут.

Ее высокомерная ирония по столь малоподходящему поводу, как последняя в мире сова, резанула Рика по ушам. Такого просто не может быть, разве что если…

— Подождите секунду, — сказал он.

— Что, уже надумали? — повернулась Рэйчел.

— Я хочу, — сказал Рик, — задать вам еще один вопрос по вопроснику Фойгта-Кампфа. Присядьте, пожалуйста.

Оглянувшись на дядю и получив от него утвердительный кивок, Рэйчел медленно, нога за ногу, вернулась и села на прежнее место.

— Зачем это все? — спросила она недовольным и, как заметил Рик, настороженным голосом. Его профессиональный глаз не мог не заметить и того, что девушка буквально дрожит от внутреннего, тщательно скрываемого напряжения.

Через пару минут на ее щеке снова висела нашлепка датчика, в угол левого глаза бил игольчато-тонкий луч. Рэйчел напряженно застыла, на ее лице все так же мешались страх и возмущение.

— Вы обратили внимание на мой чемоданчик? — буднично спросил Рик, выуживая бланки протокола. — Не правда ли, прекрасная вещь?

— Да, в общем, — равнодушно согласилась

Рэйчел.

— Сделано по спецзаказу нашего департамента, из детской кожи, — гордо сообщил Рик. — Не какой-нибудь там пластик, а натуральная, без обмана, кожа годовалого ребенка.

Стрелки бешено замотались, но — с задержкой. Крошечной, но все же заметной. А Рик точно знал правильное время реакции для этого вопроса — ноль целых, ноль десятых секунды.

— Благодарю вас, мисс Розен, — сказал он, отлепляя от ее щеки датчик. — Вот, собственно, и все.

— Так вы что, уходите? — удивилась Рэйчел.

— Да, — кивнул Рик. — Я вполне удовлетворен.

— А как насчет остальных, кого мы отобрали? — осторожно поинтересовалась Рэйчел.

— В вашем случае вопросник показал свою полную работоспособность, и я имею полное право заключить, что мы можем им пользоваться, — объяснил Рик. — А сама-то она знает? — повернулся он к Элдону Розену, уныло маячившему около двери.

Случалось, что сами андроиды даже не подозревали о своей истинной природе; им вводилась ложная память, чаще всего — в тщетной надежде изменить таким образом время реакции.

— Нет, — покачал головой Элдон Розен. — Мы ее полностью запрограммировали. Однако похоже, что под конец она начала что-то подозревать. Ты когда догадалась? — повернулся он к Рэйчел. — Тогда, когда Декард захотел поспрашивать тебя еще?

Бледная как смерть девушка кивнула, не сводя испуганных глаз с Рика.

— Не бойся его, — сказал Элдон Розен. — Ты же не беглый андроид, тайком пробравшийся на Землю, а собственность ассоциации «Розен», демонстрационный экспонат, используемый при работе с будущими эмигрантами.

Он ободряюще потрепал девушку по плечу, заставив ее дернуться и отпрянуть.

— Ну конечно же, вам нечего бояться, — согласился Рик. — Я отнюдь не собираюсь что-то такое с вами делать. Всего хорошего, мисс Розен.

Он направился было к двери, но вдруг остановился и обернулся.

— А сова, она настоящая?

Глаза Рэйчел метнулись к «дяде».

— Теперь уже все равно, — сказал Элдон Розен. — Он и так, и так уходит. Нет, не настоящая. Все совы вымерли.

— М-да, — только и смог сказать Рик.

Элдон Розен и Рэйчел проводили его взглядами до двери. Никто ничего не говорил — все уже было сказано. Вот так вот, значит, действует крупнейший производитель андроидов, сказал себе Рик. Коварно, изобретательно и совершенно непривычным образом. Новый, совершенно дикий и вывихнутый тип личности; мало удивительного, что у правоохранительных органов такие проблемы с «Нексусами-шесть».

Так я же, понял Рик, уже успел с одним из них познакомиться. С Рэйчел. Первая с ними стычка, и они едва не одержали крупную, почти решающую победу — едва не скомпрометировали вопросник Фойгта-Кампфа, только и позволяющий нам их выявлять, других методов еще нет. Да, неплохо защищают Розены свою продукцию. Во всяком случае — неплохо пытаются ее защитить.

А мне, подумал он, предстоит иметь дело с полудюжиной таких.

Эти премиальные не будут легкими деньгами, каждый цент из них будет заработан тяжким, опасным трудом.

Если я доживу до премиальных.

Глава 6

Телевизор орал во всю мочь. Спускаясь по заросшей пылью лестнице огромного пустого здания, Джон Изидор слышал до зубной боли знакомый голос Дружища Бастера, взахлеб чесавшего языком на всю на Солнечную.

— …Хе-хе, ребята! Тяп-ляп-хряп! Самое время кратенько рассказать вам про завтрашнюю погоду. Для начала — Восточное побережье США. По сведениям с метеорологического спутника «Мангуст», дай бог ему здоровья, к полудню осадки достигнут максимума, а затем начнут помаленьку убывать, так что тем из вас, кто захочет высунуть на улицу нос или там что еще другое, лучше бы подождать до после обеда, сечете, да? Кстати, про насчет подождать. Всего десять часов осталось до выхода в эфир моего ударного, убойного и в-гроб-заколачивательного спецрепортажа! Скажите своим друзьям, чтобы не проворонили, а то будут потом волосы рвать на всех местах. Я расскажу вам такое, что вы все сядете на что уж там садятся. И только не думайте, что все это обычная лапша…

Стоило Изидору постучать в дверь квартиры,

как телевизор заглох, потух, исчез. Он не просто перестал разговаривать, он перестал существовать, лег в гроб и прикрылся крышкой, до смерти перепуганный робким «тук-тук».

Изидор ощущал сквозь закрытую дверь присутствие в квартире еще одной жизни, помимо жизни телевизора. Напряженными до предела органами чувств или чем-то отличным от них, безымянным он улавливал онемевший, затравленный страх кого-то, пытавшегося спастись бегством, бегством — от него, кого-то прижавшегося спиной к самой дальней стене квартиры в попытке избежать встречи, встречи — с ним.

— Эй, — окликнул он. — Я живу этажом выше. Я услышал ваш телевизор. Давайте познакомимся, ладно?

Он стоял, слушал и ждал. Ни голоса, ни шороха. Его слова не смогли извлечь наружу того, кто затаился там, внутри.

— Я принес вам пачку маргарина, — сказал Джон, приблизив рот к самой двери, чтобы проникнуть голосом сквозь ее толщу. — Меня звать Джон Изидор, я работаю на знаменитого ветеринара по животным мистера Ганнибала Слоута, вы наверняка о нем слышали. Я приличный человек, у меня есть работа. Я вожу грузовик

мистера Слоута.

Дверь на щелочку приоткрылась, и он увидел часть перекошенной, пугливо съежившейся фигуры — девушку, которая одновременно и пыталась отпрянуть от него, и цеплялась за косяк, словно чтобы не упасть. Страх мертвенно выбелил ее щеки, искорежил контуры тела; казалось, кто-то разломал девушку на куски, а потом кое-как залатал. Ее губы кривились в жалкой улыбке, огромные глаза не мигая смотрели на Изидора.

— Вы думали, что в этом доме никто не живет, — догадался он. — Думали, что дом пустой.

— Да, — шепнула девушка и чуть заметно кивнула.

— Но это же очень хорошо, — рассудительно заметил Изидор, — когда у тебя есть соседи. У меня-то их совсем не было, пока вот вы не появились.

И как же это было тоскливо. Господь тому свидетель…

— Так вы здесь совсем один? — спросила девушка и пригладила растрепавшиеся волосы. — В этом доме, не считая меня?

Она заметно приободрилась и не казалась больше поломанной куклой; только теперь Изидор разглядел, что вся одежда девушки состояла из

пижамных брюк и что у нее прекрасная, пусть и слишком миниатюрная, фигура и очень красивые глаза, окаймленные длинными, пушистыми, угольно-черными ресницами. В комнате за ее спиной царил дикий хаос — везде лежали открытые чемоданы, их содержимое наполовину высыпалось на грязный, покрытый толстым слоем пыли пол. Собственно говоря, в этом не было ничего удивительного, она ведь только что въехала в эту квартиру.

— Да, — сказал Изидор, — не считая вас, я здесь один. И я не стану вам мешать.

Ему было очень грустно. Его подношение, полностью соответствовавшее древнему довоенному ритуалу, не было принято и даже вроде бы осталось незамеченным. А может, девушка просто не понимает, зачем он принес эту пачку маргарина? И вдруг его осенило, что она сейчас в полном смятении, из последних сил барахтается в милосердно стихающих волнах страха.

— Старина Бастер, — сказал он, отчаянно стараясь помочь этой страшно напряженной девушке, — вам он нравится? Я смотрю его каждое утро, а потом и вечером, когда возвращаюсь с работы, — смотрю за ужином, и еще ночное шоу, пока не лягу спать. Во всяком случае — смотрел,

пока телевизор не сломался, теперь он у меня показывает только один канал.

— А кто… — начала девушка и тут же осеклась, чуть не до крови прикусив губу. На себя за что-то рассердилась.

— Дружище Бастер, — объяснил Изидор, ошеломленный тем невероятным фактом, что кто-то может не знать самого уморительного на Земле комика. — А вы откуда сюда приехали?

— Не понимаю, какое это имеет значение. — Девушка стрельнула глазами в его сторону и, похоже, осталась довольна увиденным; напрягшееся на мгновение тело снова расслабилось. — Я буду очень рада вашему обществу, — добавила она, — но позднее, когда разберусь со своими вещами, наведу здесь хоть какой-то порядок. А сейчас об этом не может быть и речи.

— Почему не может? — удивился Изидор.

Буквально все в ней его удивляло. Возможно, подумал он, я слишком уж долго живу здесь совсем один и постепенно стал таким… ну, вроде как странным. Говорят, с «недоумками» такое не редкость. От этой мысли ему стало еще грустнее.

— Я мог бы помочь вам распаковаться, — несмело предложил он, видя, что узкая щель двери начинает еще больше сужаться. — И с мебелью

тоже.

— Так у меня нет никакой мебели, — удивилась девушка, — а все эти вещи, — она указала через плечо на захламленную комнату, — так здесь и были.

— Они не годятся, — твердо сказал Изидор.

Он понял это сразу, с первого взгляда. Стулья, ковры, столики — все это прогнило, понуро обвисло, пало жертвой безжалостного времени — и запустения. За долгие годы, пока в этой квартире никто не жил, распад почти состоялся; Изидор не понимал, как она думает жить в такой обстановке.

— Слушайте, — загорячился он, походив немного по дому, — мы наверняка сможем подобрать вещи посохраннее этих. Лампу — в одном месте, стол — в другом.

— Так я, пожалуй, и сделаю, — сказала девушка. — Только сама, спасибо за предложение.

— Вы сумеете ходить по этим квартирам в одиночку? — не верил своим ушам Изидор.

— Ну да, а что тут такого? — Она чуть поморщилась, запоздало сообразив, что снова ляпнула что-то не то.

— Я уже такое пробовал, — сказал Изидор. — Однажды. А потом вернулся в свою квартиру

и постарался выкинуть из головы все остальные. Квартиры, где никто не живет, сотни таких квартир, и все они набиты чьими-то вещами — бельем, одеждой, фотографиями. Те, кто умер, не могли взять эти вещи с собой, а те, кто эмигрировал, зачастую просто не хотели. Этот дом, за вычетом моей квартиры, насквозь прохламился.

— Прохламился? — не поняла девушка.

— Вы же знаете, что такое хлам. Всякие бесполезные, ни на что не пригодные вещи, рекламная почта и пустые спичечные коробки, обертки от жвачки и вчерашние газеты. Когда рядом никого нет, хлам размножается. Ну, скажем, если ты лег спать, не убрав скопившийся в квартире хлам, наутро его будет вдвое больше. Его всегда становится все больше и больше.

— Понятно, — кивнула девушка, хотя ничего ей не было понятно; она не знала, верить словам этого странного человека или не верить, всерьез он говорит или нет.

— Первый закон Хлама, — сказал Изидор. — «Хлам вытесняет нехлам». Аналог закона Грэшема про плохие деньги[8]. А в квартирах, где никто

---

[8] Примечания: 8

Сэр Томас Грэшем (1519–1579) — английский купец и финансист. Закон Грэшема — сформулированное им правило, согласно которому более слабая, ненадежная валюта вытесняет из обращения более сильную.

не живет, некому бороться с хламом.

— И потому он одерживает полную победу, — кивнула девушка. — Теперь я понимаю.

— А вот это место, — продолжил Изидор, — эта квартира, которую вы выбрали, — она слишком прохламлена, чтобы в ней жить. Мы можем потеснить хламность, для этого и надо, как я говорил, прочесать соседние квартиры, однако… — Он замолк.

— Однако что?

— Победить мы все равно не можем, — печально сказал Изидор.

— Почему?

Девушка вышла в коридор, аккуратно притворив за собой дверь. Она стояла перед Изидором, смущенно прикрывая скрещенными руками маленькие острые груди, стояла и изо всех сил старалась его понять — по крайней мере, ему так казалось. Уж во всяком случае, она его слушала.

— Хлам вечен, победить его невозможно, ну разве что временно или на ограниченном пространстве — вот как, к примеру, я создал в своей квартире нечто вроде временного равновесия между давлением хлама и нехламом. Но со временем я умру или куда-нибудь уеду, и тогда хлам возьмет свое. Это непреложный мировой закон:

вся Вселенная движется к конечному состоянию полной, абсолютной прохламленности. Единственным исключением является неустанное восхождение Уилбура Мерсера.

— Да? — недоуменно взглянула девушка. — Я что-то не вижу, какая тут связь.

— Так в этом и состоит весь смысл мерсеризма, — загорячился Изидор. — Разве вы не участвуете в слиянии, не сжимаете ручки эмпатоскопа?

— В этой квартире у меня нет эмпатоскопа, — осторожно и после заметной паузы сказала девушка. — Я не захватила его с собой, думала — здесь найду.

— Но ведь эмпатоскоп, — заговорил, заикаясь от возбуждения, Изидор, — это самая личная ваша вещь! Это прямое продление вашего тела, средство, позволяющее соприкоснуться с другими человеческими существами, превозмочь одиночество. Да что я говорю, вы и сами все это прекрасно знаете. Это каждый знает. Мерсер, он даже таким, как я, позволяет…

Он оборвал фразу, но слишком поздно, когда она уже поняла, а она точно все поняла — об этом свидетельствовала легкая гримаса отвращения, рябью в потревоженной ветром заводи пробежавшаяся по ее лицу.

— Я почти прошел тест на ай-кью. — Теперь Изидор говорил совсем другим, тихим и виновато дрожащим голосом. — И я не очень аномальный, совсем чуть-чуть, не так, как многие, кого встречаешь. А Мерсер и вообще не обращает на это внимания.

— По моему мнению, — сказала девушка, — это следует считать одним из недостатков мерсеризма.

Слова падали холодно и бесстрастно, она просто констатировала конкретный факт, вернее — демонстрировала через этот факт свое отношение к недоумкам.

— Так я, пожалуй, пойду к себе наверх. — Он повернулся и сделал движение к лестнице, унося с собою напрасную, размякшую в ладони пачку маргарина.

Девушка смотрела ему вслед все с тем же бесстрастным и безразличным выражением на лице. А потом сказала:

— Подождите.

— Зачем? — обернулся Изидор.

— Вы мне еще понадобитесь. Чтобы подобрать более-менее толковую мебель. Пошарить по соседним квартирам, как вы тут говорили. — Она подошла к нему, совсем уже вроде не стесняясь

своего подтянутого, без грамма лишнего жира тела. — Во сколько вы возвращаетесь с работы? Вернетесь и приходите мне помочь.

— Хорошо, — обрадовался Изидор. — А не могли бы вы приготовить ужин на нас двоих? Я бы принес продукты.

— Нет, у меня слишком много дел.

Девушка отказалась без малейшего усилия, ничуть не боясь обидеть его, он сразу заметил это, хотя и не понял. А еще он заметил, что теперь, когда миновал первоначальный страх, в ней стало прорисовываться нечто совсем другое. Нечто более странное. И, подумал он, крайне прискорбное. Холодная отстраненность. Вроде, подумал он, ледяного дыхания пустоты, разделяющей крошечные островки обитаемых миров, дыхания вселенского ничто — дело было не в том, что она делала и говорила, а в том, чего она не делала и не говорила.

— Как-нибудь в другой раз, — сказала девушка и направилась к своей двери.

— А вы запомнили, как меня звать? — спросил он тревожно. — Джон Изидор, и я работаю у…

— Вы уже сказали, у кого вы работаете. — Девушка дошла до двери, открыла ее и добавила, не оборачиваясь: — Некая невероятная личность

по имени Ганнибал Слоут, не существующая, я уверена, нигде, помимо вашего воображения. Меня же зовут…

Она повернулась в дверях, одарила его безразличным, не греющим душу взглядом и закончила:

— Я Рэйчел Розен.

— Из ассоциации «Розен»? — заинтересовался Изидор. — Которая самый крупный производитель гуманоидных роботов, используемых в программе колонизации?

По лицу девушки скользнуло какое-то непонятное выражение, скользнуло и тут же исчезло.

— Нет, — сказала она, — я о таких даже не слышала, ничего о них не знаю. Скорее всего, их тоже породила ваша недоумочная фантазия. Джон Изидор и его личный, очень приватный эмпатичный ящик. Бедный мистер Изидор.

— Но судя по вашей фамилии…

— По-настоящему меня зовут, — твердо сказала девушка, — Прис Страттон. Это моя фамилия по мужу, я только ее и использую. А вообще все зовут меня Прис. Вы тоже можете называть меня Прис. — Она немного задумалась. — А впрочем, нет, называйте меня лучше мисс Страттон. Потому что мы фактически еще не знаем друг друга,

по крайней мере, я ничего о вас не знаю.

Дверь закрылась, оставив Джона в полном одиночестве на заросшей пылью лестничной площадке.

Глава 7

Ну что ж, такие дела, думал Джон Изидор, печально глядя на размякшую пачку маргарина. Может, она еще передумает, позволит мне называть ее Прис. А если я сумею раздобыть довоенные овощи, так и насчет ужина, может, передумает.

А вдруг она просто не умеет готовить? Ну что ж, тогда я и сам прекрасно справлюсь, сам приготовлю ужин для нее и для себя. Заодно и покажу ей, как это делается, чтобы в другой раз она могла сама, если захочет. А так, скорее всего, и будет, она захочет, узнав, как это делается, ведь это же все говорят, что женщины, даже совсем еще молодые, любят стряпать, это у них инстинктивное.

Спустившись по полутемной лестнице, Джон Изидор вернулся в свою квартиру. Она какая-то не от мира сего, думал он, переодеваясь в белую санитарную униформу, а на работу я точно опоздал, мистер Слоут будет сердиться, но это не страшно, он не злой. Вот, скажем, как можно ничего не знать, даже не слышать про Дружища Бастера, ведь Бастер — самый знаменитый, самый главный человек изо всех ныне живущих, не считая, конечно же, Уилбура Мерсера, только

Мерсер — совсем другое дело, он и не человек вовсе, а некая вселенская сущность, внедренная в нашу систему извне, неведомыми космическими силами, так, во всяком случае, говорят, и мистер Слоут тоже так говорит, а уж мистер Слоут-то, он, конечно же, знает.

И странно, что она так путается со своим собственным именем, думал Изидор. Возможно, она даже нуждается в помощи. А какая ей помощь от меня? Аномал, недоумок, я не могу ни жениться, ни уехать отсюда в какую-нибудь колонию, и что тогда остается? Только ждать, пока эта пыль меня убьет. Нет, нечего мне ей предложить, совсем нечего.

Застегнув на белом халате последнюю пуговицу, он вышел из квартиры и начал долгий подъем на крышу, где был припаркован видавший виды фургон.

Часом позже он принял в ремонт первое за день животное: электрический кот, упакованный в пылезащитную пластиковую переноску, лежал в самом конце фургона, но все равно в кабине было слышно, как трудно, с хрипом он дышит. Если не знать, решишь, что он и вправду живой, подумал Изидор и прибавил скорости, чтобы поскорее доставить несчастное эрзац-существо в «Ван-Нес-

совскую ветеринарную клинику», под каковым названием скрывалось карликовое предприятие, едва сводившее концы с концами на жестком, высококонкурентном рынке ремонта электрических животных.

Кот страдальчески застонал.

Господи, сказал себе Изидор, ну словно и вправду помирает. Может, батарейка коротнула на что-нибудь, и все схемы повылетали. Если так, то ремонт крупный. Милту Борогроуву будет чем заняться. А я-то, мрачно сообразил он, даже не дал хозяину никакой оценки, во сколько может обойтись работа, — да и когда бы я мог, этот парень просто сунул мне своего кота, сказал, что ночью ему стало плохо, и сразу куда-то отвалил. На работу, наверное. Во всяком случае, тут наши разговоры и закончились, котовый хозяин взмыл в небо на своем ультрасовременном, ручной работы ховеркаре. Новый клиент, раньше мы с ним дела не имели.

— Ты сможешь потерпеть до мастерской? — спросил Изидор, обернувшись к пластиковой переноске.

Кот продолжал хрипеть.

Ладно, решил Изидор, перезаряжу его прямо сейчас. Он посадил фургон на первую же сво-

бодную крышу, перевел двигатели на холостой, пролез, чуть согнувшись, в задний конец фургона и открыл пыленепроницаемую пластиковую корзинку. Корзинка была точно такая же, в каких носят животных, на фургоне красовалась надпись «Ван-Нессовская ветеринарная клиника». В сочетании с белым халатом Изидора все это производило полнейшее впечатление, что настоящий ветеринар пришел проверить состояние тяжелобольного животного. Настоящего животного.

Электрический кот, обтянутый серой, абсолютно натурального вида эрзац-шкурой, уже не хрипел, а издавал какие-то жуткие булькающие звуки, его видеообъективы остекленели, на оскаленной, с намертво стиснутыми зубами пасти висели клочья пены. Изидора всегда поражало, насколько убедительно действуют «симптомные» цепи этих механизмов. При неполадках в каком-нибудь функциональном блоке у электрического животного появлялись до ужаса убедительные признаки той или иной опасной болезни. Ну точно бы я решил, что он живой, сказал себе Изидор, торопливо ощупывая теплый пушистый живот в поисках укрытой там управляющей панели (у животных такого типа

она была крайне миниатюрна) и разъема для экстренного подзаряда очень емкой, на десять лет непрерывной работы аккумуляторной батарейки. Ни того ни другого не обнаруживалось. Долго искать было некогда, механизм уже совсем отказывал. Если все дело в коротыше, думал Изидор, и сейчас там вылетают цепь за цепью, нужно бы, пожалуй, отсоединить один из выводов батарейки; механизм, конечно же, заглохнет, но зато ничего больше не будет в нем портиться. А потом — в мастерскую. Милт и батарейку зарядит, и вообще все сделает.

Он быстро, но тщательно ощупал костлявый псевдопозвоночник. Провода должны быть где-то здесь. Черти бы драли высококлассных мастеров, сварганивших такую великолепную имитацию, ну не найти этих проводов, хоть плачь. Не иначе как производство Уилрайта и Карпентера, цены у них заметно выше, но зато, как говорится, почувствуйте разницу.

Он вздохнул и отступился. Искусственный кот окончательно заглох; судя по всему, короткое замыкание — если это оно всему причиной — прикончило и батарейку, и главный двигательный привод. Дорогой ремонт, печально подумал Изидор. Не иначе как несчастный котяра не по-

лучал трижды в год положенную ему чистку со смазкой, а без них и гарантия пропадает, и срок службы резко снижается. Ну что ж, это будет для хозяина хорошим уроком.

Перебравшись на водительское сиденье, он повернул баранку в положение «взлет», взмыл вертикально в небо и снова взял курс на свою мастерскую.

Жаль, конечно, что кот совсем сломался, но теперь хотя бы не приходилось слушать, как он мучается. Странное дело, думал Изидор, вот хоть я вроде прекрасно понимаю, что все это фальшивка, искусная симуляция, все равно жуткие хрипы и стоны эрзац-животного рвали мне сердце. Лучше бы мне работать в каком-нибудь другом, поспокойнее, месте. Не провали я тогда этот дурацкий тест, не пришлось бы мне браться за такое неблагодарное занятие, связанное с непомерными эмоциональными издержками. А с другой стороны, вот взять хоть Милта Борогроува и мистера Ганнибала Слоута, ну разве их беспокоят синтетические страдания искусственных животных? Да ни в коей мере. А если так, заключил Джон Изидор, скорее всего, дело тут во мне самом… Возможно, когда ты регрессируешь, как то было и есть со мной, когда ты увязаешь в

могильном мире аномальности… да нет, лучше об этом не думать. Ничто не угнетало Изидора так сильно, как те моменты, когда он начинал сравнивать себя теперешнего с тем, каким он был когда-то. Его умственные способности убывали день ото дня, медленно, но необратимо. Как и тысячи других аномалов, он двигался под уклон, к полному распаду. Превращению в живой хлам.

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, Изидор включил приемник и настроился на аудиопрограмму Дружища Бастера, которая, подобно своему телевизионному аналогу, шла без перерыва двадцать три часа в сутки, причем оставшийся час состоял из религиозной концовки, пятиминутного перерыва и рекламной заставки.

— Рад, что ты снова с нами, — говорил Дружище Бестер, — итак, Аманда, ты куда-то запропастилась на целых два дня. Ну не иначе как новый фильм, верно, дорогуша?

— Ну, я пше-то думала ну прям вчера и сымаца, так они чего, хотят, чтобы начинать прям фсем…

— В семь утра, дорогуша, или всем вместе? — прервал ее Дружище Бастер.

— И так и сяк, Бустер, фсем фсем! — Аманда зашлась своим знаменитым смехом, которому

подражали почти так же часто, как смеху самого Бастера.

Аманда Вернер и несколько других столь же элегантных, очаровательных дам с тугими, задорно торчащими грудями плюс малая толика сельских острословов составляли основное ядро бастеровского окружения. Подобно Аманде, все эти женщины считались «иностранками», без уточнения, откуда именно они приехали; ни одна из них никогда не снималась в кино и не играла в каких бы то ни было спектаклях, их загадочная — и прекрасная в своей загадочности — жизнь практически не выходила за рамки нескончаемого шоу Дружища Бастера, где они проводили, как подсчитал однажды Изидор, до семидесяти часов в неделю.

И как это у Бастера достает времени записывать все эти программы, и телевизионные, и аудио? — недоумевал Изидор. И как это Аманда Вернер успевает участвовать в них через день, и это месяц за месяцем, год за годом? И как они могут столько разговаривать — никогда, насколько он мог судить, не повторяясь. Их реплики, неизменно живые, неизменно остроумные, никогда не казались заученными. Глаза Аманды сияли, волосы блестели, зубы сверкали. Она никогда

не уставала, никогда не лезла за словом в карман, никогда не терялась перед бастеровским фонтаном шуток, каламбуров и язвительных замечаний. Шоу Дружища Бастера не только транслировалось через спутники во все уголки Земли, но и изливалось с неба на жителей колоний. Более того, уже были сделаны первые попытки вещания на Проксиму, так что, долети «Саландер-3» до цели, его встретил бы там Дружище Бастер — к вящей радости команды.

Но был у Дружища Бастера и один малоприятный пунктик. Бастер постоянно подсмеивался над Мерсером и мерсеризмом. Вот и сейчас опять.

— …Умный в гору не пойдет, тем более — если там швыряются булыжниками, — говорил он Аманде Вернер. — А уж если я вдруг совсем сдурею и полезу на гору, то непременно прихвачу с собой пару бутылок «Будвайзера»! — (Невидимая Джону Изидору аудитория откликнулась смехом и аплодисментами.) — А потом оттуда, сверху, обнародую свой забойный репортаж, что произойдет ровно через десять часов, следите за эфиром!

— И я с тобой тоже полежу, дорогуша! — загорелась Аманда. — Возьми меня с собой! Я не отстану

от тебя ни на шаг, и когда они кинут в нас камень, я тебя защитю!

Аудитория снова зашлась хохотом, а на Джона Изидора накатила волна тихой бессильной ярости. Ну почему Дружище Бастер не может оставить Мерсера в покое? Он же никому не мешает, вот даже ООН высказала свое одобрение. Полиция — и американская, и советская — тоже за, были прямые официальные заявления, что мерсеризм заметно снизил уровень преступности, сделав людей более отзывчивыми к бедам и страданиям ближнего. А Генеральный секретарь ООН Тайтус Корнинг так прямо и говорит, что людям нужно побольше сострадания. Может, Бастер вредничает просто из зависти? Тогда бы все было понятно: он и Уилбур Мерсер что-то не поделили, соперничают. Но что им делить?

Не иначе как наши души, догадался Изидор. Они сражаются за контроль за нашими психическими сущностями. С одной стороны — психический ящик эмпатоскопа, с другой — Бастеровы хиханьки и хаханьки. Нужно будет поговорить об этом с мистером Слоутом, решил он. Спросить его, так оно или не так, уж он-то знает.

Он посадил фургон на крышу Ван-Нессовской ветеринарной клиники и сразу же отнес

пластиковую клетку с безжизненным тельцем электрического кота вниз, в контору Ганнибала Слоута. Услышав скрип двери, мистер Слоут оторвал взгляд от толстого каталога запчастей; мертвенно-серая кожа на его лбу сошлась вопросительными морщинами. Ганнибал Слоут не был аномалом, но все равно не имел права эмигрировать, юные колонии не нуждались в одиноких стариках. Вездесущая пыль изъела его лицо и мысли, иссушила тело, превратила ноги в тонкие, шаткие подпорки. Он смотрел на мир сквозь очки, почти непрозрачные от пыли. Трудно сказать, почему Слоут никогда не протирал их; возможно, он с самого начала опустил руки, принял как данность, что радиоактивная пыль его убивает и со временем убьет. Она уже повредила зрение Слоута, вскоре возьмется за другие органы чувств, и так это и пойдет, по нарастающей, пока от него не останется один лишь визгливый, птичий голос. Потом угаснет и он.

— Что там у тебя? — спросил мистер Слоут.

— Кот с закороткой в источнике питания, — отрапортовал Изидор, водружая переноску на заваленный бумагами стол.

— А чего ты сюда-то его приволок? — возмутился Слоут. — Неси прямо вниз, к Милту.

И все же тем временем его руки почти машинально открыли клетку и извлекли испорченное животное наружу. Когда-то он тоже был ремонтником, и очень хорошим.

— Мне кажется, — сказал Изидор, — что Дружище Бастер и Мерсер борются за контроль над нашими психическими сущностями, нашими душами.

— Если оно и вправду так, — заметил Слоут, внимательно рассматривая кота, — Бастер выигрывает битву.

— Это сейчас Бастер выигрывает, — горячо возразил Изидор, — но в конечном счете он непременно проиграет.

— Это почему же? — поднял голову Слоут.

— А потому что Мерсер все время обновляется. Он вечен. Враги сшибают его с вершины горы в могильный мир, он тонет, но затем непременно поднимается и начинает новое восхождение — он, а вместе с ним и все мы. Поэтому мы тоже вечны.

Здорово это у меня получается, с гордостью думал он. Гладко и красиво, как по написанному. А то всегда, если при мистере Слоуте, начинаю путаться и заикаться.

— Бастер тоже бессмертный, — сказал Слоут. —

Точно как Мерсер.

— Как это может быть? Он же человек.

— Не знаю уж как, — пожал плечами Слоут, — но тут нет никаких сомнений. Само собой, вслух об этом не говорят.

— Так это поэтому Дружище Бастер умудряется записать сорок шесть часов своих программ за сутки?

— Да, — кивнул Слоут.

— А что насчет Аманды Вернер и всех этих прочих женщин?

— Они тоже бессмертны.

— Они что, высшие существа из другой системы?

— Вот это мне так и не удалось определить точно. — Слоут снял залепленные пылью очки и близоруко прищурился, заглядывая в безжизненный, странновато оскаленный кошачий рот. — Столь же точно, как я разобрался с Мерсером, — добавил он еле слышно и тут же разразился длинной, не меньше минуты, цепочкой замысловатых проклятий.

— Этот кот, — сказал он, отругавшись, — никакой не электрический. Вот сердцем же чувствовал, что однажды такое случится. Ты притащил мне дохлого кота.

Слоут отодвинул кошачий трупик и снова начал сыпать проклятьями.

— Что тут у вас?

На пороге стоял коренастый, с рыхлой, нездоровой кожей лица Милт Борогроув в своем всегдашнем порядком засаленном парусиновом фартуке. Заметив кота, он вошел в комнату, взял его со стола, быстро осмотрел и покачал головой.

— Видишь, — воззвал к нему Слоут, — что притащил нам этот недоумок?

Изидор болезненно сморщился — прежде он ни разу не слышал от хозяина этого обидного слова.

— Будь этот кот живой, — сказал Милт, — можно было бы отнести его к настоящему ветеринару. Интересно, сколько такой стоит? У вас тут есть под рукой «Сидни»?

— А в-ваша ст-т-траховка, она п-п-по-крывает п-п-подобные случаи? — убито промямлил Изидор. В глазах у него потемнело, пол под ногами закачался, стены кабинета странно перекосились и начали вращаться.

— Покрывает, — буркнул после нескольких секунд молчания Слоут. — Но меня бесит, что ты вот так, ни за что ни про что загубил этого котяру. Утрата еще одной живой твари. Ты что, Изидор, совсем ничего не понимаешь? Неужели ты не

заметил никакой разницы?

— Я подумал, — жалко пролепетал Изидор, — что это такая прекрасная работа. Такая прекрасная, что и не отличить от живого. Я хочу сказать, он казался мне живым, и это выходило, что такая прекрасная работа.

— А мне кажется, — вмешался Милт, — что он и вообще не может их толком различить. Для него они все живые, что настоящие, что искусственные. Он же, наверное, оживить его пытался. Ты что с ним делал? — повернулся он к Изидору. — Пробовал зарядить батарейку? Искал место, где его коротнуло?

— Д-д-да, — кивнул Изидор.

— Скорее всего, кот был уже в таком состоянии, что все равно бы не выжил, — сказал Милт. — Так что, Ганн, отстал бы ты от несчастного недоумка. Он ведь верно подметил, эти новые фальшаки с их симптомными цепями выглядят так натурально, что и не отличишь. А живые, они, конечно же, умирают, это один из рисков, на которые сознательно идет хозяин. Мы просто успели уже от этого отвыкнуть, потому что видим вокруг сплошных фальшаков.

— Котяру мне жаль, — буркнул Слоут.

— Согласно М-мерсеру, — вступил чуть осме-

левший Изидор, — все живое возвращается. И живот-т-тные, они т-тоже п-проходят п-полный цикл. Я хоч-чу сказать, мы все вместе с ним восходим, умираем…

— Вот пойди расскажи все это хозяину кота, — оборвал его Слоут.

— Вы мне приказываете? — спросил Изидор, не совсем уверенный, шутка это или всерьез. — Но вы же всегда сами клиентам звоните.

Он боялся видеофона и никогда по нему не говорил, а уж взять и позвонить какому-то совершенно незнакомому человеку — это вообще лежало для него далеко за гранью мыслимого. Что, конечно же, не было для Слоута секретом.

— Не заставляй его, — вмешался Милт. — Я сам все улажу. Какой там номер?

— Где-то у меня был записан, где-то был… — засуетился Изидор, судорожно обшаривая карманы своего белого халата.

— А я хочу, чтобы этим озаботился недоумок, — твердо сказал Слоут.

— Но я же н-не м-м-могу говорить п-по видеофону, — взмолился Изидор; его сердце было готово выпрыгнуть из груди. — Потому что я грязный, косматый, уродливый, гнилозубый и седой. И я чувствую, что у меня радиационная болезнь, и я

от нее скоро умру.

— Чувствуй я себя таким образом, — ухмыльнулся Милт, — мне бы тоже не очень хотелось говорить по видеофону. Ладно, Изидор, давай сюда номер, иначе я не смогу позвонить кошачьему хозяину, и тебе придется делать это самому.

— Звонить будет недоумок, — упрямо сказал Слоут. — Пусть звонит, или я его уволю.

Он не смотрел ни на Милта, ни на Изидора, а просто сидел, вперив подслеповатые глаза в пустоту.

— Вот уж уперся, — покачал головой Милт.

— Я не хочу, ч-ч-чтобы меня н-называли н-н-недоумком, — запоздало возмутился Изидор. — И вообще эта п-пыль, она и с вами много чего сделала, я в-в смысле физически, хотя, м-может, и н-не т-т-тронула ваш мозг, к-к-как с-случилось с-со мной.

Я считай что уволен, с ужасом подумал он. Ведь я не смогу позвонить, ни за что. И тут ему вспомнилось, как улетал на работу хозяин кота. А если улетел, значит, дома его нету.

— П-пожалуй, я в-в-все-т-т-таки смогу, — сказал он, выуживая из кармана бирку с адресом, телефоном и фамилией.

— Видишь? — повернулся Слоут к Милту. —

Прекрасно он все может, если припрет.

Изидор подсел к видеофону, снял трубку и начал набирать номер.

— Да, — кивнул Милт, — только зря ты это, загонял его в угол. И он правду говорит, пыль тебя здорово уделала — вон же, почти ослеп, а еще пара лет, так и слух потеряешь.

— Да и тебя, Борогроув, она уделала немногим меньше, — ощерился Слоут. — Посмотри на себя в зеркало — вон рожа как собачьим дерьмом облеплена.

На экране видеофона появилось озабоченное лицо молодой центральноевропейского типа женщины с волосами, увязанными в тугой узел.

— Да?

— Миссис П-п-пильзен? — через силу выдавил Изидор; страх и растерянность не позволили ему заранее сообразить, что, скорее всего, у котовладельца есть жена и что, скорее всего, эта жена сидит сейчас дома. — Я хочу п-поговорить с вами о вашем к-к-к… — он замолк и нервно помял свой подбородок, — в-вашем коте.

— Да, конечно, это же вы забрали Ораса, — закивала миссис Пильзен. — Так что же у него в итоге оказалось? Мой муж считал, что это воспаление легких.

— Ваш кот умер, — сказал Изидор.

— Господи, да как же это…

— Мы заменим его, — сказал Изидор. — На такие случаи у нас есть страховка. — Он скосил глаза на Слоута, тот, похоже, не возражал. — Мистер Слоут, владелец нашей фирмы… — еще один взгляд на Слоута, — лично…

— Нет, — отрезал Слоут. — Мы дадим им чек. Полную цену по каталогу «Сидни».

— …лично подберет вам наиболее подходящее животное на замену, — завершил Изидор, почти не вдумываясь в смысл своих слов.

Начав этот невозможный, невыносимый разговор, он с какого-то момента понял, что не может повернуть назад. Произносимое обладало своей собственной внутренней логикой, ни отменить которую, ни изменить он не может, а только следовать за логической цепочкой до ее естественного завершения. Не обращая внимания на недоуменные взгляды Слоута и Милта Борогроува, ничуть уже не заикаясь, он говорил, и говорил, и говорил:

— Вы только дайте нам точное описание нужного вам животного — пол, расцветка, порода — например, персидский, абиссинский, мэнский бесхвостый…

— Орас умер, — вздохнула миссис Пильзен.

— От воспаления легких, — уточнил Изидор. — Он скончался по пути в клинику. Наш главный терапевт, доктор Ганнибал Слоут, выразил абсолютную уверенность, что к этому моменту ничто уже не могло его спасти. Но разве не замечательно, миссис Пильзен, что мы его вам заменим, — вы согласны со мной?

— Таких котов больше не бывает, — сказала миссис Пильзен, на ее глазах показались слезы. — Совсем еще маленьким, он иногда вдруг сядет и смотрит на тебя, словно о чем-то спрашивает, а мы не понимали, о чем он спрашивает, и не могли ответить. Может быть, теперь он и сам знает все ответы. — Слезы хлынули еще обильнее. — И мы тоже когда-нибудь их узнаем, каждый в свой час.

И тут на Изидора снизошло вдохновение.

— А как вы отнесетесь к синтетическому двойнику вашего кота? Знаменитая фирма «Уилрайт и Карпентер» могла бы изготовить по нашему заказу истинный шедевр, идеально воспроизводящий безвременно усопшее животное во всех, вплоть до самых мельчайших, подробностях как внешнего вида, так и характера, обладающий к тому же такими несомненными преимуществами, как долговечность, отсутствие…

— Какой ужас! — возмутилась миссис Пильзен. — Даже и не заикайтесь при моем муже ни о чем подобном, а то он совсем с ума сойдет. Эд любил Ораса больше, чем любого другого кота, который у него был в жизни, а были они у него всегда, чуть не с грудного возраста.

Видя, что Изидор совсем растерялся, Милт Борогроув отобрал у него трубку видеофона.

— Тогда мы можем просто дать вам чек на полную каталожную цену по «Сидни» или, как только что предложил мистер Изидор, можем подобрать для вас нового кота. Мы искренне сожалеем, что ваш кот умер, однако, как говорил уже мистер Изидор, у него было обширное воспаление легких, что, как правило, приводит к летальному исходу.

Милт говорил спокойным голосом уверенного в себе профессионала. Высокое искусство общения с клиентами было отточено у него лучше, чем у самого мистера Слоута, не говоря уж об Изидоре.

— Я не знаю, что сказать Эду… — пролепетала миссис Пильзен.

— Хорошо, мэм, — кивнул Милт и чуть заметно поморщился. — Тогда мы позвоним вашему супругу сами. Вы не могли бы дать мне его рабочий номер видеофона?

Он взял одну из валявшихся на столе авторучек, а мистер Слоут услужливо подсунул ему блокнот.

— Послушайте. — Миссис Пильзен несколько взяла себя в руки и говорила спокойно, без слез и истерик. — Этот предыдущий джентльмен, я теперь думаю, что, может быть, и прав. Пожалуй, я соглашусь на замену Ораса электрической копией, но только чтобы Эд ничего не знал. Вот вы скажите, можно будет сделать воспроизведение таким точным, что мой муж ничего не заметит?

— Как хотите. — В голосе Милта звучало сомнение. — К сожалению, по опыту подобных случаев, копия может обмануть соседей, случайных наблюдателей, но никак не хозяев животного. Когда пытаешься установить с копией те же близкие отношения, какие были у тебя с оригиналом…

— У Эда не было близких отношений с Орасом, хотя он его и любил. Кормежка, кювета с песком, вычесывание — все это полностью лежало на мне. Я думаю, стоит попытать счастья с искусственным животным, а уж если ничего не получится, тогда подберем взамен Ораса другого настоящего кота. Честно говоря, я попросту боюсь говорить мужу, он этого не переживет. Он ведь потому и не был особенно близок с Орасом

— боялся, что вот привяжется, а через какое-то время… Когда Орас заболел — воспаление легких, как вы установили, — Эд совсем запаниковал и сперва надеялся, что это какая-нибудь ерунда и само пройдет, потому-то мы так долго и тянули с вызовом врача. Слишком долго… я же чувствовала, что тем все и кончится, а когда вы позвонили, сразу догадалась, о чем пойдет разговор.

Она помолчала, сдерживая вновь разыгравшееся волнение, затем спросила:

— Сколько это займет времени?

— Копия будет готова… — Милт задумался, прикидывая, — дней через десять. Мы доставим ее днем, пока ваш муж на работе.

Он закруглил разговор, попрощался, положил трубку и повернулся к Слоуту.

— Этот самый ее муж, он через пять секунд все поймет. Но мы тут ни при чем, она сама так захотела.

— Как правило, хозяева воспринимают смерть любимого животного крайне болезненно, — мрачно заметил Слоут. — Так что слава богу, что мы специализируемся на фальшаках. Ты можешь себе представить, каково приходится настоящему ветеринару, который вынужден вести такие разговоры чуть не каждый день? Кстати, о разго-

ворах. — Он взглянул на Джона Изидора. — А ведь ты, Изидор, не такой уж и дурак, и побеседовал ты с ней вполне прилично, пусть даже Милту и пришлось в конце тебя подменить.

— Молодец Изидор, — сказал Милт. — Такого ей на уши навесил, что я только диву давался. А ведь такой суровый случай, что не приведи Господь. Я отнесу это в мастерскую, — добавил он, сгребая со стола мертвого кота, — а ты, Ганн, позвони Уилрайту и Карпентеру, чтобы прислали сюда своего мастера с фотоаппаратом. Пусть он измерит и отснимет котяру прямо здесь, а на вынос я не дам, потому что хочу потом лично сравнить копию с оригиналом.

— А пусть и им Изидор позвонит, — решил мистер Слоут. — После разговора с трепетной миссис Пильзен для него это пара пустяков.

— Ты, главное, не давай им забрать оригинал, — сказал Милт, протягивая Изидору мертвого кота. — Они захотят, потому что с оригиналом под рукой работать намного проще, но ты прояви твердость.

— Хорошо, — сказал Изидор. — И звонить, наверное, нужно поскорее, пока он не начал разлагаться. Ведь мертвые тела разлагаются, верно?

Его буквально раздувало от гордости.

Глава 8

Посадив скоростную служебную машину на крышу сан-францисского Дворца правосудия, профессиональный охотник на андроидов Рик Декард взял с сиденья служебный же чемоданчик и прямиком направился в кабинет своего босса Гарри Брайанта.

— Как-то ты слишком уж быстро.

Брайант запрокинул голову и шумно вдохнул щедрую понюшку «Особой номер три».

— Я сделал все, за чем ты меня послал.

Рик сел напротив начальника и поставил чемоданчик на пол. Господи, подумал он, да как же я устал. До этого момента усталость вела себя довольно сдержанно, но зато теперь она навалилась на него в полную силу. Рик начинал уже сомневаться, сумеет ли он быстро восстановить форму, необходимую для предстоящей работы.

— Как там Дэйв? — спросил он. — В силах побеседовать со мной? Прежде чем браться за этих андроидов, мне хотелось бы кое-что у него выяснить.

— Первый заход ты сделаешь на того из них, который срезал Дэйва, на Полокова, — сказал

Брайант. — Нужно убрать этого ловчилу как можно скорее, потому что он знает, что мы о нем знаем.

— Скорее? Даже не посоветовавшись с Дэйвом?

Брайант взял со стола лист папиросной бумаги, слепую третью, а то и четвертую машинописную копию какого-то документа.

— Полоков работает муниципальным уборщиком мусора.

— Мне казалось, что этим занимаются исключительно аномалы.

— Вот он и косит под аномала, полного идиота. На это наш общий друг и попался — Полоков настолько убедителен в своей роли, что Дэйв расслабился и потерял бдительность. Так ты считаешь, нам можно полагаться на вопросник Фойгта-Кампфа? То, что случилось в Сиэтле, полностью уверило…

— Да, — кивнул, не вдаваясь в подробности, Рик.

— Постараюсь поверить тебе на слово, — вздохнул Брайант. — Только ты имей в виду, что проколы абсолютно недопустимы.

— Так охота на андроидов и вообще такое дело, что проколы в ней недопустимы. В чем разница?

— Разница в том, что появился «Нексус-шесть».

— На моем счету уже есть один выявленный, — сказал Рик. — А на счету Дэйва — два. Три, если считать Полокова. Ладно, я нейтрализую Полокова прямо сегодня, а где-нибудь вечером или завтра побеседую с Дэйвом.

Он протянул руку к слепому машинописному экземпляру установочных данных на андроида, втершегося в людскую среду под псевдонимом «Полоков».

— И еще, — сказал Брайант. — К нам направляется советский коп из ВПО. Шандор Кадайи, как его зовут, позвонил мне, когда ты был в Сиэтле. Сейчас он уже на борту аэрофлотского ракетоплана, который сядет здесь примерно через час.

— А что ему надо?

Копы из ВПО редко осчастливливают Сан-Франциско своими визитами.

— В штаб-квартире ВПО настолько заинтересовались этими «Нексусами-шесть», что захотели прикрепить к тебе одного из своих. Наблюдателем, но при случае и помощником. Тебе самому решать, когда и на что этот Кадайи может пригодиться, но сопровождать тебя он будет точно, я уже дал на это согласие.

— А с премией что? — безразлично поинтересовался Рик.

— Делиться не обязательно, — криво усмехнулся Брайант.

— Иную постановку вопроса я счел бы попросту несправедливой.

Рику совершенно не улыбалось отдавать часть своего нелегкого заработка какому-то хмырю из ВПО. Он пробежал глазами установочные данные на Полокова — словесный портрет, текущий домашний адрес и место работы. Мусороуборочная компания «Залив», центральная контора которой располагалась в Гири.

— Ну что, подождешь русского копа, чтобы помог тебе с нейтрализацией Полокова? — невинно поинтересовался Брайант.

— Я как-то всегда обходился один, — ощерился Рик. — Ты начальник, так что тебе решать, но я бы уж лучше занялся им прямо сейчас, не дожидаясь, пока к нам заявится этот Кадайи.

— Ну, один так один, — милостиво согласился Брайант. — А уж когда займешься номером вторым, госпожой Любой Люфт — вот, кстати, ориентировка на нее, — он протянул Рику еще один лист папиросной бумаги с бледными, расплывчатыми строчками машинописного текста, — тогда подключишь и Кадайи.

Рик положил оба листка в департаментский

чемоданчик и снова направился на крышу, к недолго скучавшей машине. Ну что ж, сказал он себе, нанесем визит вежливости господину Полокову. Он похлопал себя по карману, где лежал лазер.

Рик начал охоту на Полокова с посещения главной конторы его работодателей.

— Здравствуйте, — сказал он седовласой, сурового вида секретарше. — Я хотел бы повидаться с одним из ваших сотрудников.

Логово мусорщиков впечатляло. Просторное, ультрасовременное здание, деловитая суета хорошо вышколенных канцелярских служащих, толстые ковры и дорогая, из настоящего дерева мебель — все это лишний раз напоминало, что сбор и уничтожение мусора стали после войны одной из важнейших отраслей промышленности. Тонкая пленка цивилизации облезала с планеты, как краска с неухоженного забора, рассыпалась трухой, и чтобы поддерживать Землю в состоянии, более-менее пригодном для жизни немногих оставшихся на ней людей, эту труху требовалось время от времени убирать, в противном случае колыбель человечества рисковала, как любит говорить Дружище Бастер, задохнуться под толстым удушающим слоем — нет, не радио-

активной пыли, а хлама.

— К мистеру Акерзу, — сказала суровая секретарша. — Кадрами занимается он.

Она указала на внушительный (хотя и всего лишь «под дуб») стол, за которым перебирал бесчисленные бумаги плюгавый, благостного вида очкарик.

— Меня интересует ваш сотрудник по фамилии Полоков, — сказал Рик, предъявляя свое полицейское удостоверение. — Где он сейчас, на работе или дома?

— Полоков, говорите? — недовольно переспросил мистер Акерз, выкапывая из бумажных завалов какую-то папку. — Полоков должен быть на рабочем месте. Наше предприятие в Дали-Сити, прессующее старые машины перед сбрасыванием их в Залив, на засыпку. Однако… — Он сверился по какому-то списку, позвонил кому-то по внутреннему видеофону и наконец вынес окончательный вердикт: — Полоков не вышел сегодня на работу. Причина неизвестна. Он что-нибудь натворил?

— Если он все-таки появится, — сказал Рик, — не говорите ему, что о нем спрашивали. Вы понимаете?

— Уж как-нибудь, — обиженно насупился мусо-

роуборочный кадровик.

Теперь нужно было проверить квартиру Полокова в одном из доходных домов Тенделойна[9]. Найдешь его теперь, держи карман шире, мрачно думал Рик, поднимая машину в воздух. Слишком уж долго они — Брайант и Холден — рассусоливали. Чем гробить драгоценное время на этот самый Сиэтл, Брайанту следовало прямо с утра натравить меня на Полокова, а лучше сделать это еще вчера, как только Дэйв схлопотал свое.

Жутковатое местечко, поежился Рик, пробираясь по заваленному хламом лифту. Пустые, заброшенные клетки и загоны покрывал многомесячный слой пыли. В одной из клеток валялся лапами кверху электрический куренок. Неосвещенная лестничная площадка на полоковском этаже напоминала средневековый застенок. Пошарив по стенам узким лучом полицейского фонарика, Рик заодно еще раз взглянул на машинописный листок с ориентировкой. Через Фойгт-Кампфовский тест Полокова уже прого-

---

[9] Примечания: 9

Тенделойн *(букв.* «филейная вырезка») — общеамериканское прозвание части города, где сосредоточена большая часть злачных заведений. Это слово восходит к некоему нью-йоркскому полицейскому конца XIX века, сказавшему после того, как его перевели на участок между 23-й и 42-й улицами, что прежде он ел дешевые бифштексы из шеи и лопатки, а отныне переходит на вырезку.

няли, так что можно было начинать спектакль прямо с финальной сцены, с нейтрализации.

Вернее всего было сделать это прямо отсюда, с лестницы. Достав из чемоданчика всенаправленный пенфилдовский излучатель, Рик нажал на кнопку «оцепенение»; сам он при этом держался точно сзади от прибора, в защитном поле дополнительного противофазного излучателя.

Теперь все, считаем, застыли и очухаются не раньше чем минут через десять, думал он, выключая излучатель. Все, кто оказался поблизости, — что люди, что андроиды. Кончено. Остается только войти туда и полоснуть по нему лазером. Это в случае, если он там, но его там, конечно же, нет.

Запертая дверь — не препятствие для того, кому выдали на работе адаптовый ключ, способный анализировать и открывать все известные типы замков; с лазером в руке Рик вошел в полоковскую квартиру.

Пусто, что и требовалось доказать. И даже ни одной его личной вещички, только полуразвалившаяся мебель и прочий хлам, доставшийся Полокову вместе с квартирой и оставленный им ее следующему — буде такой найдется — жильцу.

Вот и просвистела мимо первая тысяча премиальных долларов, просвистела и спряталась куда-нибудь в Антарктику, за Южный полярный круг, пожаловался он сам себе. И теперь все сделает какой-нибудь другой платный охотник из другого департамента — он и Полокова нейтрализует, он и деньги — мои деньги! — в карман положит. Ну да ладно, не вышло с пуганым андром — займемся непуганым. Займемся Любой Люфт.

Вернувшись на крышу к своей машине, Рик позвонил Брайанту.

— С Полоковым по нулям. Смылся, скорее всего, еще вчера, как только срезал Дэйва. Может, я встречу Кадайи прямо на посадочном поле? Это сэкономит время, а я хочу заняться мисс Люфт как можно скорее.

Он уже достал ориентировку из чемодана и прямо сейчас, за разговором начал ее изучать.

— Хорошая мысль, — усмехнулся Брайант, — только вот мистер Кадайи уже здесь. Аэрофлотовский лайнер несколько обогнал расписание — обычное, по его словам, дело. Подожди, подожди. — Инспектор секунд на тридцать исчез с экрана. — Оставайся на месте, он сам к тебе прилетит. А пока делать нечего, почитай про

мисс Люфт.

— Оперная певица. Должно быть, из Германии. Сейчас ангажирована Сан-Францисской оперной компанией. Хороший, наверное, голос, что сразу устроилась на такое место. О'кей, я подожду Кадайи здесь. — Рик дал Брайанту свои координаты и положил трубку.

Сегодня я буду страстным любителем оперы, решил он, дочитав и спрятав листок. Мне очень хочется услышать ее донну Анну в «Дон Жуане». В моей фонотеке есть записи таких великих певцов прошлого, как Элизабет Шварцкопф, Лота Леманн и Лиза Делла Каза, это даст нам о чем поговорить, пока я готовлю аппаратуру для тестирования.

Размышления Рика прервал оживший видеофон.

— Мистер Декард, — сказала знакомая по департаменту телефонистка, — вас спрашивают из Сиэтла, мистер Брайант сказал, чтобы я соединила их с вами. Это ассоциация «Розен».

— Ладно, — махнул рукой Рик, — соединяйте.

Розены. Эта семейка уже успела показать себя во всей своей красе. Или еще не во всей?

— Здравствуйте, инспектор Декард. — На опустевшем было экране появилась Рэйчел Розен. Ее мирный, почти убаюкивающий тон не сулил

ничего хорошего. — У вас найдется хотя бы пара свободных минут, чтобы выслушать наши соображения?

— Валяйте.

— Мы тут всесторонне обсудили ситуацию, создаваемую для вас андроидами и мозговым блоком «Нексус-шесть». Зная эту модель, как не знает ее никто, мы пришли к выводу, что, взяв себе в помощники кого-нибудь из нас, вы многократно увеличите свои шансы на успех.

— Чем именно? Что вы можете такого, чего не могу я?

— Попытка контакта со стороны человека будет воспринята «Нексусом-шесть» с подозрением, насторожит его. В то же самое время он спокойно отнесется к другому аналогичному андроиду.

— «Другой аналогичный андроид» — это не кто иной, как вы?

— Да, — кивнула Рэйчел.

— Спасибо, но у меня и так полно помощников.

— Не знаю, какие уж там помощники, но я бы вам действительно пригодилась.

— Сомнительно как-то. Ладно, я обдумаю это предложение и перезвоню вам.

Когда-нибудь в далеком, крайне неопреде-

ленном будущем, сказал он себе. А вернее всего — никогда. Только ее мне для полной радости и не хватало.

— Не нужно кривить душой, — сказала Рэйчел. — Вы никогда мне не позвоните. Но вы себе просто не представляете, насколько хитрой, увертливой и опасной дичью окажутся беглые «Нексусы-шесть», насколько безнадежным будет ваше положение. А мы чувствуем себя перед вами в долгу за то… За то, что вы сделали.

— Хорошо. — Рик потянулся рукой к рычажку отбоя. — Я все это обдумаю.

— Без меня, — заторопилась Рэйчел, — кто-нибудь из них выстрелит в вас первым.

— До свидания, — сказал он и положил трубку.

Что же это за мир такой, где андроид прямо из кожи вон лезет, навязывая свою помощь профессиональному охотнику на андроидов?

Рик снова поднял трубку и попросил департаментскую телефонистку не соединять его больше с Сиэтлом.

— Хорошо, мистер Декард. Вы уже встретились с мистером Кадайи?

— Нет. Что-то он не торопится. Вот подожду еще немного, плюну и займусь делами.

В тот самый момент, когда Рик вешал трубку, в

нескольких ярдах от него на крышу опустилось такси, оттуда выбрался плотный румяный весельчак лет пятидесяти с чем-то, одетый в щегольское русского покроя пальто.

— Мистер Декард? — спросил он с явным славянским акцентом. — Платный ликвидатор андроидов Сан-Францисского полицейского управления? А меня зовут Шандор Кадайи.

Он бросил рассеянный взгляд вслед улетающему такси, а затем, не дожидаясь особых приглашений, распахнул дверцу машины и втиснулся на переднее сиденье рядом с Риком.

Пожимая русскому руку, Рик заметил, что у него на поясе весьма необычного вида лазер.

— Пистолет? — улыбнулся Кадайи, извлекая оружие из ремешковой кобуры. — Забавная штука, верно? Марсианское изобретение, оттуда я и привез.

— А я-то считал, что знаю все модели ручных лазеров, — удивленно заметил Рик. — В том числе и те, что производятся и применяются только в колониях.

— Мы их сами делаем, — хвастливо сообщил краснощекий крепыш, поразительно похожий сейчас на славянского Деда Мороза. — Нравится? Кроме очевидных внешних отличий есть и очень

существенные функциональные — да вы возьмите, посмотрите, пощупайте.

Рик быстро, со знанием дела осмотрел любезно предложенное оружие — и недоуменно вскинул брови.

— Форма, конечно же, странная, но что касается серьезных функциональных отличий…

— А вы нажмите на спуск.

Рик открыл окно машины, направил короткий плоский ствол чуть вверх и нажал на спуск. И ничего.

— Спусковая цепь вынесена в отдельный блок — видите? — На его широкой ладони тускло поблескивала сталью крошечная коробочка. — Кроме того, этот же блок может перенацеливать пучок вне зависимости от того, куда направлен ствол.

— Вы не Полоков, а Кадайи, — сказал Рик.

— Ой, ну что же у вас в голове все путается? Вы же хотели сказать наоборот — не Кадайи, а Полоков.

— Я хотел сказать, что вы андроид, именующий себя Полоковым, а не представитель советской полиции. — Рик сильно вдавил в пол машины педаль экстренной защиты.

— А чего это мой лазер не работает? — удивился

Кадайи-Полоков, щелкнув туда-сюда тумблером прицельно-спускового блока.

— Стохастическое поле, — пояснил Рик, невольно передразнивая его интонации. — Оно расфазирует лазерное излучение и превращает его в бессильный луч света.

— Я сверну тебе шею, — взревел, бросаясь на него, Кадайи.

Угроза осталась неисполненной. В самую последнюю долю секунды, уже чувствуя на своем горле толстые кургузые пальцы андроида, Рик рванул из-под мышки старомодный армейский пистолет тридцать восьмого калибра и всадил ему в голову тяжелую пулю «магнум»[10]. Мозговой блок «Нексус-6» разлетелся вдребезги, обезглавленный труп швырнуло о дверцу, он отскочил как резиновый и всей своей судорожно вздрагивающей массой рухнул на Рика.

Кое-как выбравшись из-под мертвого андроида (мертвого? а раньше он что, был живой?), Рик

---

[10] Примечания: 10

Боеприпасы «магнум» отличаются от обычных увеличенным (при том же калибре) пороховым зарядом и утяжеленной пулей; как правило, они используются для стрельбы из особого, специально под них сконструированного оружия, также обозначаемого словом «магнум». Так что, например, револьвер 45-го калибра «магнум» — это не револьвер какой-то системы «Магнум», как это зачастую неверно понимают, а револьвер неуказанной системы, приспособленный под усиленные патроны.

снял трубку и снова позвонил во Дворец правосудия.

— Вы можете принять у меня сообщение? — спросил он у все той же телефонистки. — Сообщите Гарри Брайанту, что я покончил с Полоковым.

— «Вы покончили с Полоковым»? Этого достаточно? Он все поймет?

— Да, — сказал Рик и повесил трубку.

Господи, подумал он, а ведь еще бы чуть-чуть… Я слишком озлился на предложение Рэйчел Розен, пошел наперекор ее словам и чуть за это не поплатился. Ладно, в другой раз буду умнее, а сейчас, несмотря на все ошибки, я сделал Полокова, и это — главное.

Мало-помалу его надпочечник перестал накачивать в кровь адреналин и прочие свои секреты, пульс замедлился почти до нормального, дыхание успокоилось. Но дрожь волнения, пробегавшая по его телу, все не унималась.

Зато я только что заработал тысячу долларов, сообщил он себе. Вполне достаточная плата за нервотрепку. И заодно выяснилось, что реакции у меня получше, чем у Дэйва. Хотя нельзя не признать, что его печальный опыт очень пошел мне на пользу. У него самого, у Дэйва, не было такого предостережения.

Рик еще раз поднял трубку и набрал номер своей квартиры. Дрожь постепенно стихала; ожидая соединения, он даже сумел закурить.

Наконец на экранчике появилась Айран; глаза ее распухли от шести часов самобичевательной депрессии. Или депрессивного самобичевания?

— Привет, Рик.

— А что случилось с пятьсот девяносто четвертым настроением, которое я набрал перед уходом? Радостное принятие превосходящей…

— Я перенабрала. Сразу, как ты ушел. Что тебе надо? Зачем ты звонишь? — В ее тусклом, почти до шепота упавшем голосе звучало глухое, беспросветное отчаяние. — Я так устала, я утратила всякую надежду, всякую. На наш брак, на то, что следующий андроид сам не убьет тебя. Может, ты этим и хочешь меня порадовать? Тем, что тебя убил андроид?

Дальше слова Айран утонули в надсадных воплях и ржании; Рик видел, как шевелятся ее губы, но слышал только грохот извечного, нескончаемого Бастер-шоу.

— Слушай, — сказал он, стараясь вложить в свой голос максимум оптимизма. — Ты меня слышишь? Мне тут сегодня пруха пошла. Новый тип андроидов, с которым, похоже, только я и могу

справиться. Первого я уже уложил, так что одна косая считай что в кармане. Ты знаешь, чем мы обзаведемся еще до того, как я покончу со всей засветившейся группой?

— А, — кивнула Айран; ее глаза смотрели куда-то в пустоту.

— Так я же еще тебе не сказал! — возмутился Рик, хотя было уже вполне очевидно, что сейчас все его слова — как горох об стенку, что она все еще барахтается в вязкой пучине своей депрессии и полностью его не слышит. — Ладно, до вечера. — Он швырнул трубку на рычаг и тоже предался горестным размышлениям.

Вот же стерва, думал Рик. Ну за какой, спрашивается, радостью я все это делаю — бегаю язык на плечо, жизнью своей рискую? Ей же глубоко по фигу, будет у нее страус или нет, да хоть бы и бегемот, ее ничто не колышет. Ну чего я не избавился от нее в позапрошлом году, когда мы почти уже решили разбежаться? Ну ладно тогда, а сейчас-то что мне мешает?

И никакой помощи, никакой поддержки, думал он, меланхолично подбирая с полу машинописные листки, перемятые во время схватки с Полоковым; больше всего пострадала ориентировка по Любе Люфт. Да о какой поддержке

можно говорить, если у любого андроида больше жизненной энергии, чем у моей драгоценной женушки? Ну чем она может со мною поделиться? Своей вселенской скорбью?

Это опять перевело мысли Рика на Рэйчел Розен. Ее прогнозы насчет сложностей борьбы с «Нексусами-6» полностью оправдались. На долю в премии Рэйчел не претендует, криво ухмыльнулся он, так что можно ее при случае и привлечь.

Последние события в корне изменили его позицию.

Врубив двигатель, он наискось бросил машину в небо и взял курс на оперный театр, построенный в память о жертвах последней войны; именно там, согласно записям Дэйва Холдена, должна была сейчас находиться Люба Люфт.

Люба Люфт… Среди женщин-андроидов встречались и очень хорошенькие, к некоторым из них Рик буквально против своей воли испытывал физическое влечение. Странное это чувство, когда умом-то прекрасно понимаешь, что перед тобой бездушный механизм, а эмоционально реагируешь почти как на взаправдашнюю женщину.

Взять вот, к примеру, Рэйчел Розен… Да нет, уж ее-то никак не назовешь соблазнительной, слишком уж тощая. И плоская как щепка, ни

бюста, ничего, прямо не женщина, а какой-то мальчишка-дистрофик. А сколько там лет этой Любе Люфт? Рик еще раз вытащил мятый листок с ориентировкой и посмотрел в графу «возраст». Двадцать восемь лет — это, значит, судя по внешности. Это у людей возраст настоящий и меняется со временем, а андроида каким уж сделали, такой он потом и есть.

И как удачно, думал Рик, что я хоть малость да понимаю в операх. Это тоже мое преимущество перед Дэйвом: мой культурный багаж куда обширнее.

Но прежде чем обращаться к Рэйчел за помощью, я сделаю еще один заход сам, как всегда. Если мисс Люфт окажется каким-нибудь совсем уж крепеньким орешком… Но у него была почти полная уверенность в обратном. С Полоковым все висело на волоске. Но это же особый случай. Полоков все знал заранее и сам перешел в атаку, а что касается всех остальных, они-то пребывают в полном неведении, что кто-то за ними активно охотится, а потому отщелкивать их будет до неприличия просто, все равно что сидячих уток.

Снижаясь к роскошной, сплошь разукрашенной крыше театра, он в голос орал какую-то дикую смесь оперных арий с придуманной на хо-

ду псевдоитальянской белибердой вместо текста. И без всяких там пенфилдовских генераторов его оптимизм буквально бил через край и наполнял его веселым нетерпеливым ожиданием.

Глава 9

В гулком чреве огромного здания увлеченно, хотя и малость сумбурно, репетировали Моцартову «Волшебную флейту». Рик любил эту оперу и мгновенно узнал исполняемое место: самый конец первого действия. Хор рабов вступил на такт раньше положенного, безнадежно исказив ритм волшебных колокольчиков.

И все равно, как приятно послушать. Никто не обратил на Рика внимания, и он спокойно расположился в одной из лож бельэтажа. Теперь к Памине присоединился обряженный в птичьи перья Папагено, и они запели дуэт, вызывавший у Рика слезы каждый раз, когда он его слышал или даже просто вспоминал:

Konnte jeder brave Mann
Solche Glocken finden,
Seine Fiende wurden dann

Ohne Muhe schwinden[11].

Жаль только, нету их в грубой реальной жизни, этих волшебных колокольчиков, от звука которых враги бесследно исчезают. А Моцарт написал «Волшебную флейту» и вскорости помер, не дожив и до сорока. И был похоронен на кладбище для нищих в безымянной могиле.

Интересно, думал Рик, приходило ли Моцарту в голову, что у него уже нет будущего, что он почти исчерпал предназначенный ему срок? А как знать, может, и я свой исчерпал? И так со всем, абсолютно со всем. Вот кончится эта репетиция, сойдет со сцены опера, умрут все исполнители и оркестранты, где-нибудь и как-нибудь погибнет последний экземпляр партитуры, бесследно исчезнет само имя «Моцарт», и прах восторжествует. Не на нашей планете, так где-нибудь еще. Можно найти тот или иной способ продлить свое существование, но — лишь на какое-то время, конец неизбежен. В этом мы мало отличаемся от андроидов, они тоже могут продлить свое

---

[11] Примечания: 11
Букв.:
Если бы каждый честный человек
Мог найти такие колокольчики,
Тогда бы его враги
Легко и просто исчезли *(нем.)*.

существование, бегая от меня и прячась, но в конечном итоге я настигну их и нейтрализую, а если не я, так какой-нибудь другой охотник. И что же тогда получается? Значит, я тоже вношу свой вклад в этот процесс вселенского распада? Ассоциация «Розен» созидает, а я разрушаю. Во всяком случае, с их точки зрения это выглядит именно так. На сцене Папагено и Памина вели диалог; Рик прервал свои раздумья и прислушался.

Папагено: Дитя мое, что же теперь мы скажем?

Памина: Правду, даже если мы виновны в преступлении.

Рик еще раз сверился с машинописной ориентировкой и затем перевел взгляд на Памину в ее тяжелом, замысловатом одеянии, пристально вгляделся в лицо, полускрытое под свисающей с чепца вуалью. И удовлетворенно откинулся на бархатную спинку кресла. Вот я и увидел своего третьего «Нексуса», сказал он себе. Это точно она, Люба Люфт. Забавно, что в ее исполнении роль Памины звучит несколько двусмысленно, иронично, ведь беглый андроид, будь он хоть сто раз милым и очаровательным, не слишком-то привержен к истине, во всяком случае — к истине о самом себе.

Тем временем репетиция шла своим чере-

дом. Рика приятно удивил великолепный голос Памины, то бишь Любы Люфт, без труда выдерживавший сравнение с голосами былых знаменитостей из его фонотеки. Да, розеновские конструкторы знали свое дело, тут уж нужно было отдать им должное. И снова Рик увидел себя sub specie aeternitatis[12] — хищным разрушителем, примчавшимся в этот полутемный зал на запах красоты и совершенства. Ведь чем лучше эта машина функционирует, думал он, чем лучше она поет, тем больше я здесь нужен. Оставайся андроиды тупыми чурками типа «Кью-сороковых», выпускавшихся тогда фирмой «Дерен», с ними не было бы никаких проблем, а значит — не было бы спроса на таких, как я. А в общем, нечего мне тут философией заниматься, кончать надо с этой особой, и чем скорее, тем лучше. Вот пойдет она после репетиции к себе в уборную, сразу и займемся делом.

По окончании первого действия артисты и оркестранты потянулись за кулисы. Дирижер взял микрофон и объявил — по-английски, по-французски и по-немецки, — что репетиция продолжится через полтора часа. Рик встал,

---

[12] Примечания: 12
С точки зрения вечности *(лат.)*.

поднялся на сцену и пристроился следом за уходящими на перерыв артистами. Чем скорее, тем лучше, думал он. Нужно постараться, чтобы на завязку разговора и тестирование ушло как можно меньше времени. Быстро, но только чтобы быстрота эта не пошла в ущерб надежности. Ведь как знать, а вдруг насчет нее-то Дэйв и ошибся? Будем надеяться, что ошибся. Но в действительности Рик почти не сомневался, что Дэйв прав, об этом говорило его профессиональное чутье, которое никогда еще не давало сбоев.

Остановив в коридоре одетого египетским копейщиком статиста, Рик спросил его, где тут уборная мисс Люфт. На указанной копейщиком двери белела рукописная, кнопками приколотая табличка: МИСС ЛЮФТ. Чуть помедлив, он постучал в дверь, услышал: «Входите» — и вошел.

Певица сидела за гримировочным столиком, положив на колени раскрытую, порядком замусоленную партитуру, и что-то помечала там шариковой ручкой. Она так и осталась в костюме и гриме, только сняла и аккуратно напялила на болванку чепец с вуалью.

— Да? — На него смотрели огромные светло-карие глаза, казавшиеся еще огромнее из-за густого сценического грима. Смотрели прямо и спокойно

— мол, я занята, как можете вы заметить.

Люба Люфт говорила по-английски абсолютно чисто, без малейшего акцента.

— На мой взгляд, — сказал Рик, — вы поете даже лучше, чем Шварцкопф.

— Кто вы такой?

В ее голосе звучала холодная сдержанность и еще другой, трудноопределимый холод, знакомый Рику по его прежним контактам с андроидами. Всегда одно и то же: мощный интеллект, колоссальные способности и тут же, рядом, — это качество. Оно вызывало у Рика нечто вроде брезгливости — и было для него вернейшим, абсолютно необходимым подспорьем в охоте.

— Я из Сан-Францисского департамента полиции, — сказал он.

— Да? — В огромных, бесконечно спокойных глазах ни тени реакции. — И что же вас сюда привело?

Странным образом в ее тоне проскальзывали снисходительные нотки.

Вместо ответа Рик сел на стоявший чуть в стороне стул и неспешно раскрыл свой чемоданчик.

— Я предлагаю вам пройти один из стандартных психопрофилирующих тестов. Процедура очень несложная, так что все займет какие-то

минуты.

— Это вам что, позарез необходимо? Вы же видите, — она приподняла с колен партитуру, — что у меня много работы.

По ее лицу скользнула тень тревоги.

— Это необходимо.

Рик достал из чемоданчика тестирующую аппаратуру и начал распутывать запутавшиеся провода.

— Тест на ай-кью?

— Нет. На эмпатию.

— Мне нужно надеть очки. — Люба начала открывать ящик гримировочного столика.

— Раз вы можете без очков работать с партитурой, для теста они вам и тем более не потребуются. Я просто покажу вам несколько картинок и задам несколько вопросов. Но для начала… — Рик встал, подошел к девушке и прилепил к ее левой, густо загримированной щеке датчик. — Теперь еще этот фонарик, — сказал он, устанавливая источник света, — и в общем-то все.

— Вы думаете, я андроид, да? — Ее голос упал до еле слышного шепота. — Это неправда. Я не андроид. Я и на Марсе-то не бывала, а андроидов тех даже не видела никогда. — Ресницы Любы мелко подрагивали, выдавая, каких трудов стоит

ей внешнее, напускное спокойствие. — Вы получили информацию, что в нашей труппе есть андроид? И хотите проверить, так ли это? Я бы с радостью вам помогла. Но будь я андроидом, была бы я рада вам помочь в уничтожении другого андроида?

— Андроиду, — сказал Рик, — абсолютно безразлично, что будет с другими андроидами. Это одна из примет, по которым мы их находим.

— В таком случае, — сказала мисс Люфт, — похоже, что вы-то и есть андроид.

От неожиданности Рик потерял дар речи.

— Потому, — продолжила она, — что вы их регулярно убиваете. Вы, как это называется… — Она замялась, вспоминая выражение.

— Платный охотник на андроидов, — подсказал Рик. — Но я же не андроид!

— Вот этот тест, который вы тут приготовили… — Голос Любы заметно окреп. — Вас-то самих ему подвергали?

— Да, — кивнул Рик. — Давным-давно, при приеме на работу.

— А вдруг это просто ложная память? У андроидов же вроде такое бывает.

— Про мое тестирование известно не только мне, но и администрации департамента. Нас

проверяют всех, в обязательном порядке.

— А что, если на работу поступал настоящий человек, один к одному похожий на вас, а потом вы его убили и заняли его место, и сделали все это толково, так что никто и не догадался. — Люба улыбнулась, словно говоря: «Ну чего темнить, мы тут все свои».

— Мы отвлеклись от дела, — сухо заметил Рик, доставая из чемоданчика листки вопросника.

— Я соглашусь пройти этот тест, — сказала Люба, — если сперва его пройдете вы. — (Рик молчал, отчаянно придумывая более-менее убедительный ответ.) — Хотя бы из соображений справедливости. И мне будет с вами немного попроще, а то вы какой-то странный, жесткий.

Она зябко поежилась и еще раз сверкнула улыбкой. Улыбкой надежды.

— Вы не сумеете провести тест Фойгта-Кампфа, этому нужно учиться, и довольно долго. А теперь слушайте, пожалуйста, внимательно. Вопросы, которые я буду сейчас задавать, связаны с различными житейскими ситуациями, в которых вы, в принципе, можете оказаться. Я хочу, чтобы вы вкратце, буквально в двух словах, описали свою вероятную реакцию и чтобы вы делали это максимально быстро. Время задержки

будет фиксироваться. Ну вот, начнем, пожалуй, со следующей ситуации. Вы сидите, смотрите телевизор и вдруг замечаете на своей руке осу.

Рик бросил взгляд на секундную стрелку своих часов и начал напряженно следить за стрелками прибора.

— А что такое оса?

— Летающее насекомое. Укус осы очень болезнен.

— Ой, как интересно! — Глаза Любы распахнулись, как у ребенка, слушающего увлекательную сказку. — А они еще существуют? Я никогда о таких не слышала.

— Пыль их уже погубила. Но вы должны были видеть ос, они существовали до самого недавнего времени.

— Осы? А как это будет по-немецки?

— У вас прекрасный английский, — раздраженно заметил Рик; нужное слово никак не шло ему в голову.

— Мое произношение, — смущенно поправила Люба. — Это по необходимости, ведь мне приходится петь и Перселла, и Уолтона, и Вона Уильямса. Но мой словарный запас оставляет желать много лучшего.

— Веспе, — вспомнил наконец Рик.

— Ну да, конечно, — рассмеялась Люба. — Айне Веспе. А какой там был вопрос? Я уже забыла.

— Ладно, — махнул рукой Рик, — возьмем другой. — Все эти препирательства полностью смазали возможный эффект. — Вы смотрите по телевизору старый, еще довоенный фильм. На экране званый ужин. Подают главное блюдо, — он решил опустить первую часть вопроса, — тушеную собаку, фаршированную рисом со специями.

— Да кто же это станет убивать собаку в пищу? — удивилась Люба. — Они же жуть сколько стоят. Ах да, конечно, это была искусственная собака, эрзац, я угадала? Но тут тоже что-то не так, искусственных делают из всяких проводов и моторчиков, они несъедобные.

— До войны, — с ненавистью процедил Рик.

— А как же я это могла видеть? Меня тогда и вообще еще не было.

— Но по телевизору-то вы видите старые фильмы.

— А этот фильм, его что, на Филиппинах снимали?

— Почему?

— Потому что там, на Филиппинах, как раз и ели фаршированных собак, я где-то про это читала.

— Но как бы вы среагировали на подобную сцену? — без всякой надежды спросил Рик. — Какова была бы ваша социальная, моральная, эмоциональная реакция?

— На такое кино? — Люба чуть задумалась. — Я бы переключила телевизор на Дружище Бастера.

— Почему?

— Вы еще спрашиваете! — возмутилась Люба. — Да кому она нужна, эта допотопная мутотень, поставленная на Филиппинах? Что и когда случается на этих Филиппинах, кроме такой малопривлекательной истории, как батанский марш смерти?[13]

Обе стрелки приборов метались как бешеные.

— Ну хорошо, — вздохнул Рик, — пойдем дальше. Вы арендуете хижину в горах, в зоне бореальной растительности. Хижина…

— Бореальной? — прервала его Люба. — А это что? Я не знаю такого слова.

— Бореальная — значит примерно такая же, как на Крайнем Севере — мох, трава, низкорослый кустарник. Хижина выполнена в архаичной дере-

---

[13] Примечания: 13

Батанский марш смерти — трагический эпизод Второй мировой войны. В 1942 г. на Батанском полуострове Люсон японцы перегоняли пешим ходом большую колонну пленных американцев, уничтожая по дороге всех, кто выбивался из сил.

венской манере — сруб из сучковатых сосновых бревен и огромный камин. По стенам развешаны литографии Каррира и Айвза, старинные карты и гравюры, над камином прибита оленья голова с прекрасными ветвистыми рогами. Ваши гости восхищены декором хижины, и вы, все вместе…

— Я не понимаю «Каррир», «Айвз» и «декор»… хотя погодите, погодите… — Лицо Любы просветлело. — С рисом, как та собака. «Каррир» — это такая приправа, к мясу или просто с рисом смешивают. У нас, по-немецки, это просто «карри».

Рик чуть не взвыл от тоски. Она это что, серьезно? Или дурочку валяет? Но так или иначе, еще один вопрос безнадежно пропал, и нужно было переходить к следующему.

— Вы регулярно встречаетесь с неким мужчиной, и вот однажды он приглашает вас к себе в гости. Там он предлагает…

— Oh, nein, — решительно оборвала его Люба, — я никак не буду «там», я к нему не пойду. Так что тут ответить очень просто.

— Да вопрос же совсем не об этом!

— Вы задали неверный вопрос? Но я его понимаю, так почему же понятный мне вопрос — неверен? Ведь я же должна понимать ваши вопросы, иначе какой во всем этом смысл?

Люба нервически потерла густо загримированную щеку; отклеившийся датчик упал на пол и закатился глубоко под стул.

— Ach, Gott, — пробормотала она, резко нагибаясь. Зловеще затрещала рвущаяся ткань. Ну да, конечно, этот хитрый сценический костюм…

— Подождите, я сам достану. — Рик отодвинул певицу плечом, нагнулся, нашарил под столиком маленький липкий диск и выпрямился.

И окунулся взглядом в бездонную глубь лазерного ствола.

— Ваши вопросы начали приобретать сексуальную окраску, — сухо констатировала Люба. — Я давно понимала, что все к этому идет. Вы никакой не полицейский. Вы — сексуальный маньяк.

— Если хотите, я покажу вам свои документы.

Рик потянулся рукой ко внутреннему карману пиджака; его пальцы плясали, как час с небольшим назад, перед решительной схваткой с Полоковым.

— Только дотроньтесь до кармана, и я вас тут же убью, — сказала Люба.

— А не дотронусь, так убьете чуть погодя, — мрачно заметил Рик.

Ну что мне было торопиться, переть на рожон, честил он себя. Вызвал бы сюда эту электриче-

скую Рэйчел и пошел бы на дело вместе с ней, хотя ведь тоже, откуда знать, как бы тогда все повернулось.

— А покажите-ка мне эти свои вопросы. — Люба протянула руку, и он неохотно отдал ей Фойгт-Кампфовский вопросник. — «Вы обнаружили в журнале цветную вкладку с фотографией обнаженной девушки». Ясненько. «Вы забеременели от мужчины, обещавшего на вас жениться. Этот мужчина уходит к другой женщине, вашей лучшей подруге, и поэтому вы делаете аборт». Ну что ж, картина вполне понятная. Я звоню в полицию.

Ни на мгновение не выпуская Рика из-под прицела, она подошла к видеофону, подняла трубку и сказала оператору:

— Соедините меня с сан-францисским полицейским управлением. Мне нужна помощь полицейского.

— Ну какая ж вы умница, — облегченно улыбнулся Рик. — А то я уже начинал бояться за свою голову.

И все же он пребывал в полном недоумении, почему она куда-то там звонит вместо того, чтобы попросту его пристрелить. Как только придет полицейский, Люба окончательно утратит такую

возможность и все будет как должно быть.

Скорее всего, решил Рик, она искренне считает себя человеком.

Через несколько томительно долгих минут (ствол лазера все так же смотрел ему прямо в переносицу) в артистическую уборную ввалился здоровенный бугай в старомодной синей форме, с шестиугольной звездой на груди и тяжелым штатным лазером в поясной кобуре.

— Положи эту штуку на стол, — рявкнул он Любе, а когда та беспрекословно рассталась с лазером, ухватил его своей клешней, проверил индикатор заряда и снова вскинул на нее глаза.

— Так что тут у вас происходит? — спросил коп и, не дожидаясь ответа, повернулся к Рику. — Кто вы такой?

— Этот субъект пришел сюда с полчаса назад, — сказала Люба, — я никогда его раньше не видела. Он сказал, что проводит какой-то опрос и не соглашусь ли я поучаствовать, и я подумала, чего же тут страшного, и согласилась. Но вскоре вопросы стали совершенно неприличными.

— Предъявите документы, — рявкнул бугай и требовательно протянул руку.

— Я платный охотник при департаменте, — сказал Рик, отдавая ему свое удостоверение.

— Я знаю всех платных охотников, — процедил, изучая документ, бугай. — Сан-францисский департамент полиции?

— Мой шеф инспектор полиции Гарри Брайант, — пояснил Рик. — Он поручил мне работать по списку Дэйва Холдена — ну, когда сам Дэйв попал в больницу.

— Я знаю всех платных охотников, — повторил бугай, возвращая Рику удостоверение, — но вот вашего имени что-то не слышал.

— А вы позвоните инспектору Брайанту, — предложил Рик.

— В департаменте нет такого инспектора, — проскрипел бугай.

Вот теперь смысл происходящего начал немного проясняться.

— Вы — андроид, равно как и эта мисс, — сказал Рик, снимая трубку видеофона. — Я звоню в департамент.

Ну да, конечно, думал он с тоской, так они тебе и дали. Их двое, ты один, так что шансов у тебя считай что нет.

— Номер департамента… — начал бугай.

— Сам знаю.

Рик набрал номер департаментского коммутатора и попросил телефонистку:

— Соедините меня с инспектором Брайантом.

— Как вас представить?

— Это звонит Рик Декард.

Пока он ждал соединения, чуть в стороне Люба Люфт надиктовывала копу свои показания; они не только не мешали Рику, но даже на него не смотрели!

— Ну, как дела? — спросил возникший наконец на экране Брайант.

— Небольшая заморочка, — поморщился Рик. — Номер второй из Дэйвова списка вызвал себе на помощь некоего якобы полицейского, а тот напрочь отказывается поверить, что я работаю на департамент, — говорит, что знает наперечет всех наших охотников, а обо мне даже не слыхал.

— Позови-ка его к аппарату, — сказал Брайант.

— Офицер? — окликнул его Рик. — Подойдите, пожалуйста, сюда. Инспектор Брайант хочет с вами поговорить.

Бугай оставил Любу Люфт, подошел к видеофону и взял у Рика трубку.

— Офицер Крамс.

Пауза.

— Алло!

Пауза.

— Алло?

Он переждал несколько секунд, недоуменно взглянул на экран аппарата и повернулся к Рику.

— На проводе никого нет. На экране — тоже.

Рик скользнул взглядом по тусклому серому прямоугольнику и взял трубку.

— Мистер Брайант? — Ничего. — Чего-то там разъединилось, сейчас я наберу снова.

Он дал отбой, подождал секунду и снова набрал знакомый номер.

Гудок, гудок, гудок… и ноль реакции.

— Дайте попробовать мне, — сказал Крамс, забирая у Рика трубку. — Вы или номер перепутали, или плохо набрали. Там номер восемьсот сорок два…

— Да знаю я номер, знаю, — оборвал его Рик.

— Это говорит офицер Крамс, — сказал бугай в трубку. — Я хочу навести у вас справку, состоит ли в штатах нашего департамента инспектор Брайант? — Короткая пауза. — Спасибо. А как насчет платного охотника на андроидов по имени Рик Декард? — Еще одна пауза. — Вы совершенно уверены? А может, его просто еще не успели… понятно, понятно. Спасибо. Нет, у меня все под контролем. — Он положил трубку и скептически взглянул на Рика.

— Брайант был на экране, — сказал Рик. — Я с ним разговаривал, и он сказал, что хочет с вами поговорить. Это с видеофоном что-то случилось, поломка какая-то. Иначе я ничего не понимаю, ведь сперва он был, а потом вдруг исчез.

— Ладно, Декард, — поморщился бугай. — Мисс Люфт уже дала свои показания, а теперь я отвезу вас во Дворец правосудия и составлю протокол.

— О'кей, — сказал Рик и повернулся к Любе. — Я скоро вернусь, а то ведь мы с вами так и не закончили тест.

— Послушайте, офицер, — забеспокоилась Люба, — неужели вы отпустите этого маньяка? У меня от него мурашки по коже.

— А какую оперу вы сейчас репетируете? — поинтересовался Крамс.

— «Волшебную флейту», — ответил за Любу Рик.

— Кажется, я вас не спрашивал, — осадил его бугай.

— Просто мне не терпится попасть поскорее во Дворец правосудия, — сказал Рик, закрывая свой чемоданчик. — Чтобы разобраться со всей этой несуразицей.

— Сперва я должен вас обыскать.

После быстрого, очень профессионально

проведенного обыска Крамс выложил на гримировочный столик все Риково оружие — лазер и тяжелый армейский пистолет.

— Из него недавно стреляли, — заметил он, понюхав ствол пистолета.

— Час назад я нейтрализовал андроида, — сказал Рик. — Его останки в моей машине, здесь на крыше.

— Да? — вскинул глаза коп. — Оч-чень любопытная новость. Вот сейчас поднимемся и посмотрим, что там у вас за «останки».

— Так все-таки, офицер, — взмолилась Люба вслед уходящему Крамсу, — он же не придет сюда снова, правда не придет? А то я места себе не найду от страха.

— Если в машине этого субъекта действительно лежит труп, вы надолго избавитесь от его малоприятного общества, — криво ухмыльнулся Крамс, подталкивая Рика к двери.

Пару минут спустя, уже на крыше театра он распахнул дверцу Риковой машины, бегло осмотрел безжизненное тело Полокова, покачал головой и повернулся к Рику.

— Тот самый андроид, — сказал Рик. — Мне поручили его нейтрализовать. Он почти сумел меня обмануть, притворившись…

— Вот прилетим во Дворец правосудия, — оборвал его Крамс, — там вы все это и расскажете.

Он отвел Рика на другой конец посадочной площадки, усадил его в самую обычную патрульную машину, связался с кем-то по полицейской рации, попросил прислать людей за трупом Полокова, повесил трубку и сказал:

— Ну ладно, Декард, поехали.

В тот же момент патрульная машина круто взмыла в небо.

И устремилась на юг.

Чего никак не должно было быть.

— Дворец правосудия на север отсюда, на Ломбард-стрит, — напомнил Рик.

— Это вы про старый Дворец правосудия, — пожал плечами Крамс. — А новый, он на Мишн-стрит. Тот, старый, уже почти развалился, им давно никто не пользуется. Странно даже, что такого, как вы, героя за столько лет ни разу не задерживали.

— А вы доставьте меня на Ломбард-стрит, — сказал Рик, — там и посмотрим.

Вот теперь все расставилось по местам: эти андроиды работали коллективом и сумели достичь очень многого. Схлестнувшись с ними, он подписал себе смертный приговор, как то чуть было не

случилось с Дэйвом — а может, еще и случится.

— Симпатичная девочка, — заметил Крамс, — вот только тряпок на ней столько накручено, что фигуру и не разберешь.

— А ведь вы — андроид, — сказал Рик. — Признайтесь.

— В чем? Я не андроид, а вот кто такой вы? Слоняетесь по городу, выслеживаете ни в чем не повинных людей, убиваете, убеждая себя, что они, видите ли, андроиды. Я-то сперва не понимал, что это мисс Люфт так вас боится. Хорошо, что она нам позвонила.

— Все это очень мило, но почему вы не хотите отвезти меня на Ломбард-стрит?

— Как я уже говорил…

— Это займет не больше трех минут. — Рик понимал, что никакие доводы тут не помогут, и все равно не мог остановиться. — Каждое утро я хожу в это здание на работу и очень хотел бы посмотреть, как это вышло, что оно уже много лет как заброшено.

— А может, вы как раз и есть андроид? — сухо улыбнулся Крамс. — Андроид с фальшивой памятью, как это сейчас делается, вы о таком не задумывались?

Машина все так же летела на юг.

Спорить с Крамсом было бессмысленно. Смирившись с безнадежностью своего положения, Рик начал пассивно, как сторонний наблюдатель, следить за развитием событий. Андроиды поймали его в ловушку, подчинили, во всяком случае — физически, своей власти; интересно бы знать, что у них запланировано дальше?

Но все-таки одного из них я сделал, думал он. Я сделал Полокова. И еще Дэйв сделал двоих. Двух, они же машины.

Ховеркар завис над посадочной площадкой и начал снижаться.

Глава 10

Новый Дворец правосудия, на крышу которого села патрульная машина, вздымался в небо уймой разномастных причудливых шпилей; это огромное ультрасовременное здание поразило Рика Декарда совершенством архитектурных форм, а еще больше тем, что он никогда его прежде не видел.

Уже через считаные минуты после посадки меланхолический дежурный, к конторке которого Крамс подвел Рика, начал оформлять протокол задержания.

— Триста четвертая, — сказал Крамс. — Плюс шестьсот двенадцатая, часть четвертая, и… как она там — выдавал себя за сотрудника правоохранительных органов.

— Четыреста шестая, седьмая, — высокомерно буркнул дежурный; он заполнял бланк протокола с ленивой неспешностью, всем своим видом показывая, насколько скучно ему заниматься таким мелким, никчемным делом.

— Сюда, — скомандовал Крамс, направляя Рика к небольшому белому столу, за которым сидел гражданский техник. — Снимем кривые вашей

мозговой активности, — пояснил он, указывая на стандартный полицейский энцефалограф. — Для идентификации личности.

— Знаю, — огрызнулся Рик.

В дни своей службы патрульным полицейским он десятки, если не сотни раз подводил задержанных к подобному столу. К подобному, но не к этому самому.

Когда с энцефалограммой было покончено, Крамс препроводил Рика в другую, столь же почти знакомую комнату, где ему было, как и полагается, предложено сдать на хранение деньги и ценные вещи. Бред, бред и еще раз бред, думал Рик. Кто они такие, все эти люди? Если это заведение существует уже давно, мы-то почему о нем не знаем? И почему они нас не знают? Два параллельных полицейских агентства, наше и вот это, существуют себе рядышком и ни разу — до этого, сегодняшнего случая — не пересеклись. Или это только мы о них ничего не знаем, а для них этот случай далеко не первый? Трудно поверить, что взаимное неведение могло существовать хоть сколько-нибудь долго — если, конечно, здесь квартируют самые допотопные полицейские. Если они те, за кого себя выдают.

За этими и подобными размышлениями Рик

даже не заметил, как из другого угла комнаты к ним с Крамсом неторопливо подошел средних лет человек с голубыми глазами, тонким, хрящеватым носом и бледными, невыразительными губами, одетый в обычный чиновничий пиджак.

— А этот что? — спросил он, с любопытством разглядывая Рика.

— Подозрение в убийстве, — отрапортовал Крамс. — Тело уже обнаружено, прямо в его машине, но он утверждает, что это был андроид. Для полной ясности мы поручили лаборатории взять пробу костного мозга. Кроме того, он выдавал себя за сотрудника правоохранительных органов, охотника за андроидами. В этом качестве он проник в артистическую уборную оперной певицы и начал задавать ей двусмысленные вопросы, однако певица вовремя усомнилась в его личности и позвонила нам. Вас заинтересовало это дело, сэр? — Крамс отшагнул в сторону. — Вы берете его на себя?

— Пожалуй. — Голубоглазый полицейский, явно бывший каким-то начальником, смерил Рика задумчивым взглядом и протянул руку к его чемоданчику.

— Что у вас там, мистер Декард?

— Аппаратура и документация для психопро-

филирующего теста Фойгта-Кампфа, — объяснил Рик полицейскому, который уже раскрыл чемоданчик и начал копаться в его содержимом. — Я тестировал подозреваемую, но в какой-то момент она взяла меня на прицел лазера и позвонила в полицию. А вопросы, так переполошившие эту мисс Люфт, они все взяты из стандартного Фойгт-Кампфовского вопросника и напечатаны…

— Вы знакомы с Джорджем Глисоном и Филом Решем? — перебил его полицейский.

— Нет, — мотнул головой Рик; он в жизни не слышал о таких персонажах.

— Это охотники на андроидов, приписанные к нашему департаменту и действующие на территории Северной Калифорнии. Вполне возможно, вам доведется еще с ними встретиться. Скажите, мистер Декард, а вы часом не андроид? Я спрашиваю не из праздного любопытства, а потому что у нас уже был ряд случаев, когда беглые андроиды прикидывались охотниками из других штатов и говорили, что вторглись на нашу территорию по необходимости, преследуя подозреваемых.

— Я не андроид, — сказал Рик. — Можете прогнать меня через Фойгта-Кампфа, я его проходил, могу пройти и еще раз, если вам хочется, только это все равно будет зряшной тратой времени.

Могу я позвонить отсюда своей жене?

— Задержанным разрешен только один звонок. Только не разумнее ли будет вам связаться с адвокатом?

— Ничего, — отмахнулся Рик, — я позвоню жене, а уж она там займется поиском адвоката. Только аппарат у вас тут, конечно же, платный, а у меня нет мелочи.

Полицейский покопался в карманах, вручил Рику пятидесятицентовую монету, показал ему, где стоит платный видеофон, и вернулся к изучению департаментского чемоданчика.

Рик закинул монету в прорезь, набрал свой домашний номер и начал ждать.

И ждал очень долго.

И наконец экран ожил.

— Алло? — сказала совершенно незнакомая ему женщина.

Рик положил трубку и медленно отошел от видеофона.

— Не повезло? — поднял голову полицейский, все продолжавший копаться в его хозяйстве. — Ничего, позвоните еще раз, мы на этот счет довольно либеральны. Я не могу предложить вам позвонить в поручительскую фирму, потому что пока вы проходите по статье, не допускающей

освобождения под залог. Потом, когда мы тут с вами получше разберемся…

— Спасибо за объяснение, — съязвил Рик, — но я знаком с департаментскими порядками.

— Вот ваш чемоданчик, — сказал полицейский, — и пройдемте в мой кабинет, я хотел бы побеседовать с вами поподробнее.

После недолгого пути одним из боковых коридоров он повернулся с протянутой для пожатия рукой и представился:

— Моя фамилия Гарланд, — а затем вошел в свой кабинет и уселся за обширный, без единой на нем бумажки, полицейский стол.

Рик вошел следом и сел напротив.

— Возвращаясь к упомянутому вами тесту Фойгта-Кампфа. — Гарланд достал из кармана трубку, набил ее, раскурил, выпустил облачко дыма и только затем продолжил: — Он что, помогает выявить андроидов?

— Помогает? — поразился Рик. — Да это наш основной тест, а применительно к андроидам с мозгом «Нексус-шесть» даже и единственный. Неужели он вам незнаком?

— Я знаю целый ряд психопрофилирующих тестов, применяемых в охоте на андроидов, но об этом слышу впервые. — Полицейский

разглядывал Рика с каким-то странным любопытством. — А еще эти бумаги у вас в чемоданчике, — продолжил он. — Полоков, мисс Люфт… По всей видимости — ваши подозреваемые. Следующий там я.

Секунду или две Рик переваривал услышанное, а затем выхватил из своего чемоданчика изрядно пострадавшие во время схватки с Полоковым листки, выбрал из них нужный, вчитался в подслеповатую машинопись — и растерянно вскинул глаза.

— Кхе-кхе, — прокашлялся молчавший все это время Гарланд. — Не слишком приятно так вот вдруг обнаружить себя в перечне целей охотников за андроидами — или кто уж вы там есть, мистер Декард. — Он нажал клавишу интеркома и сказал невидимому собеседнику: — Пришлите ко мне в кабинет кого-нибудь из наших охотников… Нет, мне все равно которого… Вот и прекрасно. Спасибо. — После чего снова обратился к Рику: — Сейчас сюда зайдет Фил Реш. Прежде чем продолжить нашу с вами беседу, я хотел бы взглянуть на его список.

— Вы думаете, там может быть и моя фамилия? — мрачно поинтересовался Рик.

— Не исключаю. Впрочем, чего там гадать, че-

рез пару минут мы все узнаем. В таких серьезных делах необходимо обеспечивать максимальную точность. Как можно меньше оставлять на волю случая. К слову сказать, в этой вашей ориентировке, — Гарланд бесцеремонно выдернул из пальцев Рика многострадальный листок, — я почему-то числюсь не инспектором полиции, а владельцем страхового агентства. В то же самое время все остальные данные — возраст, словесный портрет, домашний адрес, характерные привычки — приведены абсолютно точно. Это я, и никто иной, почитайте и сравните. — Он снова подтолкнул листок к Рику.

В этот самый момент дверь кабинета скрипнула, и на пороге показался высокий, очень худой человек в тяжелых роговых очках, с резкими чертами лица и жиденькой вандейковской бородкой.

— Фил, — сказал, привстав с кресла, Гарланд, — это Рик Декард. Мистер Декард, Фил Реш. Оба вы специализируетесь на выявлении беглых андроидов, а потому, надо думать, без труда найдете общий язык.

— Рад познакомиться, мистер Декард, — улыбнулся Реш, обмениваясь с Риком рукопожатием. — А к какому, если не секрет, городу вы

приписаны?

— К Сан-Франциско, — ответил за Рика Гарланд. — Ты только посмотри на его список подозреваемых. Вот, к примеру, кто стоит в этом списке ближайший по очереди. — Он еще раз отобрал у Рика ориентировку на самого себя и отдал ее Филу Решу.

— Слушай, Гар, — поразился тот, — да это же ты!

— И если бы только я, — криво усмехнулся Гарланд. — В его списке есть оперная певица Люба Люфт и даже Полоков. Помнишь Полокова? Он уже на том свете. Этот охотник на андроидов — или, как я подозреваю, андроид — успел уже нейтрализовать бедолагу, и наша лаборатория работает сейчас с его костным мозгом, чтобы точно установить, имелись ли хоть какие основания…

— Полоков? — прервал инспектора Реш. — Это что, тот здоровенный русский коп, похожий на Санта-Клауса? — Он задумчиво подергал себя за бороду. — Вряд ли был особый смысл проводить анализ его костного мозга.

— Как это «вряд ли»! — возмутился Гарланд. — Мы хотим лишить всяких оснований для заявлений этого… — жест в сторону Рика, — героя, что

он не человека убил, а всего лишь нейтрализовал андроида.

— Не нравился он мне, этот Полоков, — заметил Фил Реш. — Слишком уж он был какой-то холодный и расчетливый. Ничего от сердца, все от ума.

— Ничего удивительного, — недовольно возразил Гарланд. — У советских, в их полиции такие типы сплошь и рядом.

— А вот Любу Люфт я ни разу не видел, — сказал Реш. — Записи ее слышал, но и только. А вы, — повернулся он к Рику, — успели уже ее протестировать?

— Нет, — качнул головой Рик. — Начал было, но никак не мог получить хоть что-нибудь похожее на отсчет. А потом она вызвала патрульного, чем все и кончилось.

— А Полокова?

— Я не имел такой возможности.

— Как я понимаю, — задумчиво пробормотал Реш, — с инспектором Гарландом вы тоже не имели такой возможности.

— Конечно, нет, — вмешался Гарланд, его лицо горело негодованием.

— А каким тестом вы пользуетесь? — поинтересовался Реш.

— Вопросником Фойгта-Кампфа.

— Не знаю такого, — покачал головой Реш. — У нас его не применяют. — Было заметно, что они с инспектором о чем-то напряженно думают. О чем-то совершенно разном.

— Я всегда говорил, — продолжил Реш, — что идеальным для андроида укрытием была бы крупная правоохранительная организация типа ВПО. При первой же встрече с Полоковым мне страшно захотелось его протестировать, однако удобного предлога так никогда и не представилось. Да и не могло представиться… что лишний раз показывает, насколько удобно беглым андроидам работать в полиции.

Гарланд медленно поднялся на ноги, смерил Фила Реша взглядом и спросил с расстановкой:

— Так значит, вы и меня хотели бы протестировать?

Реш чуть заметно улыбнулся и неопределенно пожал плечами. Судя по всему, гнев начальника не слишком его волновал.

— Мне кажется, вы не очень хорошо понимаете ситуацию, — сказал инспектор. — Этот человек — или этот андроид — выдает себя за сотрудника некой призрачной, несуществующей полицейской организации, каковая, если ему верить,

базируется на Ломбард-стрит, в нашей прежней штаб-квартире. Он никогда не слышал о нас, мы — о нем, и это при том, что все мы вроде бы занимаемся одним и тем же делом. Он пользуется тестом, о котором мы даже не слыхали. В его проскрипционном списке перечисляются не андроиды, а живые, из плоти и крови, люди. Одного человека он уже убил — как минимум одного. А не сумей мисс Люфт добраться до видеофона, он, пожалуй, убил бы и ее, а потом начал бы выслеживать меня.

— Хмм, — пробормотал Реш.

— Хмм, — передразнил его побагровевший от гнева Гарланд. — И это все, что вы думаете по этому поводу?

Их пикировку прервал оживший интерком.

— Инспектор Гарланд, — сказал женский голос, — из лаборатории поступило заключение по трупу мистера Полокова.

— Думаю, нам стоило бы с ним ознакомиться, — оживился Реш.

Гарланд бросил на него негодующий взгляд, но затем наклонился к интеркому, нажал клавишу и сказал:

— И что же они там заключили? Только кратенько, мисс Френч.

— Согласно анализу костного мозга, — начала секретарша, — мистер Полоков являлся гуманоидным роботом. Если вы хотите более подробное…

— Нет, этого достаточно. — Гарланд сел и мрачно уставился на стену. Рик и Фил Реш милосердно молчали.

— Мистер Декард, — сказал наконец Реш, — а на чем основан ваш тест Фойгта-Кампфа?

— Эмпатия. Испытуемому предлагается ряд ситуаций из повседневной жизни, по большей части — связанных с животными. Измеряются сила и скорость реакции.

— Наша техника будет попроще, — сказал Реш. — У гуманоидного робота время рефлекторной реакции верхних ганглиев спинного мозга немного, на какие-то микросекунды, меньше, чем у настоящего человека. — Он перегнулся через стол, пододвинул к себе блокнот, вынул из кармана шариковую авторучку и быстро набросал схему. — Подается звуковой или световой сигнал. Испытуемый нажимает кнопку, и мы засекаем время запаздывания. Цифры получаются с большим разбросом, измеряемый эффект довольно мал, и все же после усреднения по десятку-другому отсчетов мы можем с достаточной

уверенностью сказать, кто нажимает кнопку — человек или андроид. А позднее сделанный вывод проверяется по анализу костного мозга — как то было с вашим Полоковым.

— Протестируйте меня, и покончим со всеми этими догадками, андроид я или нет, — сказал Рик после некоторой паузы. — Само собой, я бы тоже хотел протестировать вас. Если вы не против.

— Да какое там против, — горько усмехнулся Реш. — Я тут всегда говорил, что весь полицейский персонал должен проходить тест Бонели, причем именно весь, вплоть до самых высоких чинов. Говорил ведь, инспектор?

— Говорили, — кивнул Гарланд, — а я всегда был против таких проверок, считая, что они создадут в департаменте атмосферу нервозности и взаимных подозрений.

— Но теперь, когда ваша же лаборатория твердо установила, что Полоков был андроидом, вам весьма затруднительно противиться проведению тестов, — заметил Рик.

Глава 11

— Затруднительно, — согласился Гарланд, — но я заранее предупреждаю, что вам, — он ткнул пальцем в сторону Реша, — результаты не очень понравятся.

— Так вы что же, — удивился Реш, — знаете их заранее?

— Знаю, — нехорошо усмехнулся Гарланд.

— Вот, значит, как, — нахмурился Реш. — Хорошо, я сбегаю сейчас наверх и принесу приборы. Это совсем рядом, — добавил он, повернувшись к Рику. — Я обернусь буквально за три минуты, одна нога здесь, другая там.

Как только дверь за Решем закрылась, инспектор Гарланд достал из правого верхнего ящика своего стола тяжелый полицейский лазер, вздохнул и прицелился в Рика.

— Ну и что вам от этого толку? — пожал плечами Рик. — Реш непременно отдаст мой труп на исследование, так что вы не сможете сказать, что всего лишь нейтрализовали андроида. И он все равно настоит, чтобы вас и его подвергли тесту… Как он там у вас называется? Да, тесту Бонели.

— Дурацкий какой-то сегодня день, — пожало-

вался Гарланд. — Как с утра не задался, так все потом и пошло. А уж когда Крамс привел вас в дежурку, я сразу почувствовал недоброе. — Он отрешенно пожал плечами, вернул лазер в ящик стола, запер ящик на ключ и положил ключ в карман.

— Так что же покажет тестирование нас троих? — спросил Рик.

— А самое обидное, — сказал Гарланд, — что все бы еще обошлось, если б не этот придурок Реш.

— Он что, действительно не знает?

— Не знает и даже не подозревает, ни на вот столько. А иначе этот шустрила просто не смог бы работать охотником на андроидов — такое занятие подходит разве что людям. Вот эти ваши бумажки… — Гарланд махнул рукой в сторону Рикова чемоданчика. — Остальные подозреваемые, которых вам поручено проверить и нейтрализовать, — так вот, я всех их знаю. — Он помолчал и добавил: — Все мы, кроме Реша, прилетели с Марса вместе на одном и том же корабле. А Реш задержался еще на неделю, пока ему загружали искусственную память.

И снова смолк.

— А что он будет делать, когда узнает? — спросил Рик.

— Не имею ни малейшего понятия, — пожал плечами Гарланд. — Впрочем, с абстрактной научной точки зрения это небезынтересно. Он может убить меня, убить себя, а заодно и вас. Возможно, он вообще перебьет всех, до кого сумеет добраться. Я слышал, что с теми, кому загрузили искусственную память, такое бывает. Что естественно, ведь желание перебить всех вокруг весьма характерно для настоящих людей.

— Если ложная память настолько опасна, зачем же тогда вы рискуете?

— А мы и так, и так рискуем, когда вырываемся на свободу и бежим на Землю, где нас не то что за людей, за животных не считают, — где любой червяк, любая тля вызывает больше любви, чем все мы, вместе взятые. — Гарланд раздраженно подергал себя за нижнюю губу. — Вам остается только мечтать, чтобы Фил Реш каким-нибудь чудом проскочил через тест Бонели и вся проблема замкнулась на одном мне. В таком случае я был бы для Реша заурядным андроидом, которого нужно нейтрализовать, да и дело с концом. А так ваше, Декард, положение не намного лучше моего. Вы знаете, на чем я погорел? Я не знал про Полокова. Видимо, он прибыл сюда раньше — нет, он наверняка прибыл сюда раньше. В составе

другой группы, не имевшей никаких контактов с нашей. К моему прибытию он успел уже надежно окопаться в ВПО. Крамс напрасно рисковал, затевая этот анализ, но я виноват ничуть не меньше, ведь у меня было более чем достаточно времени, чтобы отменить его распоряжение.

— Я ведь тоже чуть не погорел на Полокове, — сказал Рик.

— Да, было в нем что-то этакое. Не думаю, чтобы его мозг принадлежал к тому же типу, что и наши, — скорее, с ним похимичили, в результате чего получилась структура, незнакомая даже нам. И весьма, признаюсь, эффективная.

— Почему я не смог дозвониться до своей жены? — спросил Рик.

— Наши видеофонные линии лишены выхода наружу, все звонки перенаправляются в одно из помещений этого же здания. Фактически оно представляет собой нечто вроде гомеостатической системы — мы находимся внутри замкнутого контура, отрезанного от остального Сан-Франциско. Мы о них знаем, а они о нас — нет. Лишь время от времени к нам забредает какой-нибудь случайный гость — либо, как это было с вами, его сюда доставляют, из соображений нашей безопасности. Ладно, все это пустое. Гораздо важнее,

что сейчас сюда прибежит на полусогнутых наш герой со своим дерьмовым приборчиком. Ушлый парень, правда? Так и свербит ему в одном месте угробить и себя, и меня, а повезет, так и вас.

— Вы, андроиды, — заметил Рик, — не слишком-то рветесь выручать друг друга из беды.

— А хоть бы и так, — ощетинился Гарланд. — Наши прочие преимущества с лихвой перевешивают нехватку одной-единственной вашей способности, этой самой эмпатии.

Из коридора донеслись торопливые звуки шагов, а затем в кабинет ворвался Фил Реш с незнакомым Рику прибором в руках.

— Ну вот, — сказал он, закрывая за собой дверь, а затем сел и включил шнур питания в розетку.

Гарланд молча указал на него правой рукой. Словно по команде Реш и Рик Декард скатились со стульев на пол; еще в падении Реш выхватил из-под мышки лазер и выстрелил.

Безжизненное, с рассеченной до половины головой, тело Гарланда качнулось вперед, не удержалось в кресле и тяжело осело на пол. Крошечный цилиндрический лазер, выпавший из его руки, докатился до середины стола и там застрял, наткнувшись на блокнот.

— Он забыл, — сказал Реш, поднимаясь на но-

ги, — что это моя работа. Я ведь нюхом чувствую, какой фокус хочет выкинуть андроид. Вы, наверное, тоже этому научились. — Он спрятал лазер в кобуру, нагнулся и с интересом оглядел труп своего начальника. — А что он там вам говорил, пока меня здесь не было?

— Сказал, что он беглый андроид. И что вы… — Рик на мгновение смолк, затем закончил фразу совсем не так, как собирался, — неизбежно это обнаружите. В ближайшие минуты.

— Что-нибудь еще?

— Что в этом здании полным-полно андроидов.

— В таком случае у нас могут возникнуть проблемы на выходе, — встревожился Реш. — Хотя, конечно же, я имею право уходить отсюда в любое время. И даже, что важно, уводить с собой задержанного. — Он смолк и прислушался, но в здании все было тихо. — Тревогу никто еще не поднял, а раз так, значит, они не поставили в этом кабинете «жучков», хотя и могли бы. В этой профессии… — его нога равнодушно пошевелила скрюченное тело андроида, — прямо телепатом каким-то делаешься. Я ведь дверь не успел открыть, а уже знал, что он будет в меня стрелять. Как он только вас за это время не убил?

— А к тому все и шло, — криво усмехнулся Рик. — Он вытащил было лазер — не этот, крошечный, а другой, обычный, — но потом передумал, потому что боялся не столько меня, сколько вас.

— Вы, конечно, понимаете, что вам нужно как можно скорее вернуться в театр и покончить с Любой Люфт прежде, чем эту красотку успеют предупредить, хотя вернее было сказать, не «эту красотку», а «это существо». А вот вы, вы их как воспринимаете — как нечто бесполое, как «оно»?

— Уже нет, — покачал головой Рик. — Хотя первое время я тоже так делал, чтобы не чувствовать себя убийцей. Пожалуй, я и правда отправлюсь сейчас в театр — если, конечно, вы сможете вытащить меня отсюда.

— Постараюсь, а для начала мы вот что сделаем.

Реш усадил обмякшее тело Гарланда в кресло и расположил его руки по возможности естественно. Результат получился более-менее убедительный, если не смотреть на располовиненную голову. И вообще не присматриваться. А лучше — и совсем не входить в кабинет. Затем он нажал клавишу интеркома и сказал:

— Инспектор Гарланд просит не беспокоить его в течение ближайшего получаса, у него срочная

работа.

— Хорошо, мистер Реш.

Отпустив клавишу, Реш снова повернулся к Рику.

— Пока мы здесь, в департаменте, я пристегну вас к себе браслетами, а как только взлетим, сниму их.

Он вынул из кармана наручники, защелкнул один из них на запястье Рика, другой на своем, а затем приосанился, глубоко вздохнул и открыл дверь кабинета.

Ни один из многочисленных полицейских, встретившихся Филу Решу и Рику по пути на выход, не проявил к ним ни малейшего интереса.

— Не дай только бог, — сказал Реш в ожидании лифта, — если в Гарланда был вмонтирован сигнал экстренной тревоги, активирующийся в случае его смерти. Но, с другой стороны, такая штука давно уже должна была сработать, иначе какой от нее толк.

Из спустившегося лифта вышло с полдюжины мужчин и женщин малоприметной, типично полицейской наружности; не обращая на Реша с Риком никакого внимания, они разошлись по своим делам.

— Как вы думаете, возьмут меня в ваш департа-

мент? — спросил Фил Реш, когда лифт, в котором теперь не было никого, кроме них двоих, бесшумно полетел вверх. — Ведь теперь я остался без работы — и слава еще богу, что без работы, а не без головы.

— Вообще-то, — осторожно начал Рик, — я не вижу тут никаких препятствий. Ну разве что то, что у нас уже есть два штатных охотника.

Я должен сказать ему, думал он. Молчать неэтично и даже жестоко. Ну хорошо, а что я могу сказать? Мистер Реш, вы не человек, а андроид, так, что ли? Вы спасли меня из этой западни — так получите за это достойную награду: оказывается, вы не то что не человек, но даже и не существо, а предмет, вызывающий у нас с вами дружное омерзение. Вы — то, что мы с вами единодушно стремимся стереть с лица земли.

— Я до сих пор не могу опомниться, — сказал Фил Реш. — Это просто не укладывается в голове. Три года кряду я работал под началом андроидов. И как я мог ничего не заподозрить — то есть не заподозрил достаточно сильно, чтобы перейти к действиям?

— А почему обязательно три года? Возможно, они прибрали это здание к рукам совсем недавно.

— Они были здесь с самого начала. Все это время я работал под началом Гарланда.

— Не все так просто, — покачал головой Рик. — Если ваш покойный шеф не врал, вся их компания прибыла на Землю вместе, и это было совсем недавно, несколько месяцев назад.

— Но тогда получается, — неуверенно начал Реш, — что изначально существовал другой, настоящий Гарланд, а потом его подменили… И сделали это настолько ловко, что никто ничего не заметил и даже не заподозрил. Или… — В нем брезжило мучительное понимание. — Или кто-то загрузил в меня ложную память… И не только в меня, но и во всех, кто знал Гарланда. Но как же это так… — Его узкое унылое лицо страдальчески сморщилось и начало подергиваться. — Ведь фальшивая память бывает только у андроидов, загрузить ее человеку очень трудно, почти невозможно.

Лифт мягко остановился и распахнул двери на безлюдную парковочную площадку.

— Ну, хорошенького понемножку, — сказал Фил Реш, освобождая Рика, а потом и себя от наручников.

Он открыл дверцу одной из машин, жестом пригласил Рика садиться на пассажирское место,

сел за баранку, торопливо захлопнул дверцу и тут же запустил двигатели; машина рванулась в небо и взяла курс на север, к Мемориальному оперному театру.

Некоторое время Фил Реш молчал, все глубже погружаясь в свои безрадостные размышления, а затем глубоко вздохнул, словно собирался броситься в холодную воду, и повернулся к Рику.

— Послушайте, Декард, — сказал он срывающимся от волнения голосом. — После того как мы с вами нейтрализуем эту Любу Люфт, я хотел бы, чтобы вы… Ну, чтобы вы проверили меня по Бонели или по этому вашему эмпатическому вопроснику. Навели бы полную ясность.

— Ну, может быть, — ушел от прямого ответа Рик. — Поговорим об этом позднее.

— Вы не хотите меня проверять, — горько посетовал Реш, — и я знаю почему: вы и так знаете, что получится. Гарланд вам что-то рассказал, что-то, чего я не знаю?

Реш не нашел в себе духа спорить.

— Даже вдвоем, — сказал он, — нам будет трудно убрать Любу Люфт. Во всяком случае, одному мне с ней не справиться. Подумаем лучше об этом.

— И все-таки это не ложная память, — сказал

Фил Реш. — У меня же есть животное. Не фальшак, а самое настоящее. Белка. Я люблю свою белку, Декард. Каждое утро я кормлю ее и меняю эти чертовы опилки, клетку чищу, а вечером, вернувшись с работы, я выпускаю ее, и она носится по всей квартире. У нее в клетке есть колесо — вы видели когда-нибудь белку в колесе? Она бежит и бежит, колесо крутится, а она остается на одном месте, только лапки мелькают, а ей, Баффи, это вроде и нравится.

— А белки вообще не слишком умные, — сказал Рик.

Дальше они летели молча.

Глава 12

В театре им сказали, что репетиция уже кончилась и мисс Люфт ушла.

— А она не сказала, куда идет? — спросил Фил Реш, демонстрируя рабочему сцены свое удостоверение.

— Вроде в музей, — сказал рабочий, дотошно изучив документ. — Она говорила, что хочет посмотреть выставку Эдварда Мунка, а то сегодня последний день.

Последний день выставки, подумал Рик, и последний день Любы Люфт. Знала бы она…

От театра до музея было рукой подать, так что они пошли пешком.

— Как вы думаете, какие у нас шансы? — спросил Фил Реш, торопливо шагая по тротуару. — Ну вот точно не пошла она ни на какую выставку, а сразу смылась.

— Возможно, — пожал плечами Рик.

В музее они узнали, как пройти на Мунка, поднялись по лестнице и вскоре уже бродили среди полотен и гравюр. Народу здесь было очень много, включая целый класс школьников во главе с тощей, как облезлая кошка, учительницей, чей

противный пронзительный голос безжалостно проникал во все уголки выставки. Вот так бы выглядеть андроидам и так бы им говорить, подумал Рик. А не так, как Рэйчел Розен и Люба Люфт. Или этот, шагающий рядом. Или, как он же и выражается, «это».

— Вы слыхали хоть об одном андроиде, у которого было домашнее животное, ну хоть какое-нибудь? — спросил Фил Реш.

Нечто не совсем понятное, возможно — предчувствие того, что произойдет в ближайшее время, толкало Рика к полной, безжалостной откровенности.

— Слыхал, и даже о двоих, — кивнул он. — Причем эти андроиды и привязались к своим животным, и прекрасно за ними ухаживали. Правда, подобные случаи можно пересчитать буквально по пальцам, и, как правило, питомцы андроидов хиреют и умирают. Все животные — ну разве что кроме змей и насекомых — остро нуждаются в душевном тепле.

— Ну а белка? Она ведь тоже не таракан какой-нибудь? А моя Баффи чувствует себя великолепно, я и чищу ее чуть не каждый день, и шерстку ей расчесываю. Более того… — Фил Реш смолк и остановился перед одной из картин.

Страх и отчаяние — вот чем веяло от нее.

Человек с непомерно раздутой, грушевидной головой, пустыми белесыми глазницами вместо глаз и тщедушным, болезненно изогнутым телом закрыл ладонями уши, чтобы не слышать своего собственного крика. Этот крик, рвущийся не только из распахнутого до предела рта, но из самых потаенных глубин этого отчаявшегося, истерзанного существа, затопил все вокруг, зримо отразился в тревожно изогнутых контурах далекого фьорда, выплеснулся в небо зловещими красно-желтыми сполохами. Человек стоит на мосту, в полном одиночестве, абсолютно изолированный от всех прочих людей, изолированный, несмотря на свой оглушительный крик — или, возможно, самим этим криком[14].

— Позднее он сделал по ней ксилографию, — заметил Рик, прочитав табличку под картиной.

— Мне кажется, — сказал Реш, — что вот так должен чувствовать себя андроид. — Он повторил рукой изображенные на картине извивы и изломы крика. — И раз я себя так не чувствую, можно надеяться, что я не… — Рядом останови-

[14] Примечания: 14

Судя по всему, Ф. Дик описывает картину Э. Мунка «Крик» по памяти. В действительности на ней присутствуют еще двое мужчин; мирно беседуя, они удаляются по мосту.

лась какая-то парочка, и он не закончил фразу.

— А вот и наша птичка, — сказал Рик.

Проследив за направлением его взгляда, Фил Реш мгновенно оставил бесплодное самокопание. Рука об руку они неспешно, с видом заправских любителей живописи направились на другую сторону зала. Было жизненно важно не выбиваться из общей атмосферы; неведение людей, которые и помыслить не могли, что прямо здесь, среди них, находится андроид, следовало хранить любой ценой. Любой, вплоть до утраты верной добычи.

Ну а пока что эта самая добыча, сменившая громоздкий сценический костюм на серебристые, зауженные к щиколоткам брюки и золотую узорчатую жилетку, стояла, заложив пальцем страницу в каталоге, перед большим, примерно метр на полтора, полотном, где была изображена девочка лет четырнадцати, сидящая на краю постели. Судорожно сцепленные руки девочки зажаты коленями, на ее лице — безмерный страх перед самой собой, перед тем новым, что в ней пробуждается; справа от нее зависла мрачная мешковидная тень.

— Хотите, я вам ее куплю? — спросил Рик, беря Любу Люфт за руку немного выше локтя.

Он держал девушку совсем чуть-чуть, лишь бы только она ясно осознала, что уйти ей уже не удастся, что он задержит ее без малейшего труда — тем более что Фил Реш, подошедший к Любе с другой стороны, положил руку ей на плечо. Под пиджаком у Реша ясно рисовалось вздутие от кобуры с лазером — после недавнего эпизода с инспектором Гарландом он был вдвойне настороже.

— Здесь ничего не продается. — Люба бросила на Рика безразличный взгляд и вздрогнула; ее глаза потускнели, от лица отхлынула вся краска, оставив его мертвенно-серым, как будто начинающим уже разлагаться. Словно в этот момент все, что было в ней живого, одухотворенного, куда-то испуганно спряталось, бросив бездушную оболочку на тление и распад.

— Я была уверена, что вы арестованы. Как это вышло, что они вас выпустили?

— Мисс Люфт, это мистер Реш. Мистер Реш, это известная оперная певица мисс Люба Люфт, — объявил Рик и добавил, обращаясь уже к одной Любе, совсем другим, будничным тоном: — Патрульный, которому вы меня сдали, оказался андроидом. Равно как и его шеф. Вам знаком — точнее говоря, вам был знаком — инспектор

Гарланд? Он говорил мне, что все вы прибыли сюда вместе, на одном корабле.

— А полицейский департамент, куда вы звонили, — встрял Фил Реш, — тот, что со штаб-квартирой на Мишн-стрит, является, по всей видимости, организационным центром, через который вы поддерживаете связь. Они там чувствуют себя настолько уверенно, что даже наняли охотником на андроидов настоящего человека. Совершенно очевидно, что…

— Это вас, что ли? — прищурилась Люба. — Вы не человек, а такой же андроид, как и я.

— С этим вопросом мы разберемся позднее, — сказал Реш после долгой напряженной паузы. — А сейчас, — повернулся он к Рику, — отведем-ка мы ее в мою машину.

Подталкивая Любу с двух сторон, они повели ее к лифту. Люба хоть и шла неохотно, но активного сопротивления не оказывала; было похоже, что она уже смирилась с неизбежным. По опыту Рик знал, что это вполне в порядке вещей. Синтетическая воля не выдерживала больших нагрузок; как правило, загнанные в угол андроиды быстро ломались. Как правило, но не всегда.

Угасшая вроде бы воля могла вновь полыхнуть яростным пламенем.

С другой стороны, андроидов отличало почти маниакальное стремление не выделяться, слиться с окружающей обстановкой. В таком людном месте, как музей, Люба не станет делать резких движений, а вот в машине, без посторонних зрителей, она может дать своим противникам последний решительный бой. Рик заранее собирал все свои силы в кулак — ничуть не задумываясь о Реше. Как сказал сам Реш, с этим вопросом можно будет разобраться позднее.

В конце коридора, чуть не доходя до лифтов, Люба остановилась у небольшого киоска, торговавшего репродукциями и книгами по искусству.

— Послушайте, — сказала она, повернув к Рику заметно ожившее, без недавней траурной бледности лицо. — Купите мне репродукцию картины, от которой вы меня увели. Той, где голая девочка сидит на кровати.

После секундной заминки Рик шагнул к прилавку, за которым стояла средних лет дама с массивным подбородком.

— Извините, пожалуйста, — обратился он к ней, — у вас есть мунковский «Переходный возраст»?

— Только в этом альбоме, — сказала продавщи-

ца, снимая с полки роскошный том в глянцевом переплете. — Двадцать пять долларов.

— Я возьму, — кивнул Рик, вынимая бумажник.

— Богатенький у вас департамент, — заметил Фил Реш. — Наш-то бухгалтер скорее удавится, чем завизирует такой счет.

— Это мои собственные деньги, — пояснил Рик. Передав купленный альбом Любе, он коротко бросил: — А теперь пошли.

— Я вам очень благодарна, — сказала Люба, первой входя в лифт. — Все-таки есть в вас, в людях, что-то до странности трогательное. Андроид никогда бы такого не сделал. Вот, скажем, он, — она взглянула на Реша и брезгливо поморщилась, — скорее бы удавился, выражаясь его же словами. Я не люблю андроидов. С того самого момента, как я прилетела на Землю, я только и делала, что притворялась человеком, делала то, что делала бы на моем месте настоящая женщина, поступала так, словно мной руководят те же самые мысли и мотивы, какие должна бы — по моему мнению — иметь она. Иными словами, имитировала высшую, чем я, жизненную форму. А как насчет вас, Реш? Вы тоже из кожи вон лезли, чтобы казаться…

— Хватит. — В руке Реша появился лазер. — Я не хочу этого слушать.

— Нет. — Рик попытался схватить Реша за руку, но тот ловко отшагнул в сторону. — Вы еще не проверили ее по Бонели.

— Оно само признало себя андроидом, — сказал Реш, — так что нам нечего больше тянуть.

— Но нейтрализовать ее по той единственной причине, что она вас подкалывает… Отдайте мне эту штуку. — Рик снова попытался отнять у Реша оружие, и тот снова отшагнул. — А впрочем, ладно. Нейтрализуйте это существо здесь и сейчас. Пусть оно наглядно убедится в справедливости своих слов… — И тут Рик понял, что Реш настроен более чем серьезно. — Подождите…

Последним непостижимым усилием Люба Люфт упала на пол и откатилась в сторону, уклоняясь от смертоносного пучка, однако Реш опустил ствол и прожег в ее животе узкую сквозную дыру. Рот Любы распахнулся в бесконечно долгом страдальческом крике — точно как на той картине, подумал Рик, добивая Любу из своего лазера, а затем перевел пучок в сторону и методично, до последнего клочка роскошной мелованной бумаги превратил только что купленный для нее альбом в тускло-серый пепел.

— Уж взяли бы лучше себе, — возмутился Реш, наблюдавший за этой процедурой со все большим недоумением. — Да книга, собственно, и была ваша, вы отдали за нее…

— А как вы думаете, — прервал его Рик, — есть у андроидов душа?

По лицу Реша было видно, что он окончательно перестал что-либо понимать.

— И я могу себе это позволить, — сказал Рик. — Сегодняшний день уже принес мне три тысячи долларов, и до вечера еще далеко.

— Вы что, — удивился Реш, — записываете Гарланда на себя? Но это же я его убил, а не вы, вы просто лежали на полу. Да и Люба тоже на моем счету.

— Ну и что? — пожал плечами Рик. — Вы же все равно не сможете получить премию, ни от своего департамента, ни от нашего. Вот как вернемся в вашу машину, я первым же делом устрою вам тест Фойгта-Кампфа — ну, или ваш, по Бонели. Проверю вас, и все сразу выяснится. И пусть даже вас нет в моем задании… — Дрожащими, непослушными пальцами он открыл чемоданчик и в который уже раз достал из него мятые листки папиросной бумаги. — Ну вот, вашего имени там нет, а значит, и премии за вас не полагается. Мне

нужно записать на себя Любу Люфт и Гарланда, иначе я просто ничего не заработаю.

— Вы считаете меня андроидом? Это вам что, Гарланд так сказал?

— Да, именно так он и сказал.

— И вы ему сразу поверили? А если он врал, специально для того, чтобы вы перестали мне доверять? Как оно, собственно, и вышло? Мы с вами полные идиоты, что позволяем этой публике расколоть наш союз. Кстати, вы были абсолютно правы насчет Любы Люфт, мне не следовало поддаваться на провокации этого существа. Наверное, я чересчур чувствителен — хотя, если подумать, это вполне естественно для людей нашей профессии, вы вот тоже такой. Но в общем-то нам и так, и так пришлось бы нейтрализовать эту Любу, ну разве что на полчаса позже, а что такое эти полчаса? Она не успела бы даже просмотреть репродукции в этом альбоме — и я все равно считаю, что не следовало его уничтожать, это было совершенно неразумно. А ваши доводы и весь ход ваших рассуждений кажутся мне, мягко говоря, иррациональными.

— Я бросаю эту профессию, — сказал Рик.

— Ну и чем же, с вашего позволения, вы думаете заняться?

— Чем угодно. Да хоть бы и страховым бизнесом, которым, согласно одной из легенд, занимался инспектор Гарланд. Или просто эмигрирую. Плюну на все и уеду на Марс.

— Но кто-то ведь должен этим заниматься, — рассудительно заметил Реш.

— А кто хочет, тот пусть и занимается. Пускай используют андроидов, так будет гораздо лучше. А я уже больше не могу, сыт по горло. Люба изумительно пела, с ее нейтрализацией планета ничего не выиграла, а только проиграла. Все это бред какой-то.

— Не бред, а жестокая необходимость. Вы забываете о людях, которых они убили, ведь каждый побег андроидов сопряжен с убийствами. А зачем, вы думаете, Гарланд вызвал меня к себе? Чтобы убить вас моими руками, просто так уж вышло, что я расстроил все его планы. А Полоков? Еще чуть-чуть — и он бы вас убил. А Люба Люфт? Мы защищаемся от чужеродных, смертельно опасных существ, нелегально проникших на нашу планету и действующих здесь под обличьем…

— Полицейских, — сказал Рик. — Охотников за андроидами.

— О'кей, проверьте меня по Бонели. Мне все-таки кажется, что Гарланд соврал, фальшивая

память не может ощущаться настолько достоверно. И что вы скажете про мою белку?

— Ну да, белка. Я совсем забыл про вашу белку.

— И если я все-таки андроид — убивайте меня и берите себе мою белку. Я сию же минуту напишу завещание на ваше имя.

— Андроиды не могут ничего никому завещать. У них не может быть никакой собственности.

— Тогда просто забирайте ее, и дело с концом.

— Возможно, я так и сделаю, — кивнул Рик; в этот момент лифт добрался до первого этажа и распахнул двери. — Оставайтесь здесь с Любой Люфт, а я пойду вызову патрульную машину, чтобы отвезла ее во Дворец правосудия. Для анализа костного мозга. Теперь, вашими стараниями, этот анализ можно провести очень быстро.

Рик нашел неподалеку видеофонную кабинку, зашел туда, бросил в прорезь монету и торопливо, дрожащими от злобы пальцами набрал номер; тем временем вокруг Фила Реша и бездыханной Любы Люфт начала собираться толпа.

Чтобы вызвать департаментскую труповозку, потребовалось не больше двух минут. Люба изумительно пела, думал Рик, выходя из кабинки. Не понимаю, ну чем таким она, с ее блистательным талантом, угрожала нашему обществу? Да при

чем тут талант, поправил он себя, дело тут совсем не в таланте. Угрозу представляет она сама, Люба. И Реш, он тоже представляет собой угрозу, по тем же самым причинам. А потому мне нельзя вот так сразу, в одночасье, бросить работу в департаменте, бросить на половине начатое дело.

Протискиваясь сквозь толпу, Рик издали увидел, что кто-то — кто-то из посторонних, отнюдь не Реш — прикрыл лицо распростертой на полу фигуры своим пиджаком.

— У меня прямо руки чешутся вас протестировать, — сказал он Решу, стоявшему чуть поодаль с серой тощенькой сигарой в зубах. — И я молю Бога, чтобы Гарланд оказался прав.

— Да вы меня и вправду ненавидите, — поразился Реш. — Почему? С какой такой стати? Полчаса назад, когда я вытаскивал вас с Мишн-стрит, спасал вашу жизнь, никакой ненавистью даже и не пахло.

— Я различил нечто вроде системы. В том, как вы убили Гарланда, а потом — Любу Люфт. Вы убиваете совсем не так, как я, убиваете, даже не пытаясь… ладно, хрен с ним, теперь я понимаю главное — вам нравится убивать. По любому, пусть и мельчайшему, поводу. Будь у вас хоть самый микроскопический предлог, вы и меня бы

убили. Потому-то вы так хотели, чтобы Гарланд оказался андроидом, — это дало бы вам возможность его убить. Любопытно, что вы будете делать при неблагоприятном исходе теста Бонели? Убьете себя? А что, с андроидами такое бывает. Редко, но бывает.

— Да, — кивнул Реш. — Вы только проведите тест, а все остальное я беру на себя.

Толпа расступилась, пропуская к безжизненному телу Любы двоих полицейских, один из которых узнал Рика и помахал ему рукой. Ну что ж, горько усмехнулся Рик, теперь мы можем и удалиться. С приятным сознанием честно исполненного долга.

На полпути к зданию оперного театра Реш неожиданно остановился и протянул Рику свой лазер.

— Пусть эта штука побудет пока у вас, — сказал он. — Чтобы вы могли сообщить мне любые, пусть и самые неблагоприятные, результаты тестирования, ничуть не опасаясь за свою жизнь.

— А как же вы тогда себя убьете? — спросил Рик, засовывая лазер в карман. — Ведь никак нельзя поручиться, что эти самые результаты окажутся для вас благоприятными.

— Я задержу дыхание.

— Матерь Божья, да это же просто невозможно!

— Почему же невозможно? Теряющий сознание человек обязательно начинает дышать из-за непроизвольного вмешательства блуждающего нерва, а у андроидов такого механизма нет, — деловито объяснил Реш. — Разве вам не рассказывали этого при подготовке, во вводном курсе?

— Ну да, понятно, но умереть подобным образом…

— А что тут такого? Смерть наступает абсолютно безболезненно.

— И все равно это как-то… — Рик замолк, не в силах подыскать нужные слова.

— Не бойтесь, — успокоил его Реш, — я абсолютно уверен, что эта проблема так и останется чисто теоретической.

Они вошли в театр и поднялись на крышу к припаркованной там машине.

— Я бы предпочел, чтобы вы использовали тест Бонели, — сказал Реш, садясь на водительское место.

— Как? Я же ничего в нем не понимаю.

И мне пришлось бы полагаться на твою интерпретацию полученных результатов, добавил про

себя Рик. А это полностью отпадает.

— Вы ведь не станете скрывать от меня правду? — встревоженно спросил Реш. — Если я окажусь андроидом, вы мне так прямо и скажете?

— Само собой.

— Дело в том, что я действительно хочу это знать. Я должен это знать. — Реш раскурил потухшую сигару и поерзал на сиденье, безуспешно пытаясь устроиться поудобнее. — А вам и вправду нравится эта картина, на которую смотрела Люба Люфт? — спросил он без всякой связи с предыдущим разговором. — Скучная какая-то. Я и вообще не большой любитель реалистического искусства, мне нравится Пикассо и всякое такое…

— «Переходный возраст» написан в тысяча восемьсот девяносто четвертом году, — оборвал его Рик. — В те времена не было еще ни Пикассо, ни всех этих авангардистских направлений.

— Но другая-то картина Мунка — та, где человек кричит и зажимает себе уши, — уж ее-то никак не назовешь репрезентативной.

Вместо ответа Рик открыл свой чемоданчик и достал из него тестирующую аппаратуру.

— Сложная штука, — уважительно заметил Фил Реш. — А со скольких вопросов можете вы

прийти к надежным выводам?

— Как правило, с шести-семи. Приклейте эту штуку к левой щеке. — Рик протянул Решу липкий диск датчика. — Покрепче. А этот фонарик должен светить прямо в уголок вашего левого глаза. Не двигайтесь и старайтесь по возможности не двигать глазами.

— Рефлекторные флюктуации, — догадался Реш. — Никак не на физическое раздражение — вы, к примеру, и не думаете измерять расширение зрачка. Собственно говоря, я и так знаю, что вас интересует моя реакция на вопросы, то есть на раздражение вербальное. Одним словом, вы будете измерять, как сильно я дергаюсь от смущения или негодования.

— А вы можете контролировать свою реакцию? — поинтересовался Рик.

— Вообще-то нет, ну разве что ее позднейшую стадию, ту, которая установится секунд через десять. А что касается начальной амплитуды, она не поддается сознательному контролю. И если я… извините меня за чрезмерную болтливость, просто я сейчас немного взбудоражен.

— Ничего, ничего, — великодушно улыбнулся Рик, — говорите сколько хотите.

Говори что хочешь и сколько хочешь, подумал

он. Договори себя до могилы — или куда уж там девают мертвых андроидов. Делай все, что тебе заблагорассудится, для меня это не имеет никакого значения.

Реша не пришлось долго уговаривать.

— Окажись я андроидом, — сказал он, — ваша вера в человечество стала бы еще прочнее. Но так как этого не произойдет, вам бы стоило заранее сформулировать некую теорию, которая объясняла бы…

— Сейчас я задам вам первый вопрос, — оборвал его Рик; его аппаратура была уже установлена и налажена, стрелки приборов нервно подрагивали. — Время реакции имеет решающее значение, поэтому отвечайте как можно скорее.

Первый вопрос он выбрал по памяти, не заглядывая в типографский вопросник. Тестирование началось.

Рик посидел немного в задумчивости, а затем собрал аппаратуру и запихнул назад в чемоданчик.

— Я не буду ничего спрашивать, все понятно по вашему лицу, — сказал Фил Реш после долгого, почти судорожного вздоха облегчения. — Ладно, — он протянул руку ладонью вверх, — теперь вы можете вернуть мне оружие.

— Видимо, вы были правы, — пожал плечами Рик. — В смысле намерений Гарланда восстановить нас друг против друга.

Он чувствовал себя выжатым как лимон. И физически, и психологически.

— Так вы сформулировали для себя новую теорию? — с легкой ехидцей поинтересовался Реш. — Ту, что объяснит меня как законную часть рода человеческого.

— В вашей способности к эмпатии, сопереживанию есть некий дефект. Дефект в области, не охваченной нашим тестированием. А конкретно — ваша чрезмерная ненависть к андроидам.

— Ну кто же будет на это тестировать?

— А может, и стоило бы.

Такая мысль была для Рика внове. Убивая андроидов, он не испытывал к ним ни малейшего сочувствия и всегда считал самоочевидным, что вся, до самых глубин, его психика воспринимает их сугубо рациональным образом — как очень сложные, очень умные механизмы. Вещи. А теперь вдруг выяснилось, что для него все же есть некая разница между андроидами и бездушными вещами, для Фила Реша нет, а для него — есть. И Рик нутром своим ощущал, что прав он, а не Реш. Сопереживание с рукотворной конструкцией? —

спросил он себя; с вещью, которая всего лишь притворяется живой? Но Люба Люфт казалась не менее живой, чем любой из живых людей, в ней не было никакого притворства.

— А вы отдаете себе отчет, — прищурился Фил Реш, — что это будет? Что будет, если мы включим в наш диапазон эмпатии и андроидов, наряду с животными?

— Мы окажемся беззащитными.

— Абсолютно беззащитными. Эти новомодные «Нексусы-шесть»… да они попросту сметут нас с лица земли. Вы, и я, и все наши коллеги, охотники — мы стоим между «Нексусами-шесть» и человечеством, как барьер, не позволяющий им смешиваться. Кроме того… — Он смолк, заметив, что Рик снова достает свою аппаратуру. — Я думал, что с тестированием уже покончено.

— Я хочу задать пару вопросов себе, — объяснил Рик. — А вы снимете отсчеты. Просто скажете мне, что показывают стрелки, а выводы я сделаю сам. — Он прилепил к щеке датчик и поймал луч уголком глаза. — Ну как, вы готовы? Следите за стрелками. На время задержки придется плюнуть, сообщайте мне амплитуду отсчета, и только.

— Хорошо, Рик, — кивнул Фил Реш.

— Я спускаюсь на лифте вместе с только что пойманным андроидом, — громко сказал Рик. — И тут, совершенно неожиданно, этого андроида убивает некто третий.

— Реакция довольно вялая, — сообщил Фил Реш.

— А докуда конкретно отбросило стрелки?

— Левую до 2,8, правую до 3,3.

— Андроид был женского пола, — сказал Рик.

— Теперь их отбросило до 4,0 и 6,0 соответственно.

— Много, — кивнул Рик, он выключил источник света, снял со щеки датчик и пояснил: — Это типично эмпатическая реакция, примерно так реагируют тестируемые люди на большую часть ситуаций из вопросника. Ну, кроме самых экстремальных, связанных с поделками из человеческой кожи и прочей патологией.

— И что же тогда получается?

— Получается, что я могу сочувствовать андроидам — не всем, но хотя бы некоторым.

Например, подумал он, Любе Люфт. А значит, я ошибался. В реакциях Фила Реша нет ничего извращенного, бесчеловечного. Все дело во мне самом.

Интересно, спросил он себя, а бывало ли преж-

де, чтобы человек так волновался за судьбу андроида?

Вполне возможно, думал он, что я никогда уже больше не столкнусь с подобной ситуацией, что это некая аномалия, связанная, к примеру, с моим особым отношением к «Волшебной флейте». И с голосом Любы Люфт, а может — и с ее артистической биографией в целом. Тем более что раньше ничего такого не замечалось: смерть, к примеру, Полокова — или Гарланда — не вызвала у меня никаких сожалений, никакого внутреннего протеста. Более того, окажись Фил Реш андроидом, я убил бы его абсолютно бесстрастно, во всяком случае — после того, как он убил Любу.

Вот тебе и четкое различие между настоящими, живыми людьми и человекоподобными механизмами, сказал он себе. Я ехал в этом лифте вместе с двумя существами, человеком и андроидом, и мое отношение к ним было прямо противоположным тому, какое должно быть. Тому, которое от меня требуется.

— Вы крупно влипли, Декард, — сказал Фил Реш; было видно, что ситуация кажется ему не столько драматичной, сколько забавной.

— Ну и где же выход? — беспомощно спросил Рик.

— Вы подсели на сексе.

— На сексе?

— Все дело в том, что она — оно — физически привлекательно. С вами что, — хохотнул Реш, — никогда такого не случалось? Нас учили, что это едва ли не самая большая из опасностей, подстерегающих охотника. А вы знаете, Декард, что многие колонисты используют своих синтетических служанок, мягко говоря, не по назначению?

— Это противозаконно.

— Конечно, противозаконно, как и десятки других сексуальных извращений. Но люди имеют обыкновение плевать на неудобные им законы.

— Это секс, а бывают там, у них, случаи такой же противозаконной любви?

— Любовь — это красивое название все того же секса.

— А как же любовь к своему отечеству? Любовь к музыке?

— Когда объектом любви является женщина или ее андроидная имитация, это — секс. Очнитесь, Декард, и взгляните фактам в лицо. Вам хотелось переспать с андроидом женского пола, не больше и не меньше. У меня тоже было однажды такое. Давно, когда только-только встал на стезю платного охотника. Не расстраивайтесь

из-за подобной ерунды, все легко поправимо, нужно просто установить правильную последовательность. Не нужно сперва убивать ее — или присутствовать при таком убийстве, — а затем испытывать физическое влечение. Делайте все в обратном порядке.

— То есть, — поразился Рик, — сначала переспать с андроидной женщиной…

— …а потом ее убить, — закончил Фил Реш с жестковатой, жутковатой улыбкой.

По всему видно, решил Рик, что он — прекрасный охотник. А вот как насчет меня?

Впервые за многие годы ответ на этот вопрос представлялся ему далеко не очевидным.

Глава 13

Сгустком чистейшего, яростного пламени рассекал Джон Р. Изидор закатное небо, возвращаясь с работы домой. Там ли она еще, спрашивал он себя. Будем надеяться, что там. Сидит в этой насквозь прохламленной квартире, смотрит Дружище Бастера по телевизору и вздрагивает от ужаса всякий раз, когда ей мерещится, что кто-то идет по коридору. Вот и я приду, она тоже испугается.

По пути Изидор наведался в чернорыночную бакалейную лавку, и теперь рядом с ним на пассажирском сиденье стоял полиэтиленовый пакет таких редкостных деликатесов, как соевый творог, сочные персики и прекрасный, нежный, головокружительно вонючий сыр; драгоценный пакет опасно дергался при частых ускорениях и торможениях — перевозбужденный Джон Изидор вел сегодня машину несколько безалаберно. Да и сама та машина, отремонтированная вроде бы совсем недавно, чихала и дребезжала ничуть не меньше, чем до ремонта. Вот же что, гады, делают, сказал себе Изидор.

Запах персиков и сыра переполнял его ноздри

небесным блаженством. Редчайшие редкости, за которые он отдал свое двухнедельное жалованье, взятое им у мистера Слоута вперед. Ну а в блистательное завершение всего этого роскошества под сиденьем машины, вдали от опасности упасть и разбиться, мягко перекатывалась самая редкость из редкостей — бутылка «Шабли». Джон Изидор хранил свою заветную бутылку в банковской депозитной ячейке и не продавал ее ни за какие деньги — на случай, если когда-нибудь, каким-нибудь чудом на горизонте появится девушка. И вот наконец-то такой случай представился.

Безжизненная, заваленная мусором крыша мгновенно притушила его радостное настроение. По пути от фургона к лифту Джон Изидор не смотрел по сторонам, сосредоточив все внимание на пакете и драгоценной бутылке, чтобы, не дай бог, не споткнуться о какой-нибудь хлам и не упасть, что было бы равносильно полному, постыдному банкротству. Когда подъехал и распахнул двери скрипучий обшарпанный лифт, Джон Изидор спустился не на свой этаж, а ниже, туда, где поселилась новая жиличка, Прис Страттон; еще через несколько секунд он осторожно постучал донышком драгоценной бутылки в ее дверь.

— Кто там?

В четком, хотя и приглушенном дверью, голосе проскальзывают нотки испуга.

— Это говорит Джон Изидор, — деловито сказал Изидор, обретший после видеофонного разговора с миссис Пильзен нечто вроде уверенности в своих силах. — Я имею при себе определенные, весьма привлекательные продукты, которые, как мне представляется, могли бы составить более чем пристойный ужин.

Дверь приоткрылась, и в полутемный коридор выглянула Прис.

— Вы разговариваете как-то иначе, — сказала она. — Более солидно.

— Сегодня на работе мне пришлось разрешить несколько проблем. Обычная деловая рутина. Если вы п-п-позволите мне войти…

— Вы сможете рассказать об этом поподробнее.

Несмотря на некоторую язвительность этого замечания, Прис впустила Джона Изидора в квартиру; увидев, чем заняты его руки, она вскрикнула от удивления. Ее лицо загорелось детской, бьющей через край радостью — и тут же потухло, помертвело, превратилось в каменную маску. Секундная радость исчезла, сменилась горечью и словно обидой.

— В чем дело?

Не дожидаясь ответа, Джон Изидор отнес пакет и бутылку на кухню, поставил их на столик и торопливо вернулся в гостиную.

— Нет смысла тратить все это на меня, — бесцветным голосом сказала Прис.

— Почему?

— Ну… — Опустив голову, Прис сунула руки в карманы тяжелой старомодной юбки и бесцельно, словно сомнамбула, прошлась по комнате. — Когда-нибудь я вам расскажу. Но все равно, — она вскинула на Изидора глаза, — с вашей стороны это было очень любезно. А сейчас я просила бы вас уйти. Мне не хочется никого видеть.

Бессильно волоча ноги, Прис направилась к выходу из квартиры; сейчас она походила на заводную игрушку, у которой кончился завод.

— Я знаю, что с вами, — сказал Джон Изидор.

— Да? — спросила Прис, открывая дверь на лестничную площадку; ее голос звучал тускло и безжизненно.

— У вас нет друзей. Вы выглядите куда хуже, чем сегодня утром, и все потому, что…

— У меня есть друзья. — Казалось, что Прис подключилась к неведомому источнику энергии; в ее голосе появилась уверенность и даже нечто вроде властности. — Или были. Семеро. Это сперва. С

тех пор платные охотники успели всерьез взяться за работу, так что теперь некоторые из этих семерых — а может, и все они — погибли. — Она подошла к окну, за которым повисла безбрежная тьма; эту тьму не столько скрадывали, сколько подчеркивали немногие бессильные пятнышки света. — Не исключено, что из нас восьмерых не осталось уже никого, кроме меня, и я напрасно вам возражаю.

— А что такое «платный охотник»?

— Да, конечно, вам тут не полагается этого знать. Платный охотник — это наемный убийца, которому дают список тех, кого он должен убить. Ему платят определенное вознаграждение — сейчас это вроде бы одна тысяча долларов — за каждого убитого. Обычно он заключает с каким-нибудь городом контракт, а потому имеет, кроме разовых вознаграждений, еще и регулярную зарплату. Однако муниципалитеты держат эту зарплату очень маленькой, чтобы охотники проявляли побольше рвения.

— Вы в этом уверены? — поразился Джон Изидор.

— Да, — кивнула Прис. — Вы имели в виду, уверена ли я, что охотник проявляет рвение? Да, проявляет. Ему это попросту нравится.

— И все же, — твердо сказал Джон Изидор, — я думаю, что вы ошибаетесь.

Прис говорила неслыханные вещи. Вот, скажем, Дружище Бастер никогда не упоминал ни о чем подобном.

— К тому же, — заметил он, — это бы прямо противоречило современной мерсеристской этике. Все живое едино — «ни один человек не является островом», как сказал во время оно Шекспир.

— Джон Донн.

— А если вы все же правы, это просто возмутительно, — возбужденно взмахнул рукой Джон Изидор. — А вы не можете обратиться за помощью в полицию?

— Нет.

— Так они что, преследуют вас? Они могут ворваться сюда и убить вас? — Теперь становилось хотя бы понятно, почему эта девушка так таится. — Мало удивительного, что вы до смерти перепуганы и не хотите никого видеть.

А в действительности, думал Джон Изидор, все это бред, и Прис одержима манией преследования. Вполне возможно, что пыль повредила ей мозг. Вполне возможно, что она и сама — аномалка.

— Не бойтесь, — сказал он, — если что, я их

первый убью.

— Из чего? — Прис печально улыбнулась, продемонстрировав ровный ряд мелких ослепительно белых зубов.

— Я получу лицензию на лазерный пистолет. Жителям безлюдных районов, куда почти не заходит полиция, лицензии дают буквально с полуслова — считается, что они должны сами себя защищать.

— А как же то время, когда вы будете на работе?

— Я возьму отпуск за свой счет!

— Это очень любезно с вашей стороны, Джон Изидор, но если платные охотники уже убили остальных, убили Макса Полокова и Гарланда, убили Любу, и Хаскинга, и Роя Бейти… — Прис на секунду смолкла. — Роя и Ирмгард Бейти… Если они убиты, все остальное не имеет уже значения. Ведь это мои лучшие, единственные друзья. Какого черта они не дают о себе знать?

Джон Изидор тихо, чуть ли не на цыпочках вышел на кухню, слил из кранов рыжую, ржавую воду, пока она не стала наконец прозрачной, а затем снял с полки несколько пыльных, давно не использованных тарелок и бокалов и тщательно их вымыл. Когда же на кухне появилась заметно

притихшая Прис, он разложил по тарелкам персики, сыр и соевый творог и открыл драгоценную бутылку.

— А что это такое белое? — Прис указала пальцем. — Не сыр, а другое.

— Это делается из сквашенного соевого молока. Жаль, что у меня нет… — Джон Изидор осекся и густо покраснел. — Вообще-то, это ели с мясной подливкой.

— Андроид, — пробормотала Прис. — Точно такими ошибками и выдают себя андроиды.

То, что Прис сделала потом, повергло Джона Изидора в полнейшее замешательство: она подошла к нему вплотную и на мгновение крепко его обняла.

— Я попробую персики, — сказала Прис через секунду, садясь за стол и беря с тарелки скользкий, оранжево-розовый, с нежным пушком по краю ломтик. Держа этот ломтик тонкими, изящными пальцами, она начала его есть — и тут же горько, навзрыд, заплакала. Слезы ручьями струились по щекам, обильно стекали ей на грудь. Джон Изидор не знал, куда деть глаза; пунцовый от смущения, он начал разливать вино по бокалам.

— Расхлюпалась, дура, — со злостью сказала Прис. — Ну так вот, — она достала носовой пла-

ток, вытерла с лица слезы и медленно прошлась по кухне, — до недавнего времени мы жили на Марсе, там-то я и познакомилась с повадками андроидов.

Голос Прис дрожал и срывался, но она продолжала говорить, и Джон Изидор подумал, что ей, наверное, давно хотелось открыть перед кем-нибудь душу.

— И вы не знаете здесь никого, кроме других таких же экс-эмигрантов, — догадался он.

— Мы все были знакомы друг с другом еще до отлета на Землю. Небольшой поселок в окрестностях Нью-Нью-Йорка. Рой и Ирмгард Бейти держали там аптеку; он был фармацевтом, а она занималась косметикой — лосьонами и прочими средствами для защиты кожи, на Марсе без них не обойдешься. А я… — она чуть замялась, — я покупала у Роя некоторые лекарства. Поначалу я остро в них нуждалась, потому что там не жизнь, а чистый кошмар. Всё это, — широким взмахом руки она обвела грязную, заваленную мусором кухню, — просто ерунда. Вам кажется, что я страдаю от одиночества. Кой черт, на Марсе каждый человек чувствует себя одиноким, бесприютным. Там куда хуже, чем здесь.

— А как же андроиды? — Видя, что обстановка

вроде бы разрядилась, Джон Изидор сел за стол и начал есть. — В рекламе говорилось, что они — идеальные компаньоны.

Прежде чем ответить, Прис рассеянно пригубила вино.

— Андроиды, — сказала она, — тоже чувствуют себя бесприютными.

— А вам нравится это вино?

— Да, — кивнула Прис, отставляя бокал. — Прекрасное вино.

— Это единственная бутылка вина, какую я видел за последние три года.

— Мы вернулись, — сказала Прис, — потому что та планета не предназначена для жизни. Вы знаете, сколько уже времени на ней никто не живет? Как минимум миллиард лет — такая она старая. Эта непостижимая древность чувствуется там в камнях, в песке, в воздухе — во всем. Одним словом, сперва я стала брать у Роя сильные лекарства: я буквально жила на этом новом синтетическом анальгетике, сайленсайне. А потом мне повстречался Хорст Хартман, который торговал тогда почтовыми марками, коллекционными, всякими редкостями — там у тебя оказывается столько свободного времени, что просто необходимо завести себе какое-нибудь хобби, занятие,

которому можно предаваться часами и годами, без конца. И вот он, Хартман, заинтересовал меня доколониальной беллетристикой.

— Старыми книгами?

— А конкретно — историями про космические путешествия, написанными до начала космических путешествий.

— А как могли быть истории про космические путешествия, когда самих космических путешествий…

— Писатели их придумывали.

— Основываясь на чем?

— На собственном воображении. Чаще всего они ошибались — описывали, скажем, Венеру как пышные тропические джунгли, где бродят огромные чудовища и женщины, закрывающие свои пышные груди сверкающей броней, на манер всяких Брунхильд и Кримхильд. — Прис всмотрелась в равнодушное лицо Джона Изидора. — Неужели это вас не интересует? Крупные женщины с длинными золотистыми волосами и броневыми чашками размером с хорошую дыню?

— Нет, — качнул головой Изидор.

— Ирмгард — блондинка, — сказала Прис. — Только не крупная, а миниатюрная. Как бы то

ни было, контрабандой на Марс старых доколониальных книг, журналов и фильмов можно заработать огромные деньги. Вы себе не представляете, насколько это увлекательно — читать про огромные города и заводы, про успешные, процветающие колонии. И буквально видеть, каким мог быть Марс. Каким он должен был быть. Каналы…

— Каналы. — Джону Изидору смутно помнилось, что когда-то он про них читал. В древности люди верили во многое, в том числе и в марсианские каналы.

— Сеть каналов, покрывающая всю планету. — В голосе Прис появилась мечтательность. — И существа из неведомых глубин Вселенной. Бесконечно мудрые. А еще — рассказы про Землю, действие которых происходит вот сейчас, в наше время, и даже в еще более далеком будущем. Рассказы, в которых не было места радиоактивной пыли.

— Мне кажется, — сказал Джон Изидор, — что после такого чтения человек должен чувствовать себя еще хуже.

— Вы ошибаетесь, — качнула головой Прис.

— А вы привезли что-нибудь из этого доколониального чтива сюда? — заинтересовался Джон

Изидор. — А то я бы тоже хотел почитать.

— На Земле такие книги ничего не стоят, здесь их никто не читает. К тому же их полным-полно в здешних библиотеках, их там воруют и переправляют автоматическими ракетами на Марс. Стоишь ты себе ночью на пустынной равнине, и вдруг в небе появляется огонек, потом ты различаешь ракету, она падает, раскрывается и вываливает наружу пачки старых, затрепанных журналов и книг. На Земле они гроша ломаного не стоили, а здесь — на вес золота. Но сперва, перед тем как продать, ты их, конечно же, прочтешь. — Рассказывая, Прис все больше и больше увлекалась. — Изо всех этих книг…

Во входную дверь громко постучали.

— Я не хочу открывать, — прошептала мгновенно побледневшая Прис. — Сидите тихо, пусть думают, что здесь никого нет. Вот только заперта ли дверь? — добавила она, едва шевеля бескровными губами. — Господи, ну пусть будет заперта…

Ее расширенные страхом глаза смотрели на Джона Изидора, словно моля о помощи.

— Прис, — донесся с лестницы сильно приглушенный толстой дверью голос. Вроде бы мужской. — Прис, ты здесь? Это мы. Рой и Ирм-

гард. Мы получили твою открытку.

Прис бесшумно, как кошка, метнулась в гостиную, а через пару секунд вернулась с ручкой и клочком бумаги, села и торопливо нацарапала кривыми, пляшущими буквами:

ПОДОЙДИТЕ К ДВЕРИ.

Джон Изидор неуверенно забрал у нее бумагу и ручку и написал чуть пониже:

И ЧТО СКАЗАТЬ?

Еще мгновение, и Прис со злостью, разрывая ручкой бумагу, накорябала:

ПРОВЕРЬТЕ, ПРАВДА ЛИ ЭТО ОНИ.

Джон Изидор хотел было спросить, да как же я узнаю, они это или не они, однако побоялся разозлить ее еще больше и послушно пошел открывать дверь.

На темной лестничной площадке стояла миниатюрная, похожая на Грету Гарбо блондинка с большими ярко-голубыми глазами и плотный высокий мужчина, чье скуластое, маловыразительное лицо резко контрастировало с живыми,

умными глазами.

Если радужно переливающаяся накидка, высокие лаковые сапоги и зауженные книзу брючки женщины отвечали последним требованиям моды, то потертые, сплошь в каких-то пятнах джинсы и мятая, несвежая рубашка ее спутника буквально кричали: «А мне наплевать, как я выгляжу». Мужчина улыбнулся Джону Изидору, однако на дне его маленьких, глубоко посаженных глаз таилось что-то жесткое, неприятное.

— Нам нужна… — начала было миниатюрная блондинка, но тут же смолкла, сверкнула широкой радостной улыбкой и бросилась, обогнув Джона Изидора, в глубь квартиры. — Прис, — кричала она, — ну как ты там?

Джон Изидор обернулся и увидел, что две женщины крепко обнялись. А еще через секунду ему пришлось посторониться, чтобы впустить в квартиру Роя Бейти. На губах фармацевта играла кривая, двусмысленная улыбка.

Глава 14

— Мы можем при нем говорить? — бесцеремонно поинтересовался Рой.

— В общем-то да.

Счастливая, дрожащая от радостного возбуждения Прис отвела супругов Бейти в угол комнаты, с минуту что-то им шептала, а затем вернулась к несчастному, вконец растерянному Изидору.

— Это мистер Изидор, — сказала она. — Мистер Изидор обо мне заботится. — В ее голосе звучал неприятный, почти злобный сарказм. — Хотите посмотреть? Он принес мне еду, и не какую-нибудь, а самую лучшую, натуральную.

— Еда, — повторила Ирмгард Бейти и тут же быстрым, упругим шагом отправилась на кухню. — Персики.

Она улыбнулась Изидору, пододвинула к себе тарелку, взяла ложку и начала быстро, с очевидным наслаждением есть. Улыбка у нее была теплая, дружелюбная, совсем не такая, как у Прис.

— Вы тоже с Марса, — сказал Изидор.

— Да, мы решили оттуда смыться. — Голос у Ирмгард был высокий, чуть похожий на птичье

щебетанье, а глаза голубые и очень веселые. — Какой у вас ужасный дом. В нем же никто больше и не живет, верно? Во всяком случае, окна не светятся.

— Я живу этажом выше, — сказал Изидор.

— Да? А я-то подумала, что вы с Прис живете вместе. — Ирмгард сказала это без осуждения и без одобрения, а просто так, между прочим.

Тем временем на кухне появились Рой и Прис.

— Ну так вот, — криво ухмыльнулся Рой, — Полокова они сделали.

— Полокова? — убито переспросила Прис. — Кого еще?

— Гарланда. — По лицу Роя Бейти блуждала все та же кривая ухмылка; казалось, ему даже нравится смотреть на потрясенное лицо Прис. — Вчера они убили Андерса и Гитчель, а сегодня добрались и до Любы. А я-то готов был голову прозакладывать, что если кто из нас и уцелеет, так это Люба. Помнишь, сколько раз я твердил вам об этом?

— Так это что же получается? — вскинула глаза Прис. — Что теперь…

— Нас осталось только трое, — закончила за нее Ирмгард.

— Потому-то мы сюда и пришли, — весело

сообщил Рой Бейти; ему словно нравилось, что положение их маленькой группы стало почти безнадежным.

Изидор силился понять психологию этого человека и не мог.

— О господи, — простонала Прис.

— Дело в том, — возбужденно заговорила Ирмгард, — что у них появился этот сыщик, этот платный охотник по имени Дэйв Холден. — Ее губы словно выплюнули ненавистное имя. — А потом Полоков почти его сделал.

— Вот именно что почти, — весело улыбнулся Рой.

— Поэтому он, этот Холден, лежит теперь в больнице, — продолжила Ирмгард. — А его список они передали другому охотнику. Полоков совсем было сделал этого охотника, но вышло так, что это он сделал Полокова. А потом он занялся Любой. Мы знаем это потому, что она сумела связаться с Гарландом и Гарланд послал одного из своих людей, чтобы тот арестовал этого охотника и доставил его на Мишн-стрит. Потом Люба позвонила нам, она была абсолютно уверена, что все обошлось благополучно, что Гарланд его убьет. Но что-то там у них, на Мишн-стрит, не получилось. Мы не знаем, что именно, и вряд ли

когда-нибудь узнаем.

— А этот охотник, — забеспокоилась Прис, — у него есть наши имена?

— Скорее всего, да, — пожала плечами Ирмгард. — Но он не знает, где нас искать. Мы с Роем запихали в машину чуть не все свое хозяйство и не вернемся на прежнее место, мы поселимся где-нибудь в этом жутком доме.

— А разумно ли эт-то? — набрался смелости Изидор. — Ст-тоит ли вам собираться всем в одном месте?

— Что же поделаешь, если всех остальных они уже сделали, — безразлично откликнулась Ирмгард.

Под внешним возбуждением в ней ощущалась какая-то странная отрешенность. Вот и с мужем ее, подумал Изидор, то же самое, все они какие-то странные. Он остро ощущал эту странность, хотя и не понимал, с чем она связана. Было похоже, что у всех у них мыслительный процесс поражен некоей необычной злокачественной абстрактностью. У всех, кроме разве что Прис — она-то действительно напугана. Прис вела себя почти правильно, почти естественно. И все равно…

— А почему бы тебе не съехаться с ним? — спросил Рой у Прис и ткнул пальцем в Изидора. — Ка-

кая ни на есть, а все же защита.

— С недоумком? — вспыхнула Прис. — Я не собираюсь жить с недоумком.

— А мне кажется, — торопливо вмешалась Ирмгард, — что сейчас не время быть шибко разборчивой. Платные охотники действуют быстро. Скорее всего, он попытается покончить с нами прямо сегодня, не дожидаясь завтрашнего утра. Насколько я знаю, им за скорость приплачивают.

— Кярест[15], закрой наружную дверь, — сказал Рой, а потом махнул рукой, подошел к двери сам, захлопнул ее и защелкнул на замок. — И все-таки, Прис, тебе стоило бы съехаться с Изидором, а мы с Ирмой поселимся рядом, в этом же доме, и организуем с тобой нечто вроде взаимопомощи. У меня есть при себе кой-какая электроника, снятая с корабля, когда мы его бросали. Я установлю двустороннюю связь, так что ты будешь слышать, что делается у нас, а мы — у тебя. И еще я установлю систему экстренной тревоги, которую сможет активировать любой из нас. Теперь уже абсолютно ясно, что от наших синтетических личностей не было особого толку, даже в случае

---

[15] Примечания: 15

Кярест *(швед.)* — самая дорогая (без пренебрежительного оттенка, присутствующего в русском «дражайшая»).

Гарланда. Конечно же, Гарланд сам сунул голову в петлю, притащив задержанного охотника на Мишн-стрит, такие ошибки просто недопустимы. Да и Полокову следовало держаться от этого охотника как можно дальше, а он пошел на сближение. Мы такого не сделаем, мы спрячемся и не будем высовываться.

В голосе фармацевта не было и следа озабоченности; казалось, что сложившаяся ситуация действует на него возбуждающе, заряжает почти маниакальной энергией.

— Я думаю… — Он шумно вдохнул, приковав к себе внимание всех остальных, вплоть до Изидора. — Я думаю, что есть вполне определенное объяснение тому, что мы трое все еще живы. Я думаю, что имей этот охотник хоть какие-нибудь данные, где мы находимся, он бы успел уже сюда заявиться. Основной принцип этой самой охоты состоит в том, чтобы действовать со всей возможной скоростью. Быстрее работаешь — больше заработаешь.

— И если он будет рассусоливать, — согласно кивнула Ирмгард, — мы успеем отсюда смыться, как смылись из предыдущей квартиры. Рой прав, он знает наши имена, но не имеет понятия, где мы. Бедная Люба — связалась с этим своим

театром и торчала у всех на виду. Ее и искать-то было не надо.

— Ну что ж, — высокомерно сказал Рой, — Люба сама этого хотела. Думала, что положение общественной фигуры обеспечивает ей большую безопасность.

— А ты говорил ей, что лучше держаться в тени, — поддержала мужа Ирмгард.

— Да, — кивнул Рой, — я и ей говорил, и Полокову не советовал выдавать себя за агента ВПО. И еще я говорил Гарланду, что придет ему конец от того или другого из его собственных платных охотников. Скорее всего, так оно сегодня и случилось.

Было видно, что он просто упивается собственной мудростью и дальновидностью.

— Г-г-глядя на мистера Бейти и с-с-слу-шая его, — заговорил Изидор, — я вижу, чт-т-то он — естественный лидер вашей группы.

— Да, — кивнула Ирмгард, — Рой и есть наш лидер.

— Он организовал наш… наше путешествие, — добавила Прис, — путешествие с Марса на Землю.

— А тогда, — сказал Изидор, — вам бы следовало прислушаться к предложениям своего лидера. —

Его голос срывался от напряжения и страстной надежды. — Я думаю, Прис, было бы потрясающе, если бы т-т-ты переселилась ко мне. Я бы мог несколько дней посидеть дома — договорился бы с мистером Слоутом в счет отпуска. Охранял бы тебя.

И еще можно было бы попросить у Милта сконструировать какое-нибудь оружие, он же такой изобретательный. Какое-нибудь хитрое оружие, мощное, чтобы могло убивать этих платных охотников, что бы там они собой ни представляли. У Изидора сформировалось в мозгу смутное зловещее представление о платном охотнике: некое безжалостное существо с лазерным пистолетом и машинописным перечнем будущих жертв, выполняющее свою работу с тупой, механической старательностью безмозглого винтика огромной бюрократической машины. Существо без эмоций и даже без лица, на котором могли бы отражаться эти эмоции. Такое существо, что убей его — и тут же возникнет другое, точно такое же. И так будет продолжаться до тех пор, пока все настоящее, по-настоящему живое, не будет уничтожено.

Невероятно, думал он, что полиция не может вмешаться. Совершенно невероятно. Видимо, эти люди что-то сделали. Например, незаконно

вернулись на Землю. Нам все время говорят — телевизор говорит, — чтобы мы доносили о каждом корабле, приземляющемся вне законных посадочных площадок. Чувствуется, что полиция придает этому большое значение.

Но пусть даже и так, теперь же не бывает, чтобы кого-нибудь намеренно убили. Это противно самому духу мерсеризма.

— А ведь этот недоумок, — сказала Прис, — мною увлекся.

— Не надо, Прис. — Ирмгард сочувственно взглянула на Изидора. — Не надо его так называть. Ты только подумай, как бы он мог назвать тебя.

Прис не ответила, по ее лицу блуждала непонятная улыбка.

— Я прямо сейчас и займусь электроникой, — сказал Рой. — Мы с Ирмгард останемся в этой квартире, а ты, Прис, пойдешь к мистеру Изидору.

Фармацевт направился к выходу, шагая со скоростью, совершенно неожиданной для столь грузного человека. Распахнулась, а затем хлопнула дверь, и его не стало, но перед этим у Изидора появилась странная галлюцинация: он увидел на миг сложную механическую конструкцию,

сплошь начиненную электронными схемами и чем-то вроде моторчиков, а затем эта конструкция исчезла, снова сменилась неряшливой фигурой Роя Бейти. Изидор хотел было рассмеяться, но вовремя себя остановил. И он снова ничего не понимал.

— Человек действия, — безразлично заметила Прис. — Жаль только, руки у него не тем концом воткнуты, ничего-то он толком делать не умеет.

— Если нам удастся спастись, — осуждающе заметила Ирмгард, — это будет исключительно благодаря ему, Рою.

— Ладно, — пожала плечами Прис, обращаясь, похоже, к самой себе. — Пожалуй, оно того стоит. — И добавила, повернувшись к Изидору: — О'кей, сейчас я переселюсь к вам, и вы сможете меня защищать.

— Н-н-не только вас, — радостно откликнулся Изидор, — н-н-но и всю вашу группу.

— Я хочу, — торжественно провозгласила Ирмгард Бейти, — чтобы вы, мистер Изидор, знали, насколько мы вам признательны. Вы — первый друг, найденный нами здесь, на Земле. Это очень благородно с вашей стороны, и я надеюсь, что когда-нибудь мы сможем вас отблагодарить.

Все теми же скользящими шагами она подошла

к Изидору и похлопала его по плечу.

— А не найдется у вас почитать чего-нибудь из доколониальной литературы? — спросил с надеждой Изидор.

— Простите? — удивилась Ирмгард и вопросительно взглянула на Прис.

— Он про эти допотопные журналы, — сказала Прис. Собрав немногие свои вещи, она передала их Изидору, который вцепился в связку с восторгом, возможным исключительно при достижении давно желанной цели. — Нет, Джон Изидор, мы ничего не привезли из этой литературы. По причинам, которые я вам уже объясняла.

— Т-т-тогда, — сказал Изидор, выходя на лестничную площадку, — я схожу завтра в б-б-библиотеку и возьму там чт-т-то-нибудь почитать и для себя, и для вас. Чтобы вам было чем заняться, а не просто так сидеть.

Отведя Прис наверх, в свою стылую, неухоженную квартиру, он первым делом включил там свет, отопление и застрявший на единственном канале телевизор.

— А мне здесь нравится, — сказала Прис тем же равнодушным, отстраненным голосом, что и прежде, и начала бродить по квартире, глубоко засунув руки в карманы юбки. На ее лице засты-

ло недовольное, почти негодующее выражение, прямо противоречившее сказанному.

— В чем дело? — забеспокоился Изидор, аккуратно раскладывавший принесенные вещи по дивану.

— Ни в чем.

Прис остановилась у панорамного окна, раздернула занавески и мрачно уставилась в непроглядную тьму.

— Если вы думаете, что они вас ищут… — начал Изидор.

— Все это сон, — сказала она. — Бред, вызванный снадобьями, которые подсовывал мне Рой.

— П-п-простите?

— Вы что, серьезно поверили в существование платных охотников?

— Мистер Бейти говорит, что они убили ваших друзей.

— Рой Бейти такой же псих, как и я, — сказала Прис. — И бежали мы сюда не с Марса, а из одной психиатрической лечебницы Восточного побережья. Все мы тут шизофреники с поражением эмоциональной сферы. «Притупление аффекта» — так это называется на медицинском жаргоне. Кроме того, мы подвержены групповым галлюцинациям.

— Мне, в общем-то, и не верилось, что это правда, — облегченно вздохнул Изидор.

— Не верилось? — Прис оставила окно и принялась разглядывать Изидора так пристально, что вогнала его в краску. — Почему?

— П-п-потому, что т-т-такого теперь не бывает. П-п-правительство никого уже не казнит, хоть за какое преступление. И вообще мерсеризм…

— Но если вы не человек, — заметила Прис, — все обстоит совсем иначе.

— А вот и неверно. Даже животные — пусть там угри или крысы, пауки или змеи — даже они священны.

— Так что же, — сказала Прис, все еще сверлившая его взглядом, — значит, этого никак не может быть? Ибо, как вы говорите, даже животные защищены законом. Все живое. Любая органика, которая летает, ползает или зарывается в землю, рожает или откладывает яйца… — Она оборвала фразу, потому что наружная дверь рывком распахнулась и в квартиру буквально влетел Рой Бейти, за которым змеился по полу длинный провод.

— Насекомые особо священны, — сказал Рой, ничуть не смущаясь, что подслушал чужой разговор.

Пройдя в гостиную, он снял одну из картин, повесил на гвоздь какую-то крошечную коробочку, отступил от стены на шаг, некоторое время что-то разглядывал, а затем вернул картину на место.

— А теперь сигнал тревоги. — Подтянув к себе провод, на конце которого висело сложное электронное устройство, он со все той же непонятной улыбочкой на губах продемонстрировал это устройство Прис и Джону Изидору. — Вот это он и есть, этот сигнал. Провода мы разложим под ковром, они играют роль антенны, которая уловит присутствие… — Рой на мгновение осекся. — Присутствие мыслящей сущности, не совпадающей ни с кем из нас четверых.

— И тогда эта штука зазвонит, — сказала Прис. — А что толку? У охотника будет пистолет. Ты что, хочешь, чтобы мы набросились на него и закусали до смерти?

— Это устройство, — пояснил Рой, — снабжено пенфилдовским блоком, который при срабатывании повергнет любого… нежеланного гостя в панику. Если только тот не обладает фантастической скоростью реакции, что, к сожалению, не исключено. В страшную панику — я вывел мощность на максимальный уровень. Ни один человек не сможет продержаться дольше чем

пару секунд. Пенфилдовское излучение заставит его бессмысленно метаться из стороны в сторону и в ужасе бежать куда глаза глядят. А в конечном итоге вызовет мышечный и нервный спазм, что, — заключил он, — даст нам определенный шанс его прикончить. Возможно. Тут все зависит от его квалификации.

— А разве на нас излучение не подействует? — удивился Изидор.

— А ведь и правда, — сказала Прис. — На Изидора оно непременно подействует.

— Ну и что? — пожал плечами Рой и снова принялся монтировать свое устройство. — Оба они убегут отсюда, а мы получим время прореагировать. Убивать Изидора охотник не станет, потому что его нет в списке намеченных целей.

— А ты не можешь придумать что-нибудь получше? — скептически спросила Прис.

— Нет, — покачал головою Бейти. — Не могу.

— Завтра я д-д-добуду себе оружие, — с жаром пообещал Изидор.

— А ты точно уверен, что присутствие Изидора не активирует сигнал тревоги? — спросила Прис. — Ведь он же, что ни говори… ну, ты понимаешь.

— Я ввел компенсацию на его мозговое излу-

чение, — объяснил Рой. — Чтобы активировать блок, потребуется присутствие второго человека.

Он нахмурился и бросил на Изидора косой, осторожный взгляд.

— Вы андроиды, — сказал Изидор. Эта новость не вызвала у него практически никаких чувств. — Теперь я понимаю, почему они хотят вас убить. Если разобраться, вы и так неживые.

Все прежние неясности мгновенно получили свое объяснение. И зловещий платный охотник, убивший их друзей, и путешествие на Землю, и все эти предосторожности.

— Мне не следовало говорить «человек», — вздохнул Рой Бейти.

— Ничего страшного, мистер Бейти, — успокоил его Изидор. — Мне это абсолютно безразлично. Я же аномал, со мною тут тоже обращаются не слишком-то хорошо, к примеру, не позволяют эмигрировать. Вы не имели права лететь сюда, я не имею права... — Он почувствовал, что разболтался, как последний идиот, покраснел и смущенно смолк.

Последовала долгая пауза, а потом Рой Бейти сказал:

— Вам бы там, на Марсе, не понравилось, так что вы ничего не потеряли.

— Знаете, Изидор, — сказала Прис, — я давно уже ждала, когда же вы наконец догадаетесь. Ведь мы не такие, как люди, верно?

— Вот на этом-то, скорее всего, и споткнулись Гарланд с Максом Полоковым, — пробурчал Рой Бейти. — Слишком уж они были уверены, что вполне сойдут за людей. Да и Люба тоже.

— Вы все интеллектуалы, — сказал Изидор, гордый, что разрешил столь долго мучившую его загадку. Гордый и возбужденный. — Вы мыслите абстрактно, и вы никогда… — Он не находил слов, они путались у него в голове и на языке. Как и всегда в подобных случаях. — Я бы очень хотел иметь ай-кью, как у вас. Тогда я прошел бы испытание и не был бы недоумком. Я думаю, что вы — выдающиеся личности, я смогу многому у вас научиться.

— Ладно, — вздохнул после долгого молчания Рой, — займусь-ка я лучше своим монтажом, а то только время зря теряю.

— Он все еще не понимает, — резко сказала Прис, — как мы сумели прилететь сюда с Марса, не понимает, что мы там сделали.

— Что мы были вынуждены сделать, — буркнул, не поворачиваясь, Рой.

Все это время в полураспахнутой наружной

двери стояла Ирмгард Бейти, но заметили они ее только сейчас, когда она вмешалась в разговор.

— Я не думаю, что нам следует беспокоиться насчет мистера Изидора, — убежденно сказала Ирмгард, подходя к Изидору и заглядывая ему в лицо. — Как он сам говорил, с ним ведь тоже не слишком хорошо здесь обращаются. Его не интересует, что мы там сделали на Марсе и чего не сделали. Он знает нас, мы ему нравимся, и он так устроен, что эмоциональное приятие перевешивает в его глазах все остальное. Для нас это почти непостижимо, и все же это так. Вам понятно, — спросила она Изидора, — что, сдав нас полиции, вы можете получить кучу денег? — И добавила, обращаясь уже к мужу: — Видишь? Он все прекрасно понимает и все равно нас не сдаст.

— Вы — прекрасный человек, Джон Изидор, — сказала Прис. — Вы делаете честь всему роду человеческому.

— Будь он андроидом, — иронически поддержал ее Рой, — так сдал бы нас прямо завтра утром. Поехал бы на работу, завернул бы по дороге в полицию — и с концами. Я полон глубочайшего восхищения. А мы-то, бедные, думали, что никогда не найдем на этой планете друзей, что со всех сторон на нас будут смотреть чужие, враждебные

лица. — Он разразился резким, лающим смехом.

— Лично я абсолютно не беспокоюсь, — сказала Ирмгард.

— В то время как тебе следовало бы дрожать от ужаса, — ухмыльнулся Рой.

— Давайте проголосуем, — предложила Прис. — Как мы делали на корабле, когда не могли прийти к согласию.

— Ну что ж, — сказала Ирмгард, — я не буду больше спорить. Но, упустив эту возможность, мы никогда не найдем другого человека, который примет нас и согласится нам помогать. Мистер Изидор не столько типичный представитель своего рода, сколько… — Она запнулась, подыскивая слово.

— Аномал, — сказала Прис.

Глава 15

Голосование проводилось торжественно, по давно, как понял Изидор, отработанному ритуалу.

— Мы остаемся здесь, — твердо заявила Ирмгард. — В этом здании, в этой квартире.

— Я голосую за то, чтобы убить мистера Изидора и залечь на дно где-нибудь в другом месте, — откликнулся Рой Бейти.

Теперь он и Ирмгард — и Джон Изидор — повернулись к Прис и замерли в ожидании.

— Я голосую, — негромко сказала Прис, — за то, чтобы остаться здесь. — И добавила уже в полный голос: — Мне кажется, что Джон Изидор представляет для нас огромную ценность, а то, что он знает, кто мы такие, — фактор не столь уж и существенный. Теперь уже вполне понятно, что мы не можем затесаться незамеченными в среду людей. Именно такая попытка погубила Полокова и Гарланда, Любу и Андерса.

— Вполне возможно, что дело обстоит как раз наоборот, — возразил Рой Бейти, — что они сами себя подставили, доверившись какому-нибудь человеку, отличному, по их мнению, от прочих.

Аномальному, пользуясь твоим же выражением.

— Это, — упрямо вступила Ирмгард, — не более чем беспочвенная догадка. Мне кажется, что они жили себе и жили, ни о чем особенно не беспокоясь, занимались своими делами, — Люба, скажем, пела в своем театре. Все мы слишком уж уверены… я могу сказать тебе, Рой, вера во что нас раз за разом подводит. Нас подводит вера в это наше проклятое интеллектуальное превосходство. — Она буквально захлебывалась от возмущения. — Ну да, конечно, ведь мы же такие умные, такие предусмотрительные — и вот ты, Рой, ты же прямо сейчас, прямо в эту минуту ведешь себя именно так, ничуть не сомневаясь в своей чертовой правоте!

— Я думаю, — кивнула Прис, — что Ирма абсолютно права.

— А по такому случаю, — начал Рой, — мы поставим теперь свою жизнь в зависимость от неполноценного, ущербного… Ну да ладно, что уж теперь. И простите меня, Изидор, просто я очень устал, до сих пор не отошел после нашего путешествия. Да и пробыли мы здесь, на Земле, не так уж и долго. К сожалению.

— Я надеюсь, — радостно заговорил Изидор, — что сумею сделать ваше дальнейшее пребывание

на Земле более приятным.

Он был уверен, что это ему под силу. И что это будет высшей точкой, апогеем всей его жизни, а также новообретенной компетентности, которую он столь блистательно продемонстрировал сегодня на работе при разговорах по видеофону.

По окончании рабочего дня Рик Декард, ни секунды не задерживаясь, сел в машину и полетел на зоорынок, занимавший несколько городских кварталов, где сверкали яркие многоцветные вывески и огромные стеклянные витрины крупных зоофирм. Черная, безысходная меланхолия, обрушившаяся на него несколько часов назад, никак не проходила, и теперь он надеялся освободиться от этого незнакомого прежде чувства, окунувшись в манящий, суматошный мир животных и торговцев животными. Во всяком случае, в прошлом не раз бывало, что вид животных и богатых покупателей, приценивающихся ко всякой немыслимо дорогой экзотике, заметно его взбадривал. Даст бог, получится и сейчас.

— Да, сэр? — Рядом с витриной, на которую уставился Рик, мгновенно, словно чертик из табакерки, вырос юркий, щеголевато одетый приказчик. — Вы видите здесь что-нибудь такое, что вам нравится?

— Я вижу здесь уйму такого, что мне нравится, — вздохнул Рик. — Вся проблема в цене.

— Ничего, — успокоил его приказчик, — вы просто скажите нам, какого рода покупку хотели бы вы совершить. Что вы хотели бы привезти сегодня к себе домой, и по какой схеме вы собираетесь платить. Мы доведем ваше предложение до сведения нашего менеджера по продажам, заручимся его одобрением и в секунду все оформим.

— У меня есть три тысячи наличными, — сказал Рик; под самый конец рабочего дня кассир департамента полностью выплатил ему положенное вознаграждение. — Вот сколько, к примеру, стоит это семейство кроликов?

— Сэр, если ваших средств достаточно для первого взноса в размере трех тысяч, наш магазин мог бы предложить вам нечто несравненно лучшее, чем пара кроликов. Как насчет козы?

— Не знаю, — пожал плечами Рик. — Мне как-то никогда не приходило в голову купить себе козу.

— Извините за нескромность, но не обстоит ли дело так, что мы обсуждаем новый для вас ценовой диапазон?

— Ну, — смущенно признался Рик, — в общем-то, я не часто разгуливаю с тремя тысячами в кармане.

— Именно так я и подумал, сэр, когда вы заговорили о кроликах. Главный недостаток кроликов, сэр, состоит в том, что они есть практически у всех. Мне бы хотелось, сэр, чтобы вы поднялись ступенькой выше, в класс козовладельцев, более, как мне представляется, подходящий для вашего финансового уровня. Я человек опытный, и я вижу в вас типичного козовладельца.

— А в чем состоит преимущество коз?

— Их определяющим преимуществом, — доверительно сказал приказчик, — является то, что козу можно обучить так, что она забодает любого, кто попытается ее украсть.

— Ну да, — скептически покачал головой Рик, — особенно если они предварительно выстрелят в нее шприцем со снотворным и спустятся по веревочной лестнице сверху, с зависшего ховеркара.

— Кроме того, — продолжил, ничуть не смутившись, приказчик, — коза безгранично верна своему хозяину. У нее свободная, непокорная душа, которую не опутать никакими веревками, не сдержать ни в какой клетке. В довершение всего у козы есть еще одно эксклюзивное преимущество, о котором большинство людей даже и не подозревает. Весьма нередки прискорбные случаи, когда вы вкладываете в животное се-

рьезные деньги, приводите его домой, а наутро с ужасом обнаруживаете, что оно съело что-нибудь радиоактивное и сдохло. А козу не проймешь никакими загрязненными квазипищевыми продуктами, она может есть все без разбору, в том числе и такие вещи, которые почти неизбежно убьют корову, не говоря уж о кошке. Мы, наша фирма, абсолютно уверены, что как предмет долгосрочного капиталовложения козлы и козы — причем особенно козы — представляют серьезному зоовладельцу неоспоримые, блестящие преимущества.

— А это самка?

Рик заметил большую черную козу, стоявшую посреди своей просторной клетки, и двинулся в ее направлении; приказчик не отставал от него ни на шаг. Животное выглядело великолепно.

— Да, сэр, это именно самка. Черная нубийская коза, очень крупная, как вы и сами, конечно же, успели заметить. Один из главных хитов текущего сезона продаж. Мы можем предложить вам ее по весьма привлекательной, почти смехотворно низкой цене.

Рик вытащил из кармана свой замусоленный каталог, пробежался глазами по разделу «Козы» и нашел подраздел «черные, нубийские».

— А как вы собираетесь платить, сэр? — спросил приказчик. — Полностью деньгами или сдадите в счет части первого взноса какое-нибудь использованное животное?

— Полностью деньгами.

Приказчик достал из кармана маленький блокнот, написал на его странице цену и на мгновение, словно таясь от чьих-то нескромных взглядов, показал ее Рику.

— Слишком дорого, — покачал головой Рик.

Он взял у приказчика блокнот и написал в нем другую, куда более скромную сумму.

— Извините, сэр, — с достоинством возразил приказчик, — но мы никак не можем отдать вам козу за такие деньги. Этой козе нет еще и года, у нее очень большая ожидаемая продолжительность жизни.

Чуть подумав, он написал в блокноте новую сумму.

— Хорошо, — кивнул Рик.

Он подписал договор о платеже в рассрочку, отдал в кассу три тысячи долларов — все, до последнего цента, деньги, полученные за нейтрализацию трех андроидов, и вскоре уже стоял рядом со своей машиной, ошеломленно наблюдая, как подсобники из зоофирмы заталкивают на

заднее сиденье решетчатый контейнер с козой. Вот я и стал владельцем животного, крутилось в его мозгу. Живого животного, не электрического. Второй раз в своей жизни.

Стоимость покупки, величина образовавшегося долга буквально оглушили Рика, довели до судорожной дрожи. Но я должен был сделать что-то подобное, говорил он себе. После всей этой истории с Филом Решем я должен был восстановить веру в себя и в свои возможности. Либо — заняться поисками другой работы.

Непослушными, онемевшими руками он поднял машину в небо и полетел домой. Айран разозлится, предупреждал он себя, потому что это нагрузит ее новой заботой. И так как она весь день проводит дома, большая часть обязанностей по уходу за животным ляжет именно на нее. Мысль о возможном столкновении с женой приводила его в ужас.

Аккуратно опустив машину на крышу своего дома, Рик некоторое время посидел в ней, отчаянно вымучивая мало-мальски правдоподобную историю, почему ему было ну просто необходимо сделать эту непосильную для их семьи покупку. Ладно, решил он в конце концов, раз ничего не придумывается — будем держаться

поближе к истине. Это необходимо для моей работы. Престиж. Мы не можем больше жить с электрическим бараном, это пагубно действует на мою трудоспособность. Если представить все это поубедительнее, Айран может и проглотить.

Выйдя из машины, он кое-как вытащил с заднего сиденья кошмарно тяжелый контейнер и поставил его на крышу. Коза, соскользнувшая при разгрузке в угол своей клетки, не проронила ни звука, только смотрела на него блестящими, всепонимающими глазами.

По знакомому до автоматизма пути он прошел к лифту и опустился на свой этаж.

— Привет, — сказала Айран, возившаяся на кухне с ужином. — Что ты сегодня так поздно?

— Пошли на крышу, — предложил вместо ответа Рик. — Я хочу кое-что тебе показать.

— Ты купил животное.

Айран сняла передник, пригладила чуть растрепавшиеся волосы и бросилась вслед за мужем, который уже шагал по коридору к лифту.

— Зря ты не позвал меня, — сказала она, задыхаясь. — Все-таки я тоже имею право голоса, тем более когда дело касается самого, пожалуй, важного приобретения, какое нам когда-либо доводилось…

— Я хотел сделать тебе сюрприз.

— Ты получил сегодня премиальные, — укоризненно сказала Айран.

— Да, — кивнул Рик, — я нейтрализовал трех андроидов.

Они с Айран вошли в лифт и вместе вознеслись на несколько десятков метров ближе к Богу.

— Мне просто пришлось купить то, что ты сейчас увидишь, — сказал он. — Что-то сегодня пошло не так, что-то связанное с их нейтрализацией. Без животного, этого или какого-нибудь другого, я просто не смог бы дальше работать.

Лифт распахнул двери; Рик вывел жену в темноту, к клетке, включил прожекторы, поставленные здесь для использования жильцами дома, и молча указал на козу.

— Господи, — тихо сказала Айран. Она подошла к клетке, заглянула внутрь, а затем обошла ее вокруг, разглядывая козу со всех сторон. — Она и в самом деле взаправдашняя? Не фальшак?

— Абсолютно взаправдашняя, — заверил ее Рик. — Если только они меня не надули. — Но такое случалось крайне редко; штраф за подделку был огромен, в две с половиной полные рыночные цены настоящего животного. — Да нет, они не могли меня надуть.

— Это коза, — сказала Айран. — Черная нубийская коза.

— Самка, — кивнул Рик. — Так что когда-нибудь позднее мы сможем ее спарить, и тогда она будет давать молоко, и мы будем делать из него сыр.

— А можем мы ее выпустить? Поместить в загон вместе с бараном?

— Нет, сперва ее нужно подержать на привязи, хотя бы несколько первых дней.

— «Моя жизнь — любовь и наслажденье», — сказала Айран тихим, дрожащим голосом. — Старая-старая песня Йозефа Штрауса, помнишь? Когда мы с тобой впервые встретились. — Она нежно положила ладони Рику на плечи, чуть подалась вперед и поцеловала его. — Безбрежная любовь. И безбрежное наслажденье.

— Спасибо, — сказал Рик и на секунду сжал ее в объятиях.

— Давай для начала сбегаем вниз и возблагодарим Мерсера, а потом снова поднимемся сюда и дадим ей имя, ведь нельзя же ей без имени. А еще ты поищешь веревку, чтобы ее привязать. — Айран повернулась и пошла к лифту.

— Эй, Декарды, какая симпатичная у вас коза, — крикнул Билл Барбур, возившийся, как всегда, со своей любимой кобылой Джуди. — Поздравляю

с покупкой. Добрый вечер, миссис Декард. Если у вас будет потомство, может, я и сменяю своего жеребенка на пару ваших козлят.

— Спасибо, — бросил Рик, торопливо догонявший жену. — Ну как, — спросил он ее, — вылечит это твою депрессию? Мою так точно вылечит.

— И мою тоже, — кивнула Айран. — Теперь мы можем без страха признаться перед соседями, что баран был электрический.

— Мне кажется, — осторожно заметил Рик, — что в этом нет особой необходимости.

— Главное, что мы можем. Как хорошо, что нам нечего больше скрывать. Наше давнее, затаенное желание сбылось. Это просто сказка!

Айран привстала на цыпочки, клюнула Рика губами в губы, а затем повернулась и нажала кнопку лифта.

Что-то настойчиво советовало ему сказать: давай не будем пока возвращаться в квартиру. Давай побудем пока здесь, рядом с козой. Посидим, посмотрим на нее, может быть, покормим, в фирме мне дали для начала мешочек овса. Можем почитать инструкцию по уходу за козой — в фирме и инструкцию приложили, за те же деньги. А назвать ее можно Эвфемией, тебе нравится такое имя?

Но тем временем лифт уже подошел, и Айран вошла в распахнувшиеся двери.

— Айран, подожди, — придержал ее Рик.

— Было бы просто аморально не слиться сейчас с Мерсером в благодарении, — сказала Айран. — Сегодня я подержалась за ручки ящика, и это отчасти сбило мою депрессию — отчасти, не так, как коза. Но во всяком случае, в меня успели попасть камнем, вот, посмотри. — Она показала Рику небольшой кровоподтек на запястье. — И еще я все время думала, насколько мы были лучше, насколько лучше мы себя чувствовали, когда не забывали о Мерсере. Несмотря на боль и страдания. Телесные страдания, но зато духовное единение. Я ощущала всех остальных, по всему миру, всех, кто сливался в тот же самый момент. Входи, Рик. — Айран придержала закрывавшиеся двери. — Входи, это будет совсем недолго. Я даже не думаю, что ты достигнешь слияния, а просто хочу, чтобы ты поделился своей радостью со всеми остальными, это обязательно нужно сделать, было бы просто аморально держать ее для одних себя.

Конечно же, она была права, а потому он вошел в кабину и нажал на кнопку своего этажа.

Войдя в гостиную, Айран сразу же включила

черный ящик эмпатоскопа; ее лицо сияло радостью, как юная луна.

— Я хочу, чтобы все знали, — повернулась она к Рику. — Со мною как-то такое было, я сливалась и вдруг услышала кого-то, кто только что получил животное. А в другой раз… — Ее лицо мгновенно помрачнело, стало безрадостным. — В другой раз я услышала кого-то, чье животное только что умерло. Но другие из нас поделились с ним своими радостями — у меня-то радостей не было, так что мне не было чем и делиться, — и это его подбодрило. А ведь там дело могло дойти и до самоубийства, мы же это отчетливо чувствовали, что могло.

— Они получат нашу радость, — сказал Рик, — но мы окажемся в убытке. Мы обменяем то, что мы чувствуем, на то, что чувствуют они. И вся наша радость увянет.

По экрану эмпатоскопа струились потоки ярких, бесформенных пятен; глубоко вздохнув, Айран сжала ручки.

— Да мы совсем не потеряем свою радость, — успокоила она мужа. — Нужно только отчетливо держать ее перед собой, в мозгу. Ты ведь так и не научился слиянию, да?

— В общем-то да, — кивнул Рик.

Сейчас он, пожалуй, впервые начал понимать, что получают такие, как Айран, люди от мерсеризма. Возможно, вся эта история с Филом Решем слегка перестроила его нервную систему, включила какой-то канал и выключила другой. А дальше все пошло само собой, как цепная реакция.

— Айран. — Он силой оторвал жену от эмпатоскопа, отвел ее к кушетке и посадил лицом к себе. — Я хочу рассказать тебе, что со мною сегодня случилось. Я пересекся с еще одним платным охотником. Прежде я его никогда не встречал, да и подобных ему, пожалуй, тоже. Типичный, убежденный хищник, которому нравится их убивать. И вот потом, пообщавшись с ним, я впервые взглянул на андроидов иначе. В смысле, что в каком-то плане, на свой манер, до встречи с ним я смотрел на них точно так же, как и он.

— А не может все это подождать? — спросила Айран.

— Нет, — отмахнулся Рик. — Я устроил себе тест, один-единственный вопрос, и утвердился в своих подозрениях. Я начал сочувствовать андроидам, и посмотри, к чему это приводит. Вот ты сегодня утром сказала: «Эти бедные андики», так что ты знаешь, о чем я говорю. Вот потому я и купил эту

козу. Я никогда раньше не был в таком состоянии. Может быть, это депрессия, вроде тех, что у тебя. Я всегда думал, что тебе депрессия нравится и что ты можешь в любой момент из нее выйти, если не своими силами, так с помощью генератора настроений. Но дело в том, что, когда у тебя депрессия, тебе все безразлично. Безразлично потому, что ты теряешь ощущение ценностей. Тебе все равно, чувствуешь ты себя лучше или нет, потому что ты уже не понимаешь, что такое «лучше»…

— А как же твоя работа?

Рик испуганно вздрогнул, таким резким тоном было это сказано.

— Твоя работа, — повторила Айран. — Как мы будем платить за козу? — Она протянула руку, и Рик, догадавшись, вынул из кармана договор о рассрочке. — Такие огромные деньги. — Ее голос дрожал и срывался. — А проценты-то, проценты, господи, какие кошмарные проценты. И все это лишь потому, что у тебя, видите ли, депрессия? — Айран сложила договор и со вздохом вернула его Рику. — Ладно, бог с ним. Я все равно рада, что ты купил эту козу. Мне она очень нравится. Но в экономическом смысле это огромное бремя.

Ее лицо стало серым, как пасмурное утро.

— Что-нибудь придумаем, — пожал плечами Рик. — Может, я переведусь в какой-нибудь другой отдел. У нас в департаменте десять или одиннадцать отделов с разными специализациями. Вот, скажем, кражи животных — может, я попрошу перевести меня туда.

— А как же премиальные? Нам они совершенно необходимы, иначе фирма заберет козу назад!

— Я схожу к ним и перепишу договор с трехлетнего на четырехлетний. — Рик вынул шариковую ручку и несколько секунд писал на обороте контракта какие-то цифры. — Тогда мы будем платить на пятьдесят два с полтиной меньше.

Резко зазвонил видеофон.

— Не вернись мы сюда, — сказал Рик, — останься мы на крыше, рядом с козой, мне не пришлось бы брать сейчас трубку.

— А чего ты боишься? — удивилась Айран, подходя к аппарату. — Никто у нас козу не заберет, мы же не просрочили еще никаких платежей.

— Это из департамента. Скажи им, что меня нет дома.

Рик встал и направился в спальню.

— Алло, — сказала Айран.

Еще три андроида, с тоской подумал Рик. Три андроида, за которыми мне полагалось бы сейчас

гоняться, а я вот все бросил и пошел домой.

На вспыхнувшем экране показалось лицо Гарри Брайанта, так что прятаться было поздно. С трудом переставляя сведенные судорогой ноги, Рик подошел к видеофону.

— Да, — говорила Айран, — он здесь. Мы только что купили себе козу. Приезжайте, мистер Брайант, и полюбуйтесь на нашу красавицу. — Помолчав несколько секунд, она протянула трубку Рику. — Он говорит, что хочет что-то тебе сказать.

А затем — вернулась к эмпатоскопу, села и снова схватилась за ручки. И, судя по ее лицу, мгновенно оказалась в другом мире. Стоя с трубкой в руке, Рик остро ощущал, что ее уже нет в этой комнате. Ощущал свое одиночество.

— Алло.

— Наши ребята выследили двух из оставшихся андроидов. — Гарри Брайант звонил из своего кабинета; Рик видел знакомый стол, как всегда заваленный бумагами и каким-то несуразным хламом. — Совершенно ясно, что этих героев кто-то предупредил, — они бросили свою прежнюю квартиру и находятся теперь по адресу... подожди, куда же он подевался?

Он начал суматошно обшаривать свой стол.

Уныло вздохнув, Рик снова вынул из кармана ручку, пристроил договор о рассрочке себе на колено и приготовился писать.

— Жилой комплекс три тысячи девятьсот шестьдесят семь-С, — сказал Брайант, нашедший наконец нужную бумажку. — Беги туда как можно скорее. Можно уверенно сказать, что им уже известно о тех, с которыми ты сегодня успел разобраться, — Гарланде, Любе Люфт и Полокове. Иначе этот незаконный побег был бы необъясним.

— Незаконный, — повторил Рик. Для них уже и жизнь свою спасать незаконно.

— Айран сказала, вы купили козу, — сказал Брайант. — Прямо сегодня? После того как ты ушел с работы?

— По пути домой.

— Вот нейтрализуешь оставшихся андроидов, я обязательно приду и посмотрю на вашу козу. К слову сказать, я только что беседовал с Дэйвом и рассказал ему, сколько у тебя с ними было хлопот, а Дэйв сказал, что поздравляет тебя и чтобы ты был осторожнее. Он говорит, эти «Нексусы-шесть» куда хитрее, чем он сперва думал. Ему с трудом верится, что ты меньше чем за сутки нейтрализовал троих.

— Вот и достаточно, — сказал Рик. — Сегодня я ни на что больше не способен. Мне нужно отдохнуть.

— А утром — ищи ветра в поле. Вот смоются они из области нашей юрисдикции, и плакали твои премиальные.

— А чего уж так сразу? Я уверен, что до завтрашнего утра они никуда не двинутся.

— И все равно тебе нужно попасть туда прямо сегодня, — сказал Брайант. — Прежде чем они успеют окопаться. А пока что им и в голову не придет ждать твоего появления.

— Не придет? — криво усмехнулся Рик. — Да они давно меня ждут.

— Поджилки трясутся? Из-за того, что этот Полоков чуть было…

— Ничего у меня не трясется.

— А в чем же тогда дело?

— Ладно, — сказал Рик. — Поеду я к ним, поеду.

— Как только будут какие-нибудь результаты, сразу сообщай, — заторопился Брайант, увидевший, что Рик кладет трубку. — Я буду здесь, в этом кабинете.

— Если и с этими все сойдет удачно, я куплю себе барана, — сказал Рик.

— Да у тебя же есть баран. И всегда был, сколько

я тебя знаю.

— Он электрический.

А теперь будет настоящий, сказал себе Рик, вешая трубку. Я должен получить настоящего барана. В качестве компенсации.

Лицо Айран, намертво вцепившейся в ручки эмпатоскопа, заострилось в созерцании чего-то, ему невидимого. Рик положил руку ей на грудь и постоял немного, ощущая, как пульсирует в ней жизнь. Айран не замечала его; как и всегда, ее слияние с Мерсером было полным до самозабвения.

На экране старый, немощный Мерсер упорно шагал вверх по склону; мимо него, зацепив бесформенный балахон, пролетел камень. Господи, подумал Рик, ему трудно, но ведь мне-то еще труднее. Мерсеру не приходится делать ничего, органически ему чуждого. Он страдает, но уж хотя бы не должен идти против себя.

Рик наклонился, осторожно снял пальцы жены с ручек и занял ее место. Впервые за много недель. И ведь он совсем не собирался этого делать, все случилось само собой.

Его окружала иссохшая пустыня с немногими пучками чахлой растительности. Кое-где на безвестных сорняках распускались тусклые,

невзрачные цветы; от их резкого, неприятного запаха першило в горле.

А прямо перед ним стоял старик с безмерно печальными, исстрадавшимися глазами.

— Мерсер, — узнал Рик.

— Я твой друг, — сказал старик. — Но ты должен вести себя так, словно меня не существует. Ты можешь это понять? — Он показал Рику пустые ладони.

— Нет, — ответил Рик, — я не могу этого понять. Мне нужна помощь.

— Как могу я спасти тебя, — улыбнулся старик, — если не могу спасти даже себя? Неужели ты не видишь? Спасения нет.

— А зачем тогда все это? — спросил Рик. — Для чего ты мне нужен?

— Чтобы показать тебе, — сказал Уилбур Мерсер, — что ты не один. Я здесь, с тобой, и буду здесь всегда. Иди и занимайся своим делом, хоть ты и думаешь, что оно неправедное.

— Почему? — спросил Рик. — Почему я должен так делать? Я уж лучше брошу свою работу и эмигрирую.

— Ты будешь вынужден поступать неправедно, куда бы ты ни пошел, — сказал старик. — Жизнь в том и состоит, чтобы идти против своей при-

роды. Рано или поздно это приходится делать каждому живому существу. Это кромешная тьма, крах любого творения, проклятие любой работы, проклятие, иже питает всю жизнь. Везде, по всей Вселенной.

— И это все, что ты можешь мне сказать? — спросил Рик.

Брошенный кем-то камень угодил ему прямо в ухо. Он тут же выпустил ручки и снова оказался в своей гостиной, рядом с Айран. Голова его дико болела, по левой щеке скатывались капельки крови.

— Хорошо, что ты оторвал меня от ручек. — Айран вынула носовой платок и стала осторожно промокать его кровоточащее ухо. — Я ведь совсем не переношу удары и боль. Спасибо, что ты принял на себя мой камень.

— Я ухожу, — сказал Рик.

— Работа?

— Три работы.

Рик взял у Айран носовой платок, прижал его к уху и пошел к двери; его подташнивало от боли, в голове все кружилось.

— Удачи, — сказала Айран.

— Я подержался за эти ручки, и без всякого толку, — пожаловался Рик. — Мерсер поговорил

со мной, но ничем не помог. Он знает не больше, чем я. Самый обычный старик, карабкающийся по холму к своей смерти.

— А разве это не откровение?

— Ну что ж, — усмехнулся Рик и открыл наружную дверь, — это откровение я получил. До скорого.

Выйдя на лестницу, он аккуратно прикрыл за собою дверь и достал из кармана исчирканный надписями договор. Жилой комплекс 3967-С. Это где-то на окраине, где почти никто не живет. Самое место, чтобы прятаться, вот только ночью каждое освещенное окно заметно. Так я и сделаю, подумал он. Полечу на свет, как ночная бабочка, а потом, когда все закончится, завяжу. Займусь чем-нибудь другим, мало ли есть способов зарабатывать себе на жизнь. Эти трое будут последними. Мерсер, конечно же, прав, я должен закончить это дело. Вот только смогу ли? Два андроида вместе — это уже не только моральный вопрос, это вопрос практический.

Ведь я попросту не смогу их нейтрализовать. Как бы ни старался. Я слишком устал, и слишком уж много было сегодня всякого. Может статься, Мерсер тоже это знал. Может статься, он предвидел все, что случится дальше.

Но я знаю, где смогу получить помощь. Помощь, от которой я недавно отказался.

Рик вышел на крышу, а несколько секунд спустя уже сидел в темном чреве машины и набирал номер.

— Ассоциация «Розен», — откликнулась молоденькая секретарша.

— Рэйчел Розен, — сказал Рик.

— Простите, сэр?

— Рэйчел Розен, — проскрипел Рик. — Позовите мне Рэйчел Розен.

— Вы уверены, сэр, что мисс Розен ожидает в такое время…

— Абсолютно уверен, — сказал Рик и начал ждать.

Десять минут спустя на экране появилось маленькое, тускловатое изображение Рэйчел Розен.

— Хелло, мистер Декард.

— Ты сейчас занята или мы можем поговорить? — спросил Рик. — Как ты сама собиралась сегодня утром.

Неужели это действительно было утром? А кажется, что с того времени, как он говорил с нею последний раз, прошли долгие годы, расцвели и ушли в небытие поколения. И весь груз, вся усталость этого времени собралась в его теле,

мешала дышать и двигаться. Возможно, подумал Рик, это из-за того камня. Все еще зажатым в руке платком он осторожно промокнул болезненное, кровоточащее ухо.

— У тебя все ухо в крови, — ужаснулась Рэйчел. — Какой кошмар.

— Ты действительно думала, что я никогда не позвоню? — спросил Рик. — Или просто так говорила?

— Я убеждала тебя, — ушла от ответа Рэйчел, — что без моей помощи один из «Нексусов-шесть» непременно сделает тебя, прежде чем ты что-нибудь сообразишь.

— Ты ошибалась.

— Так или иначе, но ты мне позвонил. Хочешь, чтобы я прилетела к вам в Сан-Франциско?

— Сегодня, — кивнул Рик.

— Да нет, куда там в такое время. Я прилечу завтра, тут и пути-то не больше часа.

— Мне посоветовали разобраться с ними прямо сегодня. — Рик помолчал секунду и добавил: — Теперь их осталось трое, из первоначальных восьми.

— Что-то у тебя голос не слишком веселый.

— Если ты не прилетишь сегодня, — сказал Рик, — я займусь этой троицей в одиночку и

почти наверняка не смогу с ней справиться. Я только что купил козу, — добавил он. — На премию за троих предыдущих.

— Ох уж эти мне люди, — рассмеялась Рэйчел. — Козы кошмарно пахнут.

— Только козлы, самцы. Я прочитал об этом в бесплатной брошюрке, полученной от фирмы.

— Похоже, ты действительно очень устал, — сказала Рэйчел. — Совсем какой-то не в себе. Ты хоть соображаешь, на что идешь, собираясь в тот же самый день нейтрализовать еще троих «Нексусов-шесть»? Еще не было случая, чтобы кто-нибудь нейтрализовал за один день шестерых андроидов.

— Франклин Пауэрс, — сказал Рик. — Около года назад в Чикаго. Он уложил семерых.

— Допотопной модели «Макмиллан Игрек-четыре», — пренебрежительно отмахнулась Рэйчел. — А тут совсем другой коленкор. — Она немного подумала, вздохнула и продолжила: — Нет, Рик, ну никак не могу. Я еще даже не ужинала.

— Ты мне нужна, необходима, — сказал Рик.

Иначе я умру, подумал он. Я это знаю, Мерсер это знал, да и ты, наверное, тоже знаешь. И я напрасно трачу время, взывая к твоему милосер-

дию. У андроидов нет никакого милосердия, так что и взывать-то там не к чему.

— Ты уж прости, Рик, но сегодня я не смогу, — сказала Рэйчел. — Вот завтра с утра — другое дело.

— Месть андроида, — криво усмехнулся Рик.

— Че-го?

— За то, что я поймал тебя на Фойгт-Кампфовском вопроснике.

— Ты что, и вправду так думаешь? — поразилась Рэйчел. — На полном серьезе?

— До свидания, — кивнул Рик и сделал движение, чтобы положить трубку.

— Послушай, — заторопилась Рэйчел, — ты совсем не думаешь своими мозгами.

— Это тебе только так кажется. И все потому, что вы, «Нексусы-шесть», во сто раз умнее нас, людей.

— Нет, я действительно ничего не понимаю, — вздохнула Рэйчел. — Я отчетливо вижу, что ты не хочешь выполнять сегодня эту работу, да и вообще не хочешь. Так ты вполне уверен, что хочешь, чтобы я помогла тебе нейтрализовать троих оставшихся андроидов? Или ты хочешь, чтобы я убедила тебя не делать этого?

— Прилетай сюда, и мы снимем в гостинице

номер.

— Зачем?

— Тут мне сегодня кое-что рассказали, — хрипло сказал Рик. — О ситуациях, связанных с мужчинами и андроидными женщинами. Прилетай сегодня в Сан-Франциско, и я плюну на оставшихся анди, мы займемся чем-нибудь другим.

Несколько секунд Рэйчел пристально всматривалась в его лицо, а затем кивнула:

— Хорошо, я прилечу. Где мы встретимся?

— В «Святом Франциске». Это единственная более-менее приличная гостиница из оставшихся в Зоне Залива.

— И не будешь ничего предпринимать, пока я не прилечу.

— Я буду сидеть в своем номере, — сказал Рик, — и смотреть по телевизору Дружище Бастера. Последние три дня с ним работала Аманда Вернер. Она мне нравится, я мог бы смотреть на нее весь остаток своей жизни. У нее такие груди, что словно улыбаются.

Он повесил трубку и некоторое время сидел без единой мысли в голове. В конце концов его привел в себя жуткий холод в машине. Тогда он включил мотор и через несколько секунд уже летел к центральным районам Сан-Франциско, к

гостинице «Святой Франциск».

Глава 16

Среди чрезмерной, бьющей в глаза роскоши гостиничного номера Рик Декард читал машинописные ориентировки на двух андроидов: Роя и Ирмгард Бейти. К ориентировкам прилагались фотоснимки, сделанные, как видно, издалека очень сильным телеобъективом — смутные, расплывчатые стереоотпечатки. Разобрать на них хоть что-нибудь было трудно, но женщина производила довольно приятное впечатление, чего нельзя было сказать о ее муже, Рое Бейти, — этот выглядел довольно зловеще.

Фармацевт, вернувшийся с Марса; по крайней мере, андроид жил под такой легендой. Само собой, в действительности он выполнял там ту или иную простейшую черную работу, а о чем-либо лучшем мог разве что мечтать. А мечтают ли андроиды? — спросил себя Рик. Вероятно, да; именно поэтому они время от времени убивают своих хозяев и бегут сюда, на Землю. Мечтают о лучшей жизни, о свободе. Вот, скажем, Люба Люфт; она небось мечтала петь в «Дон Жуане» или «Женитьбе Фигаро», а не перелопачивать бесплодные, камень на камне, поля безысходно

враждебного мира.

Рой Бейти, говорилось в ориентировке, обладает агрессивным, напористым эрзац-авторитетом. Именно этот склонный к мистическим рассуждениям андроид стал идеологом и инициатором группового побега, обосновав его необходимость претенциозной басней о священности так называемой андроидной «жизни». Кроме того, этот андроид воровал и использовал для своих экспериментов целый ряд затуманивающих разум веществ и заявил, будучи пойман в конце концов за руку, что надеялся поднять таким образом андроидов до группового переживания, аналогичного мерсеризму, каковой, как он указал, так и остается для них недоступным.

Все это производило довольно жалкое впечатление. Измученный, промерзший бедолага, страстно надеющийся испытать переживания, намеренно исключенные конструкторами из поля его возможностей. И все же большого сочувствия Рой Бейти не вызывал; читая Дэйвовы заметки, Рик Декард отчетливо ощутил некоторую неприятную ауру, окружавшую этого конкретного андроида. Бейти пытался испытать слияние, и когда эта попытка с треском провалилась, он замыслил побег на Землю, для чего

всего-то и потребовалось, что перебить массу живых, настоящих людей… А затем — неизбежная гибель его соучастников одного за другим, пока от первоначальных восьми не осталось только трое. И эти трое, цвет нелегальной группы, тоже обречены; рано или поздно он, Рик, их нейтрализует, а если нет, это сделает кто-нибудь другой. Прилив и отлив, думал он. Жизненный цикл. И его завершение, последние сумерки. А дальше — молчание смерти. Микрокосм, в полноте своей аналогичный большому, всеобъемлющему космосу.

Дверь номера с треском распахнулась.

— В жизни еще так не летала, — хрипло вздохнула Рэйчел Розен. На ней был длинный чешуйчатый плащ с такими же шортами и лифчиком, в руках — большая расписная дорожная сумка и обычный магазинный мешок из коричневой бумаги. — Симпатичный ты снял номер. — Взгляд на наручные часы. — Меньше часа. Считай что рекордное время. Вот, держи. — Она протянула Рику бумажный мешок. — Я купила бутылку. Бурбон.

— Худший из восьмерых все еще жив, — сказал Рик. — Организатор их побега.

Он приподнял со стола ориентировку на Роя

Бейти; Рэйчел поставила мешок и сумку на пол, взяла машинописный листок и начала бегло его просматривать.

— Ты знаешь, где он сейчас? — спросила она, закончив чтение.

— У меня есть номер жилищного комплекса. Это совсем на окраине, у черта на куличках, где нормальных людей днем с огнем не сыщешь, и только отдельные аномалы, психи и недоумки влачат то, что им кажется — а может, и не кажется — жизнью.

— Покажи-ка мне остальных, — сказала Рэйчел.

— Обе — женщины.

Рик протянул ей два листка с ориентировками на андроидов по имени Ирмгард Бейти и Прис Страттон.

— Да-а, — протянула Рэйчел через пару минут. Она бросила прочитанные листки на стол и подошла к окну, за которым горели огни, более обильные здесь, в центре Сан-Франциско. — Боюсь, что вот эта, последняя, тебя в итоге и сделает. А может, и нет. А может — тебе все равно.

Ее лицо побледнело, голос дрожал, руки судорожно, как во что-то спасительное, вцепились в раму окна.

— Слушай, что ты там бормочешь?

Рик взял листки и заново их просмотрел, пытаясь понять, что в них такого страшного.

— Давай откроем бурбон. — Рэйчел сходила в ванную и вернулась с двумя стаканами; по ее хмурому, напряженному лицу пробегали тени каких-то невысказанных мыслей. — Только не разбей, — предупредила она. — Это не синтетика, а довоенный продукт, из настоящего кукурузного сусла.

Рик открыл бутылку, разлил бурбон по стаканам и только потом поинтересовался:

— Так в чем, собственно, дело?

— Ты сказал мне по телефону, что, если я прилечу сюда сегодня, ты плюнешь на трех оставшихся анди. «Мы займемся чем-нибудь другим», так ты сказал. А теперь мы сидим здесь и только и делаем…

— Я хотел спросить, что тебя так взбудоражило, — уточнил Рик.

— А я хочу тебя спросить, — с вызовом откликнулась Рэйчел, — чем мы здесь займемся, оставив разговоры об этих трех «Нексусах-шесть».

Она сняла плащ, отнесла в гардероб и аккуратно повесила на плечики, что дало Рику первую возможность хорошенько ее рассмотреть, а за-

тем снова пересекла комнату и села на край кровати.

Пропорции Рэйчел были не совсем обычны. Ее голова с тяжелой массой темных волос казалась непомерно большой, и в то же время миниатюрные груди придавали ее телу вид почти что детский. Однако на этом сходство с ребенком и кончалось; эти большие, выразительные глаза с длинными пушистыми ресницами несомненно принадлежали вполне зрелой женщине. При ходьбе Рэйчел опиралась в основном на переднюю часть ступни, ее руки свободно висели, чуть согнутые в локтях — поза, как определил про себя Рик, настороженного охотника, возможно — кроманьонца. Во всяком случае, из какой-то расы высоких охотников. Никакой избыточной плоти, плоский живот, миниатюрный зад, еще более миниатюрная грудь — безвестные скульпторы смоделировали Рэйчел по кельтскому типу, в совершенстве приспособленному для совсем иных, чем в XXI веке, условий жизни. Ее стройные ноги мало походили на ноги зрелой женщины, выглядели почти асексуально. А в общем все это складывалось в весьма привлекательную… нет, все-таки не женщину, а девушку. Если бы только не быстрые, словно ежесекундно оценивающие

обстановку глаза.

Рик осторожно отхлебнул из стакана. Крепость этого напитка, давно забытые вкус и запах едва не заставили его поперхнуться, в то же время Рэйчел посасывала свой бурбон спокойно и с очевидным удовольствием. Ее рука машинально разглаживала покрывало, на лице застыло мрачное, тревожное выражение. Рик поставил стакан на прикроватный столик и расположился рядом с ней; под его весом кровать просела, и Рэйчел чуть подвинулась в сторону.

— Так в чем же, собственно, дело? — спросил он, беря ее за узкую, холодную, чуть влажноватую руку. — Что тебя расстроило?

— Этот последний, черти бы его драли, «Нексус-шесть», — сказала Рэйчел после некоторого колебания, — относится к той же серии, что и я. — Она заметила на покрывале торчащую нитку, вытянула ее и начала скатывать в крошечный комочек. — Неужто ты не отметил, когда читал ее описание? Один к одному подходит и ко мне. Она может иначе одеваться, носить другую прическу, может даже купить себе парик, но как только ты ее увидишь — сразу все поймешь. Слава еще богу, что ассоциация не стала темнить относительно моей истинной природы, иначе, увидев Прис

Страттон, ты мог бы совсем свихнуться. Или подумал бы, что она — это я. — Рэйчел разразилась резким, сардоническим смехом.

— А почему это так уж тебя беспокоит?

— Кой черт, мне придется присутствовать при том, как ты ее нейтрализуешь.

— Может, да, а может, и нет. Кто знает, сумею ли я их найти.

— Мне ли не знать психологию «Нексусовшесть», — сказала Рэйчел, продолжая рассматривать покрывало. — Потому-то я и здесь, потому-то я и смогу тебе помочь. Сейчас все они, все эти трое сбились в кучу, собрались вокруг полоумного, который называет себя Роем Бейти, и он организует их последнюю, решительную оборону. — Ее губы судорожно вздрогнули, а затем прошептали еще одно слово: — Господи.

— Успокойся. — Рик взял Рэйчел за маленький острый подбородок и повернул ее лицо к себе. Его давно занимал вопрос, что это такое — поцеловаться с андроидом. Чуть подавшись вперед, он коснулся губами сухих холодных губ. Никакой реакции, она словно ничего не почувствовала. И все же он был уверен в обратном. А может, ему просто хотелось так думать.

— Жаль, — сказала Рэйчел, — что я не знала

этого заранее, тогда я ни за что бы сюда не прилетела. Тебе не кажется, что ты хочешь слишком многого? Ты знаешь, какие чувства я к ней испытываю? К этой андроидной Прис?

— Эмпатию, — кивнул Рик.

— Нечто в этом роде. Вплоть до полного отождествления. Это умру я. Господи, да это же тоже может случиться. В суматохе и неразберихе ты нейтрализуешь не ее, а меня, а она спокойно улетит в Сиэтл и будет жить моей жизнью. Я никогда еще так себя не чувствовала. Мы ведь действительно машины, массовая штампованная продукция, вроде пластмассовых мыльниц. И то, что я, лично я, существую, — не более чем иллюзия. Я не личность, а один из экземпляров серийной продукции. — Рэйчел зябко передернула плечами.

Рик едва не рассмеялся, настолько слюняво и жалостно все это у нее выходило.

— Муравьи не чувствуют ничего подобного, а ведь они тоже физически идентичны.

— Муравьи. У них нет чувства времени.

— Однояйцовые близнецы у людей. Они не…

— Они частично идентифицируют себя друг с другом. Насколько известно, между ними всегда существует особая эмпатическая связь.

Рэйчел встала, налила себе еще бурбона, позвякивая горлышком о край стакана, и быстро, чуть ли не залпом выпила. Затем она еще больше нахмурилась, некоторое время бесцельно слонялась по комнате и в конце концов, словно по случайности, рухнула на кровать и вытянулась во весь рост, опираясь спиной о пухлые подушки. И глубоко вздохнула.

— Ладно, забудем об этих трех анди. — Трудно было сказать, чего в ее голосе больше — тоски или усталости. — От этой дикой спешки с перелетом я вся словно выжатая. Да и все то, что я сейчас узнала, тоже не прибавило бодрости. Мне уже не хочется ничего, кроме как уснуть. Если я умру, — пробормотала Рэйчел, блаженно смеживая глаза, — это не так уж и страшно. Возможно, я смогу возродиться, когда Розеновская ассоциация будет штамповать следующий экземпляр моего подтипа. — А затем, к полной для Рика неожиданности, она открыла глаза и яростно на него взглянула: — Ты знаешь, почему в действительности я сюда пришла? Почему Элдон и прочие Розены — Розены, которые люди, — хотели свести меня с тобой?

— Чтобы ты понаблюдала. Чтобы в точности выяснила, чем выдают себя «Нексусы-шесть» на

Фойгт-Кампфовском тесте.

— И не только на тесте. Их интересует все, что делает нас не совсем похожими на людей. В соответствии с моим докладом ассоциация внесет некоторые изменения в ДНК-состав зиготной ванны, и у нас получится «Нексус-семь». Когда же и его начнут ловить, ассоциация внесет новые изменения, и так до тех пор, пока не будет создана модель, абсолютно неотличимая от человека.

— А вы знаете тест Бонели?

— Да, мы проводили большую работу со спинномозговыми нейронами. Придет день, и тест Бонели бесследно канет в трясину интеллектуального забвения, — улыбнулась Рэйчел.

Рик не мог понять, насколько серьезно она говорит. Проблема, способная потрясти, перевернуть вверх ногами весь мир, обсуждалась абсолютно легкомысленно. Может, это тоже характерная черта андроидов? Никакой эмоциональной вовлеченности; равнодушие, граничащее с полным непониманием смысла того, что говорится. Только интеллектуальная игра с пустыми, формально определенными терминами.

Более того, Рэйчел начала его поддразнивать. В какой-то момент она перешла от хныканья над своей несчастной судьбой к прямым выпадам в

его адрес.

— Иди ты к черту, — сказал Рик.

Рэйчел весело расхохоталась.

— Я совсем пьяная и не смогу тебе сегодня помогать. Ты иди куда угодно, — она расслабленно махнула рукой, словно отпуская его на все четыре стороны, — а я останусь здесь и посплю, а потом ты расскажешь мне, как там все было.

— С тем уточнением, — сказал Рик, — что никакого «потом», скорее всего, не будет, потому что Рой Бейти меня укокошит.

— Но я все равно же сейчас пьяная и не смогу тебе ничем помочь. Да и вообще, ты уже знаешь правду. Грубую, неприкрашенную, малопривлекательную правду. Я не более чем наблюдатель — и пальцем не пошевелю, чтобы тебя спасти. Мне абсолютно по фигу, укокошит тебя Рой Бейти или нет, — лишь бы он не укокошил меня. — Рэйчел взглянула на него круглыми, широко распахнутыми глазами. — Господи, ну как же я себе сочувствую. Кроме того, если я пойду с тобой в эту трущобу, в это пустое, запущенное здание… — Она положила руку ему на грудь, нащупала верхнюю пуговицу рубашки, немного ее покрутила и начала медленно, почти незаметными движениями пальцев расстегивать. — Я боюсь

туда идти, потому что андроиды отнюдь не стоят друг за друга горой, и нет никаких сомнений, что при первой же возможности эта проклятая Прис Страттон уничтожит меня и займет мое место. Понимаешь? Сними пиджак.

— Зачем?

— Чтобы мы могли лечь в постель, — рассудительно объяснила Рэйчел.

— Я купил черную нубийскую козу, — сказал Рик. — Теперь мне вдвойне необходимо нейтрализовать еще троих андроидов. Я должен закончить свою работу и вернуться домой, к жене.

Он встал, подошел к столу, на котором стояла бутылка, и аккуратно налил себе вторую порцию бурбона. Рука его чуть-чуть, но все-таки дрожала. От усталости, наверное. Оба мы устали, подумал он. Слишком устали, чтобы затравить троицу анди, во главе которой стоит самый опасный из этих восьми.

И тут он впервые осознал, что откровенно, до дрожи боится этого главного андроида. С самого начала все дело было именно в нем, в Бейти. Раз за разом Рик встречал и нейтрализовывал все более и более зловещие воплощения все того же Бейти. А теперь пришел черед схлестнуться с ним

самим. Подобные мысли все больше разжигали его страх; теперь же, когда Рик позволил этому страху пробиться на поверхность сознания, тот приобрел неодолимую, удушающую силу.

— Я ничего не смогу без тебя, — сказал он Рэйчел. — Не смогу даже уйти отсюда. Полоков сам на меня вышел, да и Гарланд в каком-то смысле тоже.

— Ты думаешь, Рой Бейти будет тебя искать? — Рэйчел закинула руки за спину, расстегнула лифчик, сбросила его, встала и покачнулась. — В моей сумке, — сказала она слегка заплетающимся языком. — У меня там такое устройство, которое наш марсианский завод ставит как передохре… тьфу. Пре-до-хра-ни-тель, когда они прогоняют свежеизготовленных андроидов через стандартные тесты. Достань его. Это штука, похожая на устрицу. Ты сразу увидишь.

Рик начал поиски. Подобно многим человеческим женщинам, Рэйчел насовала в свою сумку уйму разнообразнейших вещей и вещиц, копаться там можно было до бесконечности.

Тем временем она скинула с ног сапоги, расстегнула шорты, подцепила их, балансируя на одной ноге, пальцами другой и отшвырнула в дальний угол комнаты, после чего упала на кро-

вать, попыталась нащупать на столике стакан и случайно столкнула его на покрытый толстым ковром пол. Рик услышал глухой стук, возглас «вот же черт» и оглянулся. Рэйчел снова стояла рядом с кроватью и наблюдала, заметно покачиваясь, как он перерывает ее сумку. Затем она с преувеличенной аккуратностью откинула одеяло, легла на кровать и закуталась до подбородка.

— Это, что ли? — Рик показал ей металлический шар с длинным отростком, на конце которого виднелось нечто вроде кнопки.

— Эта штука повергает андроида в каталепсию, — сказала Рэйчел, не глядя и даже не открывая глаз. — На несколько секунд останавливает его дыхание. У вас, у людей, тоже останавливает, но люди могут обходиться без дыхания целыми минутами, в то время как блуждающий нерв андроида…

— Я знаю. — Рик выпрямился и потянулся. — Периферическая нервная система андроидов не обладает гибкостью нашей, не так легко подключается к управлению жизненными процессами. Но ты же говоришь, что вся эта каталепсия продлится считаные секунды.

— Вполне достаточно, — сонно пробормотала Рэйчел, — чтобы спасти тебе жизнь. Ну так

вот… — Она резко села на кровати. — Если Рой Бейти и вправду сюда заявится, ты будешь держать эту штуку в руке и быстренько нажмешь на кнопку. И пока Рой Бейти будет стоять как восковая фигура, не получая необходимого для мозговых клеток кислорода, ты успеешь убрать его из своего лазера.

— У тебя тоже есть лазер, — сказал Рик. — Я видел в сумке.

— Муляж. Андроидам, — Рэйчел зевнула, закрыла глаза и снова легла, — запрещено носить при себе лазеры.

Рик подошел вплотную к кровати.

Тем временем Рэйчел перевернулась на живот и зарылась лицом в белоснежную простыню.

— Се есть чистая, благородная, девственная постель, — провозгласила она. — А потому лишь чистые, благородные девушки, которые… — Несколько секунд задумчивого молчания. — А ты знаешь, что андроиды не способны рожать? Как ты думаешь, много мы на этом теряем — или вообще ничего?

Рик перевернул ее на спину и раздел до конца.

— Так теряем или не теряем? — упрямо повторила Рэйчел. — Я этого не знаю, да и откуда мне знать. Вот какие ощущения, когда рожаешь, а

потом у тебя есть твой ребенок? И если уж на то пошло, как это чувствуется, когда тебя самого рожают? Мы не родились и не выросли, а сразу вот такими и были сделаны, и мы не умираем от старости или болезней, а просто изнашиваемся, как сапоги или муравьи. Вот и опять муравьи, потому что мы тоже все равно что муравьи. Мы — это не ты, я себя имела в виду. Покрытые хитином машинки, которые только кажется, что живут, а в действительности они неживые и только подчиняются своим рефлексам.

Она чуть приподнялась, громко провозгласила: «Я не живая!» — а затем снова рухнула на кровать и заговорила прежним голосом:

— Так что ты вознамерился переспать отнюдь не с женщиной. Постарайся не очень разочаровываться, ладно? А прежде ты когда-нибудь спал с андроидами?

— Нет, — качнул головой Рик и начал стягивать с себя рубашку.

— Насколько я понимаю — как мне говорили, — все это достаточно убедительно, если не слишком задумываться. Но если вдруг слишком задумаешься, если начнешь размышлять, а что же это ты делаешь, тогда — все, кранты, продолжать ты не сможешь. По причинам чисто

физиологического свойства.

Рик нагнулся и поцеловал ее в голое плечо.

— Спасибо, Рик, — вяло пробормотала Рэйчел. — Только помни: не думай о том, что ты делаешь, а просто делай. Не делай перерывов на философствование, потому что с философской точки зрения это чистый кошмар. Для нас обоих.

— А потом, — сказал Рик, — я все равно займусь розысками Роя Бейти, и мне будет нужно, чтобы ты была со мной. Я знаю, что этот лазер в твоей сумке самый…

— Так ты что же, хочешь, чтобы я нейтрализовала для тебя одного из твоих андроидов?

— Я думаю, что, несмотря на все, что ты тут наговорила, ты постараешься мне помочь. Иначе бы ты не лежала сейчас в этой постели.

— Я люблю тебя, — сказала Рэйчел. — Если бы мне показали диванчик, обтянутый твоей кожей, от моей реакции погнулись бы стрелки на этом Фойгт-Кампфовском приборе.

Сегодня, подумал Рик, протягивая руку к ночнику, я нейтрализую «Нексуса-шесть», который выглядит в точности как эта нагая девушка. Господи, да это же именно то, о чем говорил Фил Реш. Сначала переспать с ней, а потом убить.

— Я не могу, — сказал он и попятился от кро-

вати.

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты мог. — Голос Рэйчел заметно дрогнул.

— И не из-за тебя. Из-за Прис Страттон, из-за того, что мне придется потом с ней сделать.

— Мы совсем не одно и то же. Лично мне наплевать на эту Прис Страттон. Послушай. — Рэйчел резко села; в полутемной спальне едва проступали очертания ее изящной, почти безгрудой фигуры. — Переспи со мной, и я сама нейтрализую эту Страттон. Хорошо? Потому что это просто невыносимо — быть настолько близко, а затем…

— Спасибо, — сказал Рик.

У него перехватило в горле от нахлынувшей благодарности, хотя отчасти такую неожиданную чувствительность можно было объяснить действием бурбона. Двое, думал он. Теперь мне нужно нейтрализовать только двоих, только этих Бейти. А Рэйчел, она точно это сделает? Видимо, да. Так уж они, андроиды, устроены.

И все же он никогда не встречался ни с чем подобным.

— Какого черта, да ляжешь ты когда-нибудь в постель? — спросила Рэйчел.

И он лег в постель.

Глава 17

А потом Рик решил пороскошествовать: вызвал горничную и приказал принести в номер настоящий кофе. Он сидел в кожаном, черно-зеленом с золотыми листьями кресле, смакуя полузабытую, упоительно горькую жидкость, и думал о том, что произошло за последние несколько часов. Из ванной доносились визги и блаженные стоны Рэйчел, плескавшейся под горячим душем.

— Ты крупно выиграл на этой сделке.

Рик обернулся и увидел, что из ванной выплывает голая, нежно-розовая фигура с волосами, стянутыми узкой резинкой.

— Мы, андроиды, не умеем контролировать свои страсти. Я подозреваю, что ты это знал и цинично воспользовался моей слабостью.

Однако в голосе Рэйчел не чувствовалось никакой обиды, тем более — злости. Наоборот, она заметно повеселела и вела себя ну совсем как обычная, человеческая девушка.

— Нам что, действительно необходимо идти сегодня на охоту за этими троими?

— Да, — кивнул Рик.

Нейтрализовать двоих, подумал он, а третьим

займется Рэйчел. Во исполнение заключенной сделки, если выражаться ее же словами.

— Тебе-то как, хоть понравилось? — спросила она, заворачиваясь в махровую простыню.

— Да.

— Ты сможешь когда-нибудь еще лечь в постель с андроидом?

— Если это будет она. И если она будет похожа на тебя.

— Ты знаешь, какова нормальная продолжительность жизни гуманоидного робота? — спросила Рэйчел. — Я существую уже около двух лет. Сколько, по твоему мнению, мне осталось?

— Ну, — неуверенно пробормотал Рик, — еще примерно два.

— Они все еще не могут решить эту проблему. Я имею в виду замену клеток. Вечное или хотя бы достаточно длительное обновление. Ладно, что уж тут поделаешь.

Рэйчел начала энергично вытираться. Ее лицо ничего не выражало.

— Прости, пожалуйста, — сказал Рик.

— Кой черт, — с жаром воскликнула Рэйчел, — я сама виновата, что завела такой разговор. И вообще, это людям на пользу, иначе бы они сбегали из семьи и жили с андроидами.

— Но вы-то, «Нексусы-шесть», самые вроде бы современные и совершенные. Неужели это и к вам относится?

— Мозговой блок тут ровно ни при чем, все дело в обмене веществ.

Рэйчел подобрала с пола свои трусы и начала одеваться.

Рик последовал ее примеру. Затем, почти не разговаривая, они поднялись на крышу и получили его машину у вежливого, с головы до ног в белом служителя.

И полетели на окраину Сан-Франциско.

— Хорошая ночь, — заметила Рэйчел.

— А где-то там спит моя коза, — сказал Рик. — А может, и не спит. Некоторые животные никогда не спят. Вот, скажем, баран, я никогда не мог застать его спящим. Посмотришь на него, а он тоже на тебя глядит, ждет кормежки.

— А какая у тебя жена?

Рик промолчал.

— Ты ее…

— Если бы ты не была андроидом, — перебил ее Рик, — и я мог бы на тебе жениться, я бы так и сделал.

— Либо мы могли бы жить во грехе, — сказала Рэйчел. — С той оговоркой, что я не живая.

— Юридически — нет, а в действительности — да. Биологически. Ты же не спаяна из транзисторных микросхем, как фальшивое животное, ты из такой же, как люди, органики.

А через два года, подумал он, ты износишься и умрешь. Потому что мы никак не можем решить проблему замены клеток. Так что по большому счету не так уж и важно, органическая ты или какая там.

А мне теперь конец, сказал он себе. Конец как платному охотнику. Бейти будут последними. После всего, что сегодня было, я больше не смогу.

— Грустный ты какой-то, — заметила Рэйчел.

Рик погладил ее по щеке.

— Ты не сможешь больше охотиться на андроидов, — сказала Рэйчел абсолютно спокойным голосом. — Так что не надо так грустить. Пожалуйста.

Рик воззрился на нее с некоторым удивлением.

— Ни один из охотников не смог еще продолжить свое занятие, — объяснила Рэйчел. — В смысле, побыв со мной. За исключением одного, но он-то законченный циник. Некий Фил Реш. Он вообще какой-то свихнутый — работает вроде как для своего удовольствия.

— Понятно, — кивнул Рик.

То, что сказала Рэйчел, повергло его в оцепенение. В полное оцепенение. Все тело стало словно чужое.

— Но ты не бойся, — ободрила его Рэйчел, — мы летим совсем не зря, потому что ты встретишься там с прекраснейшим, высокодуховным человеком.

— С Роем Бейти. Ты что, всех их знаешь?

— Я знала их всех, когда они еще существовали. Теперь я знаю троих. Мы пытались остановить тебя этим утром, до того как ты пошел по списку Дэйва Холдена. Потом, как раз перед тем, как Полоков тебя нашел, я сделала вторую попытку. Ну а после этого мне оставалось только ждать.

— Ждать, пока я сломаюсь, — сказал Рик. — И буду вынужден сам тебе позвонить.

— Мы с Любой были очень близки, непрерывно общались почти два года. Вот что ты о ней думаешь? Она тебе нравилась?

— Нравилась.

— И все равно ты ее убил.

— Ее убил Фил Реш.

— О, так, значит, когда ты вернулся в театр, Фил составил тебе компанию? Это для нас полная новость, в это время мы потеряли почти все каналы

связи. Мы только знали, что она убита, и считали само собой разумеющимся, что это сделал ты.

— Исходя из Дэйвовых заметок, — сказал Рик, — я думаю, что все-таки сумею нейтрализовать Роя Бейти. А вот насчет Ирмгард Бейти — дело темное.

Прис Страттон, подумал он, я и вообще не смогу убить. Даже теперь, зная все, что я теперь знаю.

— Так значит, — продолжил он, — все, что произошло сегодня в гостинице, было просто…

— Ассоциация, — перебила его Рэйчел, — старалась выводить из строя платных охотников, и здесь, и в Советском Союзе. И это вроде бы вполне удавалось, хотя мы так и не смогли до конца разобраться — почему. Не смогли, я думаю, в силу своей ограниченности.

— Что-то я сомневаюсь в безотказности этого метода, — хрипло сказал Рик.

— Но с тобой-то все прекрасно получилось.

— Это мы еще посмотрим.

— А тут и смотреть нечего, — улыбнулась Рэйчел. — Все стало ясно, когда на твоем лице появилось это тоскливое выражение. Я ждала его.

— Сколько раз ты это делала?

— Не помню. Семь или восемь. Нет, наверно, девять. — Она на мгновение задумалась и кивну-

ла. — Да, девять раз.

— Эта идея довольно старомодна, — сказал Рик.

— Ч-что? — растерялась Рэйчел.

Отклонив баранку от себя, Рик перевел машину на плавное снижение.

— Во всяком случае, мне так кажется. Сейчас я тебя убью, а затем займусь супругами Бейти и Прис Страттон. В одиночку.

— Так это что, мы поэтому садимся? — встревожилась Рэйчел. — На тебя наложат штраф. Я являюсь собственностью, вполне законной собственностью нашей ассоциации. Это беглые андроиды подлежат немедленному уничтожению, а я отношусь к совсем другой категории.

— Это станет проверкой, — ухмыльнулся Рик. — Если я смогу убить тебя, то смогу и их.

Рэйчел начала торопливо копаться в своей роскошной, под завязку набитой всяким хламом сумке, но уже через пару секунд была вынуждена сдаться.

— Черт бы побрал эту проклятую сумку, — выругалась она. — Никогда-то в ней ничего не найдешь. Ты можешь убить меня так, что не будет больно? Осторожно и аккуратно? А я не буду сопротивляться, ладно? Я обещаю не сопротив-

ляться. Ну так как, договорились?

— Да, — вздохнул Рик, — теперь я понимаю, почему Фил Реш сказал то, что он сказал. Он отнюдь не бравировал своим цинизмом, он просто слишком уж много узнал. Пройти через все это… нет, я совсем его не осуждаю. Полученный опыт полностью изменил его, изуродовал.

— Изменил не в ту, какую надо бы, сторону.

Под внешним спокойствием Рэйчел все еще чувствовались отчаяние и напряженность. Однако мрачное пламя уже угасло, жизненная сила вытекла из нее, как воздух из проколотого шарика, оставив жалкую вялую оболочку. Рик не раз и не два наблюдал то же самое на примере других андроидов. Капитуляция перед непреодолимыми обстоятельствами. Механическое, чисто рациональное приятие того, с чем настоящий живой организм — с наследственной памятью от двух миллиардов лет яростной борьбы за выживание — никогда не смог бы смириться.

— Меня тошнит от этой вашей манеры — чуть что, и сразу лапки кверху, — с ненавистью бросил Рик.

Он в последнюю секунду притормозил совсем готовую уже врезаться в землю машину, а затем кое-как посадил ее, заглушил мотор и достал из

кармана лазер.

— В затылок, у самого основания черепа, — попросила Рэйчел. — Пожалуйста.

Она отвернулась, чтобы не смотреть в черную пропасть ствола.

— Я не могу сделать то, о чем говорил Фил Реш.

Он включил мотор, и уже через секунду они снова летели над городом.

— Если ты все еще думаешь это сделать, — сказала Рэйчел, — делай сейчас. Не заставляй меня ждать.

— Не бойся, я тебя не убью. — Рик круто свернул назад, к центру Сан-Франциско. — Твоя машина ведь тоже осталась на крыше «Святого Франциска», верно? Я подброшу тебя туда, а там уж лети в свой Сиэтл.

В машине повисла тишина, нарушаемая только ровным шумом мотора.

— Спасибо, что не стал меня убивать, — сказала в конце концов Рэйчел.

— Кой черт, тебе осталось жить какие-то два года. А у меня в запасе лет пятьдесят. Я проживу в двадцать пять раз больше твоего.

— Смотри-ка, да ты и вправду меня презираешь. За то, что я сделала. — Рэйчел окончательно успокоилась, ее голос звучал все громче и уверен-

нее. — Ты прошел тот же путь, что и все прочие. Платные охотники, бывшие до тебя. Каждый из них начинал сперва беситься, грозился убить меня, но потом непременно оказывалось, что они не могут исполнить свою угрозу. В точности как и ты сейчас. — Она раскурила сигарету и глубоко затянулась. — Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что я была права. Ты больше не сможешь убивать андроидов — не только меня, но и любых других, в том числе и этих троих, Прис Страттон и семейку Бейти. Так что иди ты домой, к своей козе. Отдохни, успокойся. Вот черт! — вскрикнула она и начала яростно отряхивать свой плащ. — Я уронила на себя горячий пепел.

Рик молчал.

— Эта коза, — сказала Рэйчел, — ты любишь ее куда больше, чем меня. Пожалуй, даже больше, чем свою жену. Сперва коза, затем твоя жена, и на самом последнем месте… — Она весело рассмеялась. — Ну что тут остается, кроме как смеяться?

Рик продолжал молчать. Через несколько минут Рэйчел вскрикнула:

— Ой, ну совсем из головы вон! — А затем протянула руку к приборной доске и включила приемник.

— Выключи, — сказал Рик.

— Выключить Дружище Бастера и его Дружелюбных Друзей? Выключить Аманду Вернер и Оскара Скруггса? Сейчас, когда с минуты на минуту ожидается обещанный Бастером сенсационный репортаж? — Она поднесла к тускло светящейся шкале приемника свои часы и взглянула на стрелки. — Ну да, совсем уже скоро. Ты слышал об этом репортаже? Он все время о нем говорил, нагнетая в нас ожидание.

— Ну да, ребята, — заговорил проснувшийся приемник, — я сижу тут со своим корешем Бастером, и мы тут с ним треплемся, и вообще, и ждем, и каждый тик часов считаем, потому что ну вот прямо сейчас будет точно, ну самое важное объявление, какое ни на есть…

Рик выключил радиоприемник.

— Оскар Скруггс, — сказал он. — Истинно интеллигентный человек.

Буквально вто же мгновение рука Рэйчел снова метнулась к приборной доске.

— Я хочу слушать. И я буду слушать. Дружище Бастер собирается рассказать сегодня нечто очень важное.

Из динамика снова задолдонил тот же самый придурочный голос, а Рэйчел Розен блаженно откинулась на спинку сиденья. Конец сигареты

горел в полуметре от Рика, как огромный самодовольный светляк, как напоминание о ее победе. Ее победе над ним.

Глава 18

— Принесите сюда остальное мое хозяйство, — скомандовала Прис Изидору. — В первую очередь телевизор. Чтобы мы могли услышать обещанный Бастером репортаж.

— Да, — поддержала ее Ирмгард Бейти, быстрая и ясноглазая, как стриж. — Нам ну позарез нужен телевизор. Мы столько уже ждали этого репортажа, и он как раз должен начаться.

— Мой телевизор принимает только государственный канал, — печально сообщил Изидор.

Рой Бейти, усевшийся в большом глубоком кресле так плотно, словно решил поселиться в нем до скончания века, громко рыгнул и заговорил спокойно и терпеливо, как воспитатель, поучающий неразумного ребенка:

— Но мы, Иззи, хотим послушать именно Дружище Бастера и его Дружелюбных Друзей, а не кого-нибудь другого. Или вы предпочитаете, чтобы я называл вас Джей-Ар? Как бы то ни было, вы вполне меня поняли? И вы сходите за телевизором?

Джон Изидор миновал пустынный коридор и начал спускаться по лестнице. У него все еще

кружилась голова от счастья, от ощущения — испытанного впервые в жизни — своей нужности. От меня зависят другие, они не могут без меня обойтись, думал он, ступая по заросшим пылью ступенькам.

Да и вообще будет очень приятно посмотреть Дружище Бастера по телевизору, а не слушать его, как все последнее время, по приемнику в фургоне. И ведь точно, именно сегодня Дружище Бастер должен обнародовать свое сенсационное, подкрепленное надежнейшими документальными свидетельствами разоблачение. Так что благодаря появлению Прис, Роя и Ирмгард я получу возможность своими глазами увидеть самую, пожалуй, важную телевизионную передачу, какая только была когда-либо. Здорово.

Жизнь Джона Изидора явно шла на подъем.

Зайдя в квартиру, бывшую временным пристанищем Прис, он первым делом отключил телевизор от сети и вытащил комнатную антенну. В обрушившейся со всех сторон тишине его собственные руки стали вдруг какими-то призрачными, нереальными. Один в квартире, без Роя, Ирмгард и Прис, он мгновенно увял, потух, стал до странности похожим на вот этот только что выключенный телевизор. Мне необходимо

быть с другими людьми, подумал он, необходимо, чтобы жить. Раньше, пока они не пришли, я еще мог жить здесь в одиночестве. Но теперь все изменилось, и пути назад нет. Невозможно перейти от людей к безлюдию. Это ведь я, испуганно понял он, это я завишу от них — слава богу, что они остались.

Чтобы перенести все вещи Прис наверх, потребовалось два захода; Джон Изидор решил начать с телевизора, а уж потом вернуться за чемоданами и всякой мелочью.

Несколько минут спустя он занес тяжеленный телевизор в свою гостиную и поставил его онемевшими от напряжения руками на кофейный столик. Супруги Бейти и Прис наблюдали за действиями Изидора абсолютно отстраненно, отнюдь не пытаясь ему помочь.

— В этой комнате очень хороший прием, — похвастался он, задыхаясь от усталости, и начал подключать телевизор. — Раньше, когда я тоже смотрел Дружище Бастера и его…

— Ты просто включи телевизор, — оборвал его Рой Бейти. — И перестань болтать.

Джон Изидор включил телевизор и сразу направился к двери.

— Еще один заход, и все будет готово, — сказал

он, задержавшись в дверях, чтобы немного согреться теплом их присутствия.

— Вот и чудесно, — равнодушно откликнулась Прис.

Джон Изидор чуть не силой оторвал себя от косяка и вышел в коридор. Пожалуй что, думал он, они меня вроде как эксплуатируют. Но это его ничуть не волновало. Ведь все равно они — мои друзья, говорил он себе.

В опустевшей, оглохшей квартире он собрал всякие женские одежки, распихал их по чемоданам, а затем отправился в обратный путь.

Несколькими ступеньками выше, в глубокой пыли что-то явственно копошилось. Что-то маленькое и неоспоримо живое. Джон Изидор мгновенно уронил чемоданы и выхватил из кармана пластиковый аптечный пузырек, бывший у него, как и едва ли не у всех обитателей Земли, всегда при себе, в расчете как раз на такую оказию. Ну так и есть — вот он, паук, ничем особо не примечательный, но ведь живой же! Трясущимися от радости пальцами Джон Изидор осторожно переместил паука в пузырек и плотно закрутил крышечку, предусмотрительно продырявленную в нескольких местах иголкой.

Наверху, у дверей своей квартиры, он остано-

вился, чтобы перевести дыхание.

— …Ну да, ребятки, время уже наступило. С вами дружище Бастер, который глубоко — ха-ха, как в колодце — надеется, что вам всем ну прямо невтерпеж ознакомиться с открытием, которое я тут недавно сделал и которое, должен заметить, было полностью подтверждено наилучшими учеными, работавшими не покладая рук и ног последние несколько недель. Ха-ха, ребятки, это самое что ни на есть оно!

— Я нашел паука, — сказал Джон Изидор.

Трое андроидов мгновенно перенесли все свое внимание на него.

— Дай-ка посмотреть, — протянула руку Прис.

— Не болтайте, когда по телевизору Бастер, — возмутился Рой Бейти.

— Я никогда не видела пауков. — Прис крутила аптечный пузырек, с интересом рассматривая плененное там существо. — А ног-то у него, а ног-то. Ты не знаешь, Джей-Ар, зачем ему столько ног?

— А так уж они, пауки, устроены, — сказал все еще не пришедший в себя, задыхающийся от счастья Изидор. — У них всегда восемь ног.

— А ты знаешь, Джей-Ар, что я думаю? — спросила, поднимаясь со стула, Прис. — Я думаю, что

ему совсем и не нужно столько ног.

— Восемь? — переспросила Ирмгард Бейти. — А почему бы ему не обойтись четырьмя? Отрежь четыре, и мы посмотрим. — Она достала из сумочки острые блестящие маникюрные ножницы и передала их Прис.

Джона Изидора охватил ужас.

Прис отнесла пузырек на кухню, открыла его и вытряхнула паука на столик, за которым Джон Изидор обычно завтракал.

— Скорее всего, он будет тогда бегать чуть медленнее, — сказала она, — но здесь все равно нету вокруг никаких мошек, так что ему и так, и так умирать с голоду.

И взялась за ножницы.

— Пожалуйста, — сказал Изидор.

— Он что, что-нибудь стоит?

— Не уродуйте его, — взмолился Джон Изидор. Взмолился чужим, визгливым голосом.

Быстрый щелчок ножниц, и Прис отхватила одну из ног паука.

В гостиной на экране телевизора продолжался долгожданный репортаж.

— Посмотрим, к примеру, с большим увеличением на часть заднего плана, — говорил Дружище Бастер. — Вот это и есть то самое небо,

которое вы обычно видите. Сейчас я попрошу Эрма Параметра, который возглавляет нашу исследовательскую группу, подробно рассказать о своем, без преувеличения можно сказать, сотрясающем основы мира открытии.

Придерживая паука краем ладони, Прис отстригла ему еще одну ногу. И улыбнулась.

— Тщательные лабораторные исследования увеличенных фрагментов видеоизображения, — говорил по телевизору какой-то другой, новый голос, — с ясностью показали, что серое небо и заметная при дневном освещении луна, на фоне которых двигается Мерсер, не просто неземные — они ненастоящие.

— Ты все пропустишь! — сказала появившаяся в дверях Ирмгард. Затем она увидела, что делает Прис, и добавила: — Это может и подождать, а он говорит такие важные вещи. Теперь нет никаких сомнений, что все, что мы уже давно подозревали…

— Потише, — прикрикнул на нее Рой Бейти.

— …чистая правда, — закончила Ирмгард.

— Так называемая луна нарисована, — говорил телевизор. — На сильных увеличениях, одно из которых вы сейчас видите, явственно заметны мазки кисти. Имеются также серьезные указа-

ния на то, что чахлые растения и пересохшая бесплодная почва — а возможно, даже и камни, бросаемые в Мерсера предполагаемыми, никогда не видимыми врагами, — равным образом сфальсифицированы. Более чем вероятно, что все эти якобы камни изготовлены из некоего мягкого пластика и никого не могут поранить.

— Иными словами, — вмешался Дружище Бастер, — Уилбур Мерсер ничуть не страдает.

— В конечном итоге, мистер Бастер, — продолжил глава исследовательской группы, — нам удалось обнаружить бывшего голливудского специалиста по особым эффектам мистера Уэйда Коро, каковой и заявил, основываясь на своем многолетнем опыте, что так называемый Мерсер — это попросту какой-то мелкий актер, шагающий по установленной в звуковом павильоне декорации. Более того, Коро даже взял на себя ответственность заявить, что он узнаёт использованный при съемках звуковой павильон как тот, который был в свое время построен для некоего мелкого, давно уже отошедшего от бизнеса кинопродюсера — на него Коро неоднократно работал несколько десятков лет тому назад.

— Одним словом, — подытожил Дружище Бастер, — у него нет практически никаких со-

мнений.

К этому моменту Прис отстригла пауку и третью ногу; он жалко ковылял по кухонному столику, пытаясь найти себе путь к свободе. Пытаясь — и не находя.

— Честно говоря, — говорил сухой, педантичный голос, — мы сразу же поверили Коро, а потому не пожалели времени на изучение фотографий актеров, использовавшихся на эпизодических ролях в старой, ныне не существующей голливудской кинопромышленности.

— И вы нашли…

— Слушайте, слушайте, — сказал Рой Бейти. Ирмгард не отрывала глаз от экрана, и даже Прис временно перестала калечить паука.

— Изучив тысячи и тысячи фотографий, мы остановили свое внимание на одном очень старом теперь актере по имени Эл Джарри, который сыграл ряд эпизодических ролей в довоенных фильмах. По последним имевшимся данным, Джарри проживал в городке Истхармони, штат Индиана, на Ларк-авеню. Мы послали туда нашу техническую команду, и сейчас я попрошу одного из членов этой команды описать то, что они увидели.

Несколько секунд тишины, а затем новый го-

лос, столь же тусклый и невыразительный:

— Найденный нами дом представлял собой ветхую развалюху и располагался на самой окраине города, где в настоящее время никто, кроме самого Джарри, уже не живет. Хозяин дома, ни секунды не задумываясь, пригласил нас в свою кошмарно захламленную, проплесневелую, насквозь пропахшую затхлостью гостиную, и я тут же при помощи телепатических средств просканировал его мозг, столь же забитый всяким мусором, как и гостиная.

— Слушайте, слушайте, — сказал Рой Бейти, нетерпеливо ерзавший на самом краешке стула.

— Я выяснил, — продолжал техник, — что этот старик получил приглашение от некоего анонимного, никогда им не виденного продюсера и снялся в серии пятнадцатиминутных видеороликов. Как мы и предполагали, «камни» были изготовлены из мягкого резиноподобного пластика, неоднократно проливавшаяся «кровь» была попросту кетчупом, и единственным страданием, — говоривший негромко, благопристойно хохотнул, — выпавшим на долю мистера Джарри, была необходимость по многу часов подряд обходиться без виски.

— Эл Джарри, — сказал Дружище Бастер, чье

лицо вновь появилось на экране. — Старик, который даже в лучшие свои времена не был способен ни на что достойное нашего — или хотя бы его собственного — уважения. Эл Джарри сделал фантастически скучный, монотонный фильм, даже серию таких фильмов, для кого-то, кого он и тогда не знал, и по сю пору не знает. Среди приверженцев мерсеризма бытует мнение, что Уилбур Мерсер не является человеком и что он — некая высшая сущность, пришедшая на Землю неизвестно откуда, возможно — с другой звезды. Ну что ж, в каком-то смысле они правы. Уилбур Мерсер не только не является человеком, но и вообще не существует. Мир, по которому он карабкается, представляет собою грошовую, заурядную голливудскую декорацию, выброшенную на помойку много лет тому назад. Но вот кто организовал это надувательство, распространил его на всю Солнечную систему? Задумайтесь об этом, ребята.

— Да нет, нам этого не узнать, — пробормотала Ирмгард.

— Да нет, мы никогда этого не узнаем, — сказал Дружище Бастер. — И мы никогда не поймем, какую цель преследует это мошенничество. Да, ребята, именно мошенничество. Весь мерсеризм

— сплошное мошенничество.

— А я думаю, что никаких секретов здесь нет, — сказал Рой Бейти. — Все вполне очевидно. Мерсеризм появился…

— Но вы все-таки задумайтесь, — продолжал Дружище Бастер. — Задайтесь вопросом, как именно влияет мерсеризм на людей — если верить мерсеритам, они испытывают…

— Все дело в этой самой эмпатии, — сказала Ирмгард.

— …так называемое слияние. Миллионы обитателей Солнечной системы сливаются в некое единство, единство, легко управляемое телепатическим голосом «Мерсера». Обратите на это внимание. Какой-нибудь амбициозный политик с замашками Гитлера…

— Нет, все-таки это эмпатия, — упрямо повторила Ирмгард. Сжав кулаки, она бросилась на кухню, к Изидору. — Ведь точно же это просто способ доказать, что люди могут что-то такое, что недоступно нам? Потому что без этого мерсеровского слияния нам оставалось бы только верить вам на слово, что вы испытываете эту свою эмпатию, это общее групповое переживание. Так как там паук? — Она наклонилась над плечом Прис.

Щелкнув ножницами, Прис отхватила еще

одну паучью ногу.

— Теперь четыре, — сказала она и слегка подтолкнула паука пальцем. — Не хочет ходить. Но я точно знаю, что он может.

В дверях появился сияющий, чуть не приплясывающий от радости Рой Бейти.

— Наконец-то Бастер сказал это во всеуслышанье. «Весь мерсеризм — сплошное мошенничество». Все это сострадание — сплошное мошенничество.

Он подошел и с любопытством уставился на паука.

— Совсем не хочет ходить, — пожаловалась Ирмгард.

— Ничего, сейчас он у меня забегает.

Рой Бейти вынул спичечную коробку и чиркнул спичкой.

— Ну вот! — возликовала Ирмгард, когда паук начал суматошно отползать от приближающегося пламени. — Я же говорила, что он может ходить и на четырех ногах. Да что это с тобой? — удивилась она, взглянув на Изидора. — Ты же ничего не потерял, мы заплатим тебе… как оно там?.. ну, то, что написано в каталоге «Сидни». Не надо делать такую кислую физиономию. Или ты это из-за Мерсера, из-за того, что они там узнали?

Да отвечай ты, в конце концов!

Ее палец озабоченно ткнул Изидора в бок.

— Он расстроился, — сказала Прис. — Потому что у него тоже есть этот эмпатический ящик с ручками — в другой, соседней комнате. Ты им пользуешься, Джей-Ар?

— Ну конечно, он им пользуется, — высокомерно ухмыльнулся Рой Бейти. — Они же все так делают, во всяком случае — делали. Может, теперь у них малость прояснится в мозгах.

— Я не думаю, — заметила Прис, — что это покончит с культом Мерсера. Но вот сейчас, в эту минуту в Солнечной системе полным-полно несчастных людей. Этой минуты мы ждали месяцами, — повернулась она к Изидору. — Мы знали, что оно будет, что оно близится, это потрясающее разоблачение, сделанное Бастером. — И добавила, на секунду замявшись: — Да ладно, чего там скрывать, Бастер — один из наших.

— Андроид, — пояснила Ирмгард. — Только никто этого не знает. В смысле — никто из людей.

Прис отстригла пауку еще одну ногу. Увидев это, Джон Изидор оттолкнул ее в сторону, отнес изуродованное существо к раковине и пустил сильную струю воды. Вместе с пауком и едва ли не быстрее в нем умерли все недавние радужные

надежды.

— А он ведь и вправду расстроен, — забеспокоилась Ирмгард. — Да не смотри ты на меня так, Джей-Ар. И почему ты ничего не говоришь? Я ведь тоже очень расстраиваюсь, — повернулась она к Прис и Рою, — глядя, как он стоит там у этой раковины и молчит. Он ведь и слова не проронил с того самого момента, как мы включили телевизор.

— Нет, — покачала головой Прис, — это не телевизор. Это паук. Ведь так ведь, Джон Изидор? Ничего, он скоро отойдет, — крикнула она вслед Ирмгард, которая пошла в гостиную выключать телевизор.

— Ничего не поделаешь, Иззи. Теперь этой штуке крышка, — иронически улыбнулся Рой Бейти. — В смысле, мерсеризму. — Подойдя к раковине, он подцепил ногтями неподвижное тельце паука и добавил: — Как знать, может, это был последний паук. Последний паук, живший на Земле. В каковом случае и паукам тоже крышка. Все, с концами.

— Я… я плохо себя чувствую, — с трудом выдавил из себя Изидор, а затем достал из кухонного шкафчика чашку и надолго — наверное, надолго, время почти перестало для него существовать —

застыл, крутя ее в руках. — Так что же, — спросил он в конце концов у Роя, — значит, небо за Мерсером было просто нарисованное? Ненастоящее?

— Ты же видел по телевизору эти увеличения, видел? Там ясно заметны мазки кисти.

— И все равно мерсеризм не кончен, — упрямо возразил Изидор.

Эти трое, а может, и все андроиды страдают каким-то страшным, злокачественным недугом, думал он. Возможно, этот паук и вправду был последним на Земле, как сказал Рой Бейти. А теперь пауку конец, Мерсеру конец, а пыль и разруха буквально на глазах захватывают мир — Джон Изидор слышал победное шествие хлама, конечное торжество хаоса, который сметет все формы, пустоту, которая поглотит всякое бытие. Он слышал, ощущал это, бесцельно крутя в руке пустую керамическую чашку, а затем кухонный шкафчик затрещал и развалился, пол под его ногами угрожающе просел.

Вытянув руку, Джон Изидор коснулся стены. Его рука без усилия прошла насквозь, по ней дождем потекли частички цемента и штукатурки — серая труха, похожая на ту, что снаружи, на радиоактивную пыль. Он присел за стол, и в тот же момент трубчатые ножки стула стали

гнуться, словно гниль проела их насквозь; тогда он торопливо встал, отставил чашку и попытался исправить стул, придать ему прежнюю форму. Однако стул развалился при первом же прикосновении; шурупы, соединявшие раньше отдельные его части, вырывались наружу, свободно свисали, сыпались на пол. Прямо у него на глазах керамическая чашка покрылась сетью мельчайших трещинок; трещины змеились и разрастались, еще секунда — и от края чашки с негромким щелчком отвалился осколок.

— Что это он делает? — Голос Ирмгард Бейти звучал тревожно и словно откуда-то издалека. — Он же все ломает! Изидор, прекрати…

— Я этого не делаю.

Изидору хотелось побыть одному. Чуть покачиваясь, словно пьяный, он побрел в гостиную и встал рядом с драной кушеткой, глядя на пожелтевшую грязную стену, на россыпи черных мушиных точек и пятна от раздавленных насекомых, насекомых, которые когда-то здесь ползали, а теперь их нет. А затем снова подумал о четырехногом паучьем трупике. Все здесь очень старое, проплыло у него в голове. Распад начался уже давно и никогда не прекратится. Паучий труп трубит победу.

В углублении, образованном просевшим полом, начали появляться куски животных: воронья голова, уйма мумифицированных рук, принадлежавших когда-то обезьянкам; чуть поодаль стоял ослик, неподвижный и все же, скорее всего, живой — во всяком случае, он не начал еще разлагаться. С хрустом кроша ногами чьи-то хрупкие, иссохшие кости, Джон Изидор пошел к ослику, и тут же откуда-то сверху на трогательную, беззащитную морду упала иссиня-черная ворона. «Не надо!» — крикнул он, однако ворона не послушалась и начала быстро, жадно выклевывать ослику глаза. Вот и снова, подумал он. Опять со мною то же самое. Я пробуду здесь, внизу, очень долго. Как и прежде. Это всегда очень долго, потому что ничто и никогда здесь не меняется; поворотный момент наступает лишь тогда, когда нечему уже распадаться.

Прошелестел порыв сухого, как в пустыне, ветра, и везде, куда ни кинешь взгляд, стали рушиться груды костей. Даже ветер их разрушает, подумал он. Значит, очень поздняя стадия, скоро время перестанет быть. Вот только бы вспомнить, как отсюда выбираться. Посмотрев наверх, он не увидел ничего такого, за что можно было бы ухватиться.

«Мерсер, — сказал он вслух. — Где ты сейчас? Это — могильный мир, и я снова в нем, но на этот раз тебя нет здесь со мной».

По его ноге что-то ползло. Он опустился на колени и начал искать — и нашел это «что-то», потому что оно двигалось совсем медленно. Искалеченный паук кое-как перемещал свое тело, опираясь на немногие оставшиеся ноги; он поднял паука и положил его себе на ладонь. Кости, понял он, пошли вспять; паук снова живой. Мерсер где-то близко.

Дул ветер, круша и рассеивая оставшиеся кости, однако он явственно ощущал присутствие Мерсера. «Иди сюда, — сказал он Мерсеру, — проползи по моей ноге или найди какой-нибудь другой способ коснуться меня, хорошо?» Мерсер, подумал он. А затем сказал вслух: «Мерсер!»

По знакомому унылому ландшафту двигались сорняки; они ввинчивались в окружавшие его стены и укоренялись там, пока не стали своей собственной спорой. Спора разрослась, треснула и взорвалась, дождем разбросав ошметки бетона и ржавого железа, бывшие прежде стенами. Но запустение осталось и после того, как стен не стало; запустение следует после всего прочего. После всего, кроме смутной хрупкой фигуры

Мерсера; старик смотрел прямо на него, тихо и безмятежно.

— А небо, оно нарисованное? — спросил Изидор. — Там правда видны под увеличением следы кисти?

— Да, — сказал Мерсер.

— А я их не вижу.

— Ты слишком близко, — сказал Мерсер. — Чтобы увидеть, нужно смотреть издалека, как андроиды. У них лучшая перспектива.

— И потому они говорят, что ты мошенник?

— Я и есть мошенник, — сказал Мерсер. — Они вполне искренни, их исследования вполне настоящие. С их точки зрения, я — престарелый актер Эл Джарри, снимавшийся когда-то в эпизодических ролях. Все, что они говорили, все их разоблачения, все это правда. Они действительно приходили ко мне и беседовали со мной. Я рассказал им все, что они хотели знать, — то есть вообще все.

— В том числе и про виски?

— Это правда, — улыбнулся Мерсер. — Они проделали прекрасную работу, и, если судить с их точки зрения, репортаж Дружища Бастера был вполне убедительным. Им будет трудно понять, почему же ничего не изменилось. Ведь

ты же все еще здесь, и я все еще здесь. — Мерсер указал взмахом руки на знакомый выжженный и бесплодный склон. — Сейчас я поднял тебя из могильного мира, и я буду поднимать тебя раз за разом, пока ты не утратишь интерес и не захочешь бросить. Но ты должен перестать искать меня, потому что я никогда не перестану искать тебя.

— Насчет виски мне не нравится, — сказал Изидор. — Это как-то принижает.

— Это потому, что ты — высокоморальная личность, а я — нет. Я не сужу никого, даже самого себя. — Мерсер поднял неплотно сжатую руку ладонью вверх. — Чуть не забыл, тут у меня есть кое-что твое. — Он разжал пальцы. На его ладони сидел искалеченный паук, только теперь он не был искалечен, все отстриженные ноги восстановились.

— Спасибо. — Изидор взял паука и хотел было сказать еще…

Забренчал сигнал тревоги.

— В здание вошел охотник! — рявкнул Рой Бейти. — Потушите весь свет. Отдерите его от этой коробки, он должен быть наготове. Скорее!.. Да расшевелите вы его наконец!

Глава 19

Опустив глаза, Джон Изидор увидел свои собственные руки, лежавшие на эмпатоскопе. Пока он пораженно на них взирал, свет в гостиной погас; через полуоткрытую кухонную дверь он увидел, как Прис бросилась к настольной лампе и тоже ее выключила.

— Послушай, Джей-Ар, — хрипло прошептал знакомый, но почти неузнаваемый голос; ногти Ирмгард глубоко впились ему в плечо.

Судя по всему, она просто не замечала, что причиняет ему боль; тусклый ночной свет, проникавший в гостиную через окно, гротескно исказил ее лицо, превратил его в бледную маску с крошечными, немигающими, полными ужаса глазами.

— Ты должен встать у двери, — шептала она все тем же хриплым голосом, — а когда он постучит, то есть если он постучит, ты покажешь ему свои документы и скажешь, что это твоя квартира и что никого больше здесь нет. А если он захочет проверить, попросишь показать ордер на обыск.

— Не пускай его внутрь, — прошептала, склоняясь к другому его уху, Прис. — Говори что угодно,

все, что только может его задержать. Ты понимаешь, что устроит платный охотник, если его сюда впустить? Ты понимаешь, что он сделает с нами?

Покинув смертельно испуганных андроидных женщин, Изидор вслепую, по памяти подошел к двери, нащупал ручку и замер, прислушиваясь. Как и всегда, он ясно ощущал ведущий к лестнице коридор, гулкий, пустой и безжизненный.

— Что-нибудь слышно? — спросил близко к нему наклонившийся Рой Бейти. По ноздрям Джона Изидора ударил острый запах вспотевшего от ужаса тела; ужас струился изо всех пор андроида, обволакивал его влажной тошнотворной дымкой. — Сходи наружу, взгляни, как там что.

Приоткрыв дверь, Изидор глянул в один, а затем в другой конец безликого коридора. Воздух здесь был довольно свежий, несмотря на явственный запах пыли. Паук, которого дал ему Мерсер, все еще был при нем. Этого ли самого паука калечила недавно Прис маникюрными ножницами Ирмгард Бейти? Возможно, и нет. Проверить невозможно. Но как бы там ни было, паук этот был живой; он щекотно ползал в неплотно сжатом кулаке Джона Изидора и совсем не кусался — как правило, челюсти мелких пауков бессильны перед человеческой кожей.

Пройдя до конца коридора, Джон Изидор спустился по лестнице. Он вышел наружу, на то, что было когда-то озелененной прогулочной террасой. Во время и после войны практически вся растительность здесь погибла, а в прогулочной дорожке появилось множество проломов. Но Изидор наизусть знал здесь каждую щель и выбоину; уверенно, словно по гладкому асфальту, он прошел вдоль более длинной из сторон здания и свернул за угол, к единственному в ближайших окрестностях оазису — крошечному, метр на метр, клочку земли, где росла какая-то чахлая, насквозь пропыленная трава, и отпустил паука, последний раз ощутив ладонью его легкие, неуверенные шаги. И выпрямился с чувством исполненного долга.

На траву упал узкий луч карманного фонарика. В резком свете пожухлые стебли казались таинственными, угрожающими. А вон и паук, испуганно замер на длинном иззубренном листе. Ну хорошо, пока что с ним все в порядке.

— Что вы там делали? — спросил человек с фонариком.

— Я п-п-посадил туда паука, — сказал Джон Изидор, удивляясь, почему человек сам этого не увидел; в ярком желтом свете паук чернел

отчетливой черной кляксой, куда больше своих действительных размеров. — От-т-пустил его на волю.

— А почему вы не отнесли его домой? Отнесли бы и посадили в банку. Согласно январскому выпуску «Сидни», розничная цена большинства пауков подскочила за месяц на десять процентов. Вы могли получить за него сотню с лишним.

— Если б-бы я отнес его наверх, — вздохнул Джон Изидор, — она бы снова стала резать ему ноги. Одну за другой, из любопытства, как он себя поведет.

— Да, — кивнул человек. — Андроиды такое делают. — Сунув руку в карман плаща, он вынул какую-то книжечку, раскрыл ее и показал Изидору.

Насколько позволял видеть неверный свет, платный охотник выглядел вполне заурядно. Гладкие, словно стертые от частого употребления черты круглого, тщательно выбритого лица. Типичный клерк из какой-нибудь скучной конторы. Методичный, хотя и не склонный к излишним формальностям. И уж всяко не полубог, каким ожидал его увидеть Изидор.

— Я следователь Сан-Францисского департамента полиции. Декард, Рик Декард. — Человек

захлопнул свое удостоверение и спрятал его в карман. — Так они там, наверху? Все трое?

— Дело в том, — сказал Изидор, — что я о них забочусь. Д-двое из них женщины. Они — последние из группы, все ост-т-тальные умерли. По просьбе Прис я взял телевизор из ее квартиры и перенес в свою, чтобы они не пропустили репортаж Дружища Бастера. Б-б-бастер неопровержимо доказал, что Мерсера нет и не было…

Он был рад поделиться с платным охотником столь важной новостью — новостью, которой тот явно еще не слышал.

— Отведите меня к ним. — Декард ткнул в Джона Изидора лазерным пистолетом, чуть поколебался и опустил руку. — Вы ведь аномал? — смущенно спросил он. — Недоумок?

— Но у меня есть работа. Я вожу фургон д-д-для… — Джон Изидор с ужасом обнаружил, что забыл название. — Для ветеринарной клиники, — сказал он и тут же облегченно добавил: — Ван-Нессовская ветеринарная клиника. П-п-принадлежащая Ганнибалу Слоуту.

— А вы не могли бы проводить меня наверх и показать квартиру? — попросил Декард. — Это сэкономило бы мне уйму времени, ведь здесь этих квартир больше тысячи. — В его голосе зву-

чала безмерная усталость.

— Если вы их убьете, т-т-то никогда больше не сможете сливаться с Мерсером, — сказал Изидор.

— Так вы проводите меня туда? Покажете, какой этаж? Вы только скажите, какой этаж, а я уж сам разберусь, какая квартира.

— Н-нет, — сказал Изидор.

— В соответствии с федеральным законодательством и законодательством штата… — начал Декард, но тут же смолк и махнул рукой. Отказался от своего законного права на экстренный допрос. — Спокойной ночи, — сказал он и побрел по террасе ко входу в здание, освещая себе путь фонариком.

Войдя в здание, Рик Декард выключил фонарик и, тревожно озираясь, пошел по коридору, освещенному тусклыми, давно утратившими колпаки лампочками. Этот аномал, думал Рик, знал, что они андроиды. Знал еще до того, как я ему сказал. Знал, но не понимал, что это значит. Ну а с другой стороны, кто это понимает? Я, что ли? Понимал ли я, что это значит? А для пущей радости один из них будет точной копией Рэйчел. Вполне возможно, что недоумок с ней жил. Любопытно бы знать, как ему это нравилось. Возможно, это та самая, которая, как он считает,

стала бы резать его паука. Кстати, я вполне могу вернуться назад и найти этого паука. Я никогда еще не находил ни одного дикого животного. Фантастическое, наверное, переживание — взглянуть вот так вниз и увидеть, как там копошится что-то живое. С недоумком такое случилось, может, когда-нибудь случится и со мной.

Рик установил на полу предусмотрительно взятый из машины локатор, поворотный узконаправленный детектор мозговой активности с крошечным экранчиком. В гробовой тишине коридора на экране рисовалась ровная прямая линия. Не этот, видно, этаж, сказал себе Рик и перевел детектор на вертикальное сканирование. На экране появилась крошечная зазубринка сигнала. Где-то наверху. Он подхватил локатор и поднялся по лестнице на следующий этаж.

Там в тени его поджидала смутная расплывчатая фигура.

— Одно движение, и я тебя нейтрализую, — сказал Рик; он крепко сжимал в руке лазер, но не находил в себе сил вскинуть его и прицелиться. Он не ожидал такого скорого контакта, позволил застать себя врасплох.

— Я не андроид, — сказала фигура (оказавшаяся мужской), выходя из тени. — Меня зовут Мер-

сер. Я обосновался в этом здании из-за мистера Изидора. Аномала с пауком. Вы только что с ним говорили.

— А правда, что теперь я отлучен от мерсеризма? — спросил Рик. — Как утверждает этот аномал. Из-за того, что я сделаю в ближайшие минуты.

— Мистер Изидор может говорить только сам за себя, а не за меня, — пожал плечами Мерсер. — То, что ты начал делать, нужно доделать, я всегда так считал. Я пришел сказать, что один из них сейчас не в квартире, а сзади вас и чуть пониже. — Он поднял руку и указал куда-то через плечо Рика. — Это будет самый трудный из троих, и вам нужно нейтрализовать его первым. — Старческий, шелестящий голос зазвучал вдруг тревожно, с неожиданной силой: — Быстрее, мистер Декард. На лестнице.

Рик крутнулся на месте и низко присел, выставив перед собой лазер. По лестнице поднималась женщина, и он знал ее и потому опустил лазер.

— Рэйчел? — поразился Рик. Так что же, значит, она следовала за ним на своей машине, выследила его здесь? Зачем? С какой стати? — Возвращайся в Сиэтл, — сказал он. — Оставь меня в покое. Мерсер сказал мне, что я должен довести

это дело до конца.

А потом увидел, что это не совсем Рэйчел.

— Во имя того, что мы значим друг для друга, — сказала приближавшаяся.

Ее руки тянулись вперед, словно чтобы обнять его — или вцепиться ему в горло. Одежда, подумал он, другая. Но глаза — те же самые глаза. И ведь есть еще точно такие же, целый легион, каждая с каким-то своим именем, но все они — Рэйчел, Рэйчел Розен, прототип, использованный производителями для защиты остальных экземпляров серии. Со страстной мольбой на лице она бросилась к нему, и тогда он вскинул лазер и выстрелил. Андроид взорвался, и куски его градом осыпали Рика, и он зажмурился и прикрыл лицо, а потом снова посмотрел и увидел, как по лестнице скатывается маленький цилиндрический лазер, бывший у нее то ли в руке, то ли еще где; невинная с виду блестящая трубочка звонко прыгала со ступеньки на ступеньку, звяканье становилось все реже и реже и наконец смолкло. Самый трудный из трех, как предсказывал Мерсер. Рик покрутил головой, высматривая старика, но тот исчез. У них хватит возможностей травить меня Рэйчелами Розен, пока я не сдохну, подумал он, или пока эта модель не устареет, что уж там

будет раньше. А теперь остальные двое. Мерсер сказал, что один из них не в квартире. Мерсер, запоздало вспыхнуло в голове Рика, защитил меня, спас. Явился в знакомом своем образе и предложил помощь. Она бы точно меня убила, если бы не Мерсерово предупреждение. А с остальными я уж как-нибудь справлюсь. Эту — эту бы я не убил, и она это знала. Но теперь с этим покончено. Буквально за мгновение. Я сделал то, чего никак не мог бы сделать. С супругами Бейти я могу работать по стандартной методике; может, они и окажутся крепкими орешками, но ничего подобного больше не будет.

Рик еще раз взглянул по сторонам. Пусто, ни души. Мерсер ушел, потому что то, из-за чего он приходил, уже сделано; Рэйчел — вернее, Прис Страттон — разорвана в клочья, а потому он, Рик, остался здесь один. Но в каком-то углу этого здания затаились Бейти, они знают, что он здесь, и начинают догадываться, что он здесь сделал. Скорее всего, они боятся. Это был их ответ на его появление здесь. Их отчаянная попытка. Попытка, которая наверняка удалась бы, если бы не Мерсер. А теперь для них наступает зима.

То, что я собираюсь сделать, нужно сделать не мешкая, подумал он и быстро пошел по коридору,

и почти сразу на экране локатора появился отчетливый сигнал. Вот она, та квартира. Он бросил на пол ненужное теперь оборудование и тихо, деликатно постучал в дверь.

— Кто там? — спросил изнутри мужской голос.

— Это мистер Изидор, — сказал Рик. — Пустите меня, п-п-потому что я з-з-забочусь о вас, и д-двое из вас женщины.

— Мы не откроем дверь. — На этот раз голос был женским.

— Я хочу смотреть Д-д-дружища Бастера по т-телевизору, — продолжал заикаться Рик. — Т-т-теперь, когда он доказал, ч-что Мерсера не существует, мне очень важно его смотреть. Я вожу фургон Ван-Нессовской ветеринарной лечебницы, п-п-принадлежащей мистеру Ганнибалу С-с-слоуту. П-п-почему вы меня не п-п-пускаете? Это же моя квартира.

Он замолк, прошло несколько секунд, и дверь открылась. В темном чреве квартиры смутно проступали две фигуры.

— Вы обязаны провести тесты, — сказала фигура поменьше, женщина.

— Времени нет, — отмахнулся Рик. Фигура повыше попыталась одной рукой захлопнуть дверь, а другой — нажать на какую-то кноп-

ку. — Нет уж, — сказал Рик, — я должен войти и войду. — Он позволил Рою Бейти выстрелить, отработанным движением увернулся от луча и укоризненно покачал головой. — Этот выстрел лишил вас легального базиса. Вам следовало вести себя поспокойнее и настоять на проведении Фойгт-Кампфовского теста. Но теперь все это уже не важно.

Рой Бейти снова выстрелил, снова не попал и бросился в глубь квартиры, возможно — к тому самому электронному устройству, которое он пытался включить.

— А как это Прис вас не убила? — спросила миссис Бейти.

— Никакой Прис нет и не было, — покачал головой Рик. — Есть только Рэйчел Розен, раз за разом.

И тут он заметил в ее смутно рисующейся руке лазер; Рой Бейти исхитрился передать жене оружие и намеренно заманивал противника в квартиру, чтобы тот подставил свою спину под выстрел.

— Извините, миссис Бейти, — сказал Рик и застрелил ее.

Из двери в соседнюю комнату донесся вопль боли и отчаяния.

— Ну что ж, — сказал Рик, — ты ее любил. А я любил Рэйчел. А аномал любил другую Рэйчел.

Он выстрелил и увидел, как грузное тело Роя Бейти покачнулось, рухнуло на кухонный столик и сползло на пол, увлекая с собою ножи и тарелки. Рефлексные цепи заставили тело судорожно биться и вздрагивать, но в конце концов оно умерло и успокоилось. Впрочем, Рик не смотрел на него, как не смотрел и на труп Ирмгард Бейти, лежавшей рядом со входной дверью. Всё, я убил последнего, сказал он себе. Шестеро за сутки, почти рекорд. И теперь все кончено, я могу вернуться домой, к Айран и козе. И в кои-то веки у нас будет достаточно денег.

Но он не ушел сразу, а сел на диван и сидел в глухой тишине опустевшей квартиры, пока в дверях не появился аномальный мистер Изидор.

— Лучше не смотрите, — посоветовал Рик.

— Я видел ее на лестнице. Ее, Прис.

По лицу аномала катились слезы.

— Не принимайте так близко к сердцу, — сказал Рик и с трудом, еле сдерживая головокружение, встал на ноги. — Где тут у вас видеофон?

Аномал ничего не говорил, а только стоял и плакал, поэтому Рику пришлось искать аппарат самостоятельно, и в конце концов он его нашел и

позвонил Гарри Брайанту.

Глава 20

— Прекрасно, — сказал Гарри, выслушав донесение. — А теперь отдохни, мы сейчас вышлем за трупами машину.

Рик Декард повесил трубку и повернулся к тихо плакавшему аномалу.

— Андроиды глупы, как пробки! — выкрикнул он со злостью. — Рой Бейти не смог отличить меня от вас, он поверил, что это вы стучитесь в дверь. Минут через десять прилетят полицейские и наведут здесь порядок, а вы посидели бы пока в другой квартире, вряд ли вам будет приятно находиться в обществе того, что осталось от них.

— Я уйду из эт-т-того з-з-здания, — сказал Изидор. — Переселюсь п-п-поглубже в г-г-город, где б-б-больше людей.

— В здании, где я живу, есть свободные квартиры, — предложил Рик.

— Н-н-нет, — замотал головой Изидор, — я н-н-не хочу жить рядом с вами.

— Погуляйте на улице или идите наверх, — сказал Рик. — Только не сидите здесь.

По лицу аномала пробежала целая гамма эмоций. Он никак не мог принять определенного

решения, но в конце концов все-таки встал и вяло, нога за ногу, побрел к двери, оставив Рика наедине с трупами.

Ну и работку я себе выбрал, думал Рик. Я — бедствие, бич Божий, вроде глада или мора. Всюду, куда я ни пойду, за мною следует древнее проклятие. Как сказал Мерсер, мне предназначено творить зло. С самого начала все, что я делал, было злом. Но так или не так, теперь мне пора домой. Может статься, побыв немного в обществе Айран, я сумею забыть.

Айран встретила его уже на крыше. Она была явно не в себе и смотрела как-то странно; за долгие годы Рик ни разу не видел жену такой.

— Ну ладно, теперь все это в прошлом, — сказал он, обнимая ее за талию. — Я вот тут думаю, может быть, Гарри Брайант сможет перевести меня…

— Рик, — мягко перебила его Айран, — я должна тебе что-то сказать. Что-то очень плохое. Наша коза погибла.

По той или иной причине новость ничуть не удивила Рика, а только заставила ощутить еще большее отчаяние — чисто количественное добавление к мукам, навалившимся на него со всех сторон.

— Насколько я помню, — начал он с надеждой, — в договоре есть пункт о гарантии. Если купленное животное заболеет в течение трех месяцев со дня покупки…

— Она не заболела. Некая сволочь… — Айран откашлялась и продолжила хриплым, срывающимся голосом: — Некая сволочь заявилась сюда, выпустила козу из клетки и подтащила к краю крыши.

— И сбросила вниз? — спросил Рик.

— Да.

— Ты видела, кто это сделал?

— Я видела ее абсолютно ясно, — кивнула Айран. — Барбур все еще был здесь, никак не мог расстаться со своей кобылой. Он подбежал ко мне, и мы с ним вызвали полицию, но что толку, если коза уже умерла, а она улетела. Невысокая, совсем молоденькая девица с темными волосами и большими черными глазами, очень тощая. В длинном чешуйчатом плаще. И еще у нее была такая большая сумка с узорами. И она ничуть не пыталась скрыть от нас свое лицо, словно ей было абсолютно безразлично, видел ее кто или нет.

— Да, ей это безразлично, — сказал Рик. — Рэйчел не то что по фигу, что ты ее видела, скорее всего, она даже хотела, чтобы ты видела и рас-

сказала мне, чтобы я знал, кто это сделал. Так ты что, — спросил он, целуя Айран, — давно меня здесь ждешь?

— Около получаса. Вот тогда это и случилось, с полчаса назад. Я не могу прийти в себя после этого кошмара. А главное — зачем? Какая-то беспричинная жестокость.

Рик снова открыл дверцу своей машины.

— Нет, — сказал он, садясь на водительское место, — отнюдь не беспричинная. Она считала, что имеет вполне достаточную причину.

Чисто андроидную причину, добавил он про себя.

— А куда ты сейчас? Неужели нельзя посидеть хоть немного дома, со мной? Сегодня по телевизору была совершенно потрясающая новость. Дружище Бастер утверждает, что Мерсер — это жульничество, подставная фигура. А вот ты, Рик, что ты об этом думаешь? Думаешь, это может соответствовать истине?

— Все соответствует истине, — сказал Рик и включил двигатель. — Все, что кому-нибудь когда-нибудь пришло в голову, все соответствует истине.

— С тобой сегодня ничего не случится?

— Не бойся, со мною все будет в порядке.

А еще, подумал Рик, я непременно умру. И то и другое в равной степени соответствует истине. Он захлопнул дверцу, помахал Айран рукой и взмыл в ночное небо.

Когда-то, думал он, я мог бы увидеть небо. Многие годы назад. А теперь в небе нет ничего, кроме пыли; за долгие годы никто не видел ни одной звезды. Отсюда не видел, с Земли. Может быть, однажды я уеду туда, откуда видно звезды, сказал он себе. А тем временем машина набирала все большую скорость и высоту, устремляясь прочь от Сан-Франциско, в мерзость и запустение севера. В места, куда не отправится по своей воле ни одно живое существо. Разве что почувствовав близость конца.

Глава 21

В свете раннего утра проплывавшая внизу земля — тусклая, всякой дрянью заваленная пустошь — казалась бескрайней. Камешки с дом размером покатались, покатались да и остановились, уткнувшись друг в друга; это похоже, подумал он, на склад, откуда вывезли все товары. Остались только обломки ящиков, вместилища, ничего не обозначающие сами по себе. А ведь когда-то здесь росла пшеница, коровы щипали траву. А сейчас дико и подумать, что что-то могло щипать здесь траву.

В странном месте, думал Рик, довелось умереть всем этим существам. Он снизил машину и некоторое время летел на бреющем. А вот что, спросил он себя, сказал бы обо мне Дэйв Холден? В каком-то смысле теперь я — величайший платный охотник всех времен и народов. Никому другому не доводилось еще убить за сутки шесть «Нексусов-шесть», да и в будущем вряд ли доведется.

Безнадежно загаженный склон холма летел ему в лицо, и Рик едва успел поднять машину повыше. Усталость, подумал он, мне не стоило так долго сидеть за рулем. Он выключил зажигание

и некоторое время планировал, а затем посадил машину. Она немного попрыгала по кочкам, ухабам и россыпям булыжников и в конце концов со скрежетом остановилась, наткнувшись на какую-то очередную неровность.

Рик поднял трубку, набрал номер сан-францисской междугородней станции и попросил телефонистку связать его с больницей «Маунт Сион».

— Больница «Маунт Сион», — сказала через несколько секунд другая, помладше, телефонистка.

— Меня интересует ваш пациент Дэйв Холден, — сказал Рик. — Как он себя чувствует? Есть ли возможность с ним побеседовать?

— Минуточку, сэр, сейчас я все узнаю, — сказала телефонистка и исчезла с экрана. Чтобы не терять времени даром, Рик занюхал щепотку смеси «Доктор Джонсон», но не получил никакого удовольствия, а только еще сильнее почувствовал холод; в неотапливаемой машине температура падала с катастрофической скоростью.

— Доктор Коста говорит, — сказала вновь возникшая телефонистка, — что мистер Холден не принимает посетителей и не беседует по телефону.

— Я из полиции по служебному вопросу, — сказал Рик, демонстрируя экрану свое удостоверение.

— Минуточку, — сказала телефонистка и снова исчезла.

Рик занюхал еще одну щепотку «Доктора Джонсона». То ли по раннему часу, то ли еще почему, но запах ментола не освежал, а вызывал тошноту. Он опустил окно машины и присоединил к бескрайним россыпям мусора маленькую желтую жестянку.

— Нет, сэр, — сказала телефонистка. — По мнению доктора Коста, состояние, в котором находится мистер Холден, не позволит ему вести разговоры на любую, пусть даже и самую срочную тему в течение ближайших…

— Спасибо, — сказал Рик и повесил трубку.

Воздух тут тоже был тошнотворный, поэтому он снова поднял окно, не переставая думать о Дэйве. Похоже, этот Полоков надолго его вырубил. Странно даже, чего они со мной-то не сумели справиться? Наверное, я слишком быстро двигался. Всех за один день, этого они никак не могли ожидать. Гарри Брайант был прав, да он и всегда бывает прав.

Машина совсем промерзла, а Рику давно хоте-

лось размять ноги, поэтому он вышел наружу, стараясь не замечать настырного вонючего ветра и потирая от холода ладони. И все-таки жалко, что не вышло поговорить с Дэйвом. Дэйв одобрил бы то, что я сделал. К тому же он понял бы те моменты, которые даже Мерсер не может понять — наверное, не может понять. Для Мерсера все очень просто, потому что он принимает все, без разбору. Ничто ему не чуждо. А вот то, что я сделал, абсолютно мне чуждо. Если разобраться, последнее время мне чуждо все, что есть во мне, я стал какой-то самоотчужденной личностью.

Он шел вверх по склону, и каждый шаг давался ему со все большим трудом. Слишком измотался, думал он, чтобы еще карабкаться по всяким кручам. Остановившись, он вытер едкий пот, заливавший ему глаза; со всем остальным — со столь же едким потом, пропитавшим насквозь одежду, с надсадной болью во всем теле — приходилось мириться. Он яростно сплюнул, выражая этим ненависть и презрение к самому себе и вдвое большую ненависть к этой бесплодной, безнадежно загаженной пустоши. А потом снова пошел вверх по склону Богом и людьми забытого холма, на котором не было и не будет ничего живого, кроме него самого.

Жара. Теперь стало жарко; судя по всему, прошло много времени, утро превратилось в день, и воздух прогрелся. А еще он почувствовал голод. Он не ел уже бог знает сколько времени. Голод с жарой образовывали ядовитую смесь, похожую по вкусу на поражение. Да, думал он, так оно и есть, я потерпел поражение, знать бы вот только, как и когда. В том, что убил этих андроидов? В том, что Рэйчел убила мою козу? Не в силах этого понять, он шел и шел вперед, и постепенно мозг его окутывался смутной, почти галлюцинаторной дымкой. В какой-то момент он обнаружил себя, абсолютно не понимая, как такое могло случиться, в шаге от обрыва, падение с которого неизбежно стало бы фатальным, более того — унизительным, он падал бы и падал, бесконечно долго, без единого свидетеля. И не было бы смысла проявлять перед смертью отвагу и выдержку, все это осталось бы никем не замеченным, ведь мертвые камни и иссохшие, пылью пропитанные тени растений ничего не видели, ничего не помнили, ни о нем, ни о себе.

В этот момент увесистый камень — камень, а не какой-то там кусок резины или пенопласта — угодил ему прямо в пах. Жгучая боль плюс первое осознание своей абсолютной одинокости

в этих муках обрушились на него в самой грубой, недвусмысленной форме.

Он остановился. А затем, понукаемый чем-то невидимым, но необоримым, возобновил подъем. Качусь вверх, подумал он, как камни; я делаю то, что делают камни, помимо воли и желания. Ничуть не заботясь о смысле.

— Мерсер, — хрипло выдохнул он и остановился. Прямо перед ним смутно маячила безликая, неподвижная фигура. — Уилбур Мерсер! Это ты?

Господи, понял он, да ведь это моя собственная тень. Бежать, бежать отсюда, с этого холма!

Он начал торопливо, не разбирая дороги, спускаться. В каком-то месте он упал, взметнув клубы пыли, застлавшие все вокруг, и он бежал сквозь эту пыль, бежал все быстрее и быстрее, спотыкаясь и оскальзываясь на россыпи мелких камней. А потом пыль то ли осела, то ли закончилась, и он увидел перед собой свою машину. Я вернулся, спустился с холма, сказал он себе. Я вернулся, повторил он, втискиваясь на сиденье машины. Но кто это кинул в меня камнем? Никто. Да какая, собственно, разница? Со мной же и раньше такое бывало, при слиянии. Как и с каждым, кто брался когда-нибудь за ручки эмпатоскопа. Так что в этом нет ничего нового. Ничего нового? Но ведь

сегодня я восходил один, без Мерсера.

Дрожа всем телом, он достал из бардачка свежую жестянку, набил себе ноздри смесью, вдохнул и устало обвис наполовину в машине, наполовину снаружи, с ногами, касающимися пересохшей, похожей на пепел земли. И что это меня понесло в такое гиблое место? — вяло удивился он. Не надо было мне сюда лететь. А теперь для полной радости я слишком ослаб, чтобы лететь назад.

Мне бы только поговорить с Дэйвом, думал он, и все бы наладилось. Я смог бы улететь отсюда, вернулся бы домой, лег бы в постель. У меня все еще есть мой электрический баран, все еще есть моя работа. Буду и дальше убивать андроидов, ведь те, что вчера, никак не могли быть последними. А может, в том-то все и дело, может, я боюсь, что андроидов больше не будет?

Рик взглянул на часы. Полдесятого.

Взяв трубку, он позвонил в департамент и попросил инспектора Брайанта.

— Здравствуйте, мистер Декард, — разулыбалась телефонистка мисс Уайльд. — К сожалению, инспектора Брайанта нет на месте. Он отправился по делам, и я не могу с ним связаться. По-видимому, мистер Брайант где-то сел и вышел

из машины.

— А вы часом не знаете, куда он собирался?

— Что-то насчет андроидов, которых вы вчера нейтрализовали.

— Тогда свяжите меня с моей секретаршей, — сказал Рик.

Секунду спустя на экране появилось оранжевое треугольное лицо Энн Марстен.

— О, мистер Декард, инспектор Брайант все утро пытался вам дозвониться. Я думаю, он собирается представить вас к благодарности в приказе, ведь за один вчерашний день вы нейтрализовали целых шестерых…

— Я знаю, что я сделал, — оборвал ее Рик.

— Подумать только, ведь такого никогда еще не случалось. И еще, мистер Декард, звонила ваша жена. Она беспокоится, все ли с вами в порядке. С вами все в порядке?

Рик промолчал.

— Как бы там ни было, — продолжила мисс Марстен, — я думаю, вам следует позвонить ей. Она просила передать, что находится сейчас дома и будет ждать вашего звонка.

— Вы слышали про мою козу? — спросил Рик.

— Нет, я даже и не знала, что у вас есть коза.

— Они лишили меня моей козы.

— Кто лишил, мистер Декард? Воры? Мы только что получили донесение, что в городе выявлена огромная, неизвестная ранее банда, специализирующаяся на краже животных. Скорее всего, это подростки, и они орудуют…

— Похитители жизни, — криво усмехнулся Рик.

— Простите, мистер Декард, но что-то я вас не понимаю. — Мисс Марстен близоруко прищурилась, вглядываясь в его лицо. — И вы выглядите совершенно ужасно, словно месяц не спали. Господи, да у вас вся щека в крови!

Потрогав правую щеку, Рик обнаружил на ней огромную кровоточащую ссадину. Не иначе как от камня. Значит тот, попавший в пах, был далеко не единственным.

— Сейчас вы похожи на Уилбура Мерсера, — сказала мисс Марстен.

— А я он и есть, — кивнул Рик. — Я — Уилбур Мерсер, я намертво с ним слился. Теперь я и хотел бы отделиться от него, но не могу. Сижу вот здесь и тщетно пытаюсь от него отъединиться. «Здесь» — это где-то на границе Орегона.

— У вас там проблемы? Хотите, мы пришлем за вами департаментскую машину?

— Нет, — качнул головой Рик. — Я больше не

работаю в департаменте.

— Мне кажется, мистер Декард, что вчера вы немного переработали, — укоризненно сказала мисс Марстен. — Вам нужно отдохнуть, хорошенько выспаться. Все мы тут абсолютно уверены, что вы наш лучший охотник, самый лучший, какой у нас вообще когда-нибудь был. Когда вернется инспектор Брайант, я скажу ему, что вы пошли домой, чтобы немного отоспаться. И непременно позвоните своей жене, позвоните сейчас же, потому что она жутко, жутко за вас волнуется. Я видела это по ее лицу, у нее вид немногим лучше вашего.

— Это все из-за козы, — объяснил Рик. — А андроиды тут совсем ни при чем. Рэйчел ошибалась, я нейтрализовал их без малейшего труда. И аномал тоже ошибался, что я не смогу больше слиться с Мерсером. А Мерсер не ошибался, только он один и был прав.

— Возвращались бы вы поскорее, мистер Декард, сюда, к людям. Ведь там, в Орегоне, никто теперь и не живет, верно? Вы же там совсем один?

— Странно, — сказал Рик. — У меня была абсолютно убедительная, не отличимая от реальности иллюзия, что я стал Мерсером и какие-то люди

забрасывают меня камнями. И это совсем не то, как если держишься за ручки эмпатоскопа. Там ты чувствуешь, что ты с Мерсером, а тут я не был ни с кем, я был совсем один.

— Тут теперь говорят, что Мерсер — фальшивка.

— Никакая он не фальшивка, — обиделся Рик. — А если он фальшивка, то и все остальное фальшивка.

Вот, скажем, этот холм, думал он. Эта пыль и эти камни, масса камней, и все они отличны друг от друга.

— Боюсь, — сказал он, — что я не смогу уже перестать быть Мерсером. Вот так вот начнешь, а потом оказывается, что поздно идти на попятный.

Так это что же, мелькнуло у него в голове, теперь мне придется раз за разом взбираться на этот холм, делать это всегда, как Мерсер… стать пленником вечности?

— До свидания, — сказал он и потянулся к рычажку отбоя.

— Так вы позвоните жене? Обещаете?

— Да, — кивнул Рик. — Спасибо, Энн.

И повесил трубку. Отоспаться, думал он. Последний раз я спал в обществе Рэйчел. Нарушение

установленных ограничений на половые акты. Половое сношение с андроидом, абсолютно противозаконное как здесь, так и в колониальных мирах. Она уже там, в своем Сиэтле, в компании прочих Розенов, живых и андроидов. Хотел бы я устроить тебе то, что ты устроила мне. Но это невозможно, потому что вам, андроидам, такие вещи безразличны. Убей я тебя прошлой ночью, моя коза была бы жива. Вот тут-то я и принял ложное решение. А если копнуть чуть глубже, все это из-за того, что я лег с тобой в постель. И все же в одном ты была права: это меня изменило. Только совсем не в ту сторону, как ты предсказывала.

В гораздо худшую сторону.

Но все это не слишком меня волнует. Теперь не волнует. После того, что случилось со мной там, на подходе к вершине холма. Интересно, что было бы со мной дальше, достигни я этой вершины? Ведь именно там происходит видимая смерть Мерсера. Именно там, в конце великого вселенского цикла, Мерсер торжествует над смертью.

Но если я Мерсер, я никогда, пусть и за сто тысяч лет, не умру. Мерсер бессмертен.

Рик поднял трубку, чтобы позвонить жене.

И застыл.

Глава 22

Не отрывая глаз от пятнышка, движущегося по земле метрах в двух от машины, он положил трубку. Серая выпуклость, похожая на самый заурядный камень, но только прочие камни лежали неподвижно, а этот двигался. Животное, сказал себе Рик, и тут же с бешено колотящимся сердцем узнал, какое именно. Я знаю, что это такое, понял он, я видел их прежде — не в жизни, конечно же, а в старых фильмах о природе, которые показывают по государственному каналу.

Но они же все вымерли! Он вытащил из кармана потрепанный каталог «Сидни» и начал торопливо, дрожащими от волнения пальцами переворачивать страницы.

ЖАБА (Жабовые), все разновидности…
… … … … … … Вым.

Вымерли поголовно много лет назад. Твари, особо милые сердцу Уилбура Мерсера. Наряду с ослами. Но жабы — особенно.

Мне нужна коробка. Рик пошарил по заднему сиденью, ничего там не нашел, выскочил из ма-

шины и торопливо открыл багажник, где лежала картонная коробка с запасным топливным насосом. Он выкинул насос, нашел в багажнике моток мохнатой пеньковой бечевки и начал тихо, осторожно подкрадываться к жабе.

И по цвету, и по фактуре жаба полностью сливалась с вездесущей пылью; возможно, она успела уже эволюционировать, приспособилась к новой обстановке, как приспосабливалась прежде ко всем прочим обстановкам. Не пошевелись она тогда, Рик ни за что бы ее не заметил. Даже и с такого малого расстояния. А что происходит, когда ты находишь — если ты находишь — животное, считавшееся вымершим? — спросил он себя и попытался припомнить. Такое случалось, но крайне редко. Вроде бы счастливчики получали ооновскую медаль и премию. Огромную премию, миллионы долларов. И это же какое дикое везение — найти не просто живое существо, а существо, особо милое Мерсеру. Господи, подумал Рик, такого просто не может быть. Возможно, я нахватал слишком большую дозу излучения и в результате повредился умом. Теперь я — аномал, подумал он. Со мною что-то случилось, вроде как с недоумком Изидором и его пауком: со мною происходит то же самое, что произошло с ним.

Кто это подстроил? Мерсер? Но я же и есть Мерсер. Это я все подстроил, я нашел эту жабу. Нашел ее потому, что вижу все глазами Мерсера.

Рик присел рядом с жабой на корточки. Она лежала, зарывшись в пыль, так что видна была только верхняя часть плоской головы. Судя по всему, жаба пребывала в чем-то вроде анабиоза: в ее помутневших, полузакрытых глазах не было ни капли жизни. Господи, ужаснулся Рик, да она же умерла, скорее всего — от жажды. Да нет, вряд ли, ведь минуту назад она двигалась.

Он поставил коробку на землю и начал осторожно сметать с жабы пыль. Та ничуть не протестовала, а вернее — не замечала, кто и что с ней делает. Тельце извлеченной на поверхность жабы оказалось на ощупь сухим и дряблым — и таким удивительно холодным, словно она лежала перед этим не в пустяковой ямке, а глубоко под землей, в пещере, куда никогда не заглядывает солнце. Жаба пошевелила задними лапками в жалкой, инстинктивной попытке вырваться из его рук и куда-нибудь ускакать. Крупная, подумал Рик, взрослая и умудренная.

Способная, каким-то своим способом, выжить даже в такой гиблой обстановке, в какой не выжил бы ни один человек. Интересно бы знать, где

она находит воду, куда метать икру?

Так вот, значит, что видит Мерсер, думал он, тщательно завязывая коробку. Жизнь, неразличимую для наших невнимательных глаз, жизнь, закопавшуюся по самую макушку в останки мертвого мира. Возможно, Мерсер прозревает затаившуюся жизнь в каждом атоме, в каждой пылинке Вселенной. Теперь я это знаю, думал он. Посмотрев однажды Мерсеровыми глазами, я никогда не утрачу новообретенное зрение.

И эта жаба может не бояться, что андроиды отрежут ей лапы, как они сделали с недоумковым пауком.

Рик поставил завязанную коробку под сиденье и сел за руль; вся его недавняя усталость бесследно исчезла. Это, подумал он, все равно что снова стать ребенком. Надо бы все-таки позвонить Айран, порадовать ее новостью. Рик начал набирать номер, но потом заколебался и положил трубку. Пускай, решил он, это будет для нее сюрпризом, тут и лететь-то какие-то полчаса.

Минуту спустя его машина уже мчалась, быстро набирая высоту, на юг, в Сан-Франциско, до которого было семьсот миль по прямой.

Айран Декард задумчиво трогала указательным пальцем наборный диск пенфилдовского

генератора. Трогала, но ничего не набирала. Она чувствовала себя слишком больной и разбитой, чтобы хотеть хоть что-нибудь. Вчерашнее несчастье безнадежно омрачило будущее и все возможности, таившиеся в нем прежде. Будь Рик сейчас дома, вяло думала она, он бы заставил меня набрать 3, чтобы потом я сама захотела набрать что-нибудь хорошее, ну, скажем, через край выплескивающуюся радость, а если не ее, то хотя бы 888, желание смотреть телевизор вне зависимости от того, что там показывают. А правда, что там показывают? И куда это делся Рик? Ничего, скоро вернется, летит уже, наверное, домой… Или не летит, подумала она и отчетливо ощутила, как кости ее усыхают от старости.

И тут же услышала громкий стук в дверь.

Айран уронила на пол инструкцию по эксплуатации «Пенфилда» и бросилась к двери, облегченно думая: «Теперь мне не нужно ничего набирать, у меня есть все, что нужно, — если только это он».

— Привет, — сказал Рик, входя в распахнувшуюся перед ним дверь.

Он выглядел так, словно ночевал в мусорном баке — ссадина на щеке, грязная, перемятая одежда, волосы, спекшиеся от пыли. Та же самая

тусклая корка пыли облепила его руки, его лицо, каждый миллиметр его тела — за исключением глаз, распахнутых в тихом, благоговейном изумлении. Он похож, подумала Айран, на мальчишку, прибежавшего под вечер домой, чтобы умыться и отдохнуть и рассказать о чудесах проведенного в играх дня.

— Я совсем тебя заждалась, — сказала она.

— А у меня тут кое-что есть.

Рик держал в руках большую картонную коробку, держал с почти комичной осторожностью, словно там находилось нечто очень хрупкое и ценное.

— Я сварю тебе кофе.

Подойдя к плите, Айран нажала кофейную кнопку и уже через пару секунд поставила на кухонный стол большую дымящуюся кружку.

Рик сел, так и не выпустив коробки из рук; его лицо сияло все тем же благоговейным изумлением; за долгие годы семейной жизни Айран ни разу не видела мужа таким. Было ясно, что сегодня, за время его отлучки, случилось что-то необычное. И вот теперь он вернулся и принес с собой коробку, где и находится, надо думать, объяснение того, что с ним случилось.

— Я буду спать, — объявил Рик. — Весь день. Я

звонил Гарри Брайанту и получил указание не ходить сегодня на работу, хорошенько отдохнуть. Чем я и намерен заняться.

Он поставил коробку на стол и с явной неохотой, только чтобы не обидеть жену, начал пить кофе.

— Слушай, Рик, а что у тебя в этой коробке? — спросила Айран.

— Жаба.

— А можно посмотреть?

Рик отставил недопитую кружку, развязал коробку и торжественно снял с нее крышку.

— Ой, — испуганно вскрикнула Айран. — А она не кусается?

— Да ты не бойся, возьми ее в руки, — улыбнулся Рик. — Эти твари совсем безвредные, у них и зубов-то нет.

Айран проглотила комок тошноты и послушно приняла из рук мужа холодное, слабо трепыхающееся тельце.

— А я-то считала их вымершими, — сказала она и перевернула жабу на спину, заинтересовавшись ее лапками. — А они тоже скачут, как лягушки? Она не выскочит у меня из рук?

— Нет, — покачал головой Рик, — у жабы слишком слабые лапы. Это и есть главная разница

между жабой и лягушкой — это и вода. Лягушка всегда держится поближе к воде, а жаба может жить даже в пустыне. Вот и эту я тоже нашел в пустыне, на задворках Орегона, где ничто уже и не живет. Дай ее сюда.

Он протянул руку, но тем временем Айран успела обнаружить нечто неожиданное. Все так же держа жабу вверх тормашками, она покопалась ногтем в ее брюхе и вскрыла крошечную управляющую панель.

— О-о-о. — Все ликование сползло с лица Рика, как плохо надетая маска. — Да, понятно. — Поникший и несчастный, он посадил фальшивую жабу себе на ладонь, подергал ее за лапы, словно пытаясь что-то сообразить, а затем вернул на прежнее место, в коробку. — Не понимаю, как могла она оказаться в таком безлюдном месте. Ведь не сама же она прискакала, кто-то ее подбросил, вот только кто и зачем?

— Лучше мне было промолчать, не говорить тебе, что она электрическая.

Чувствуя себя насквозь виноватой, Айран положила руку ему на плечо.

— Нет, — покачал головой Рик, — я рад, что узнал. Точнее говоря, все-таки лучше, что я теперь знаю.

— А ты не хочешь воспользоваться пенфилдовским генератором? Набери что-нибудь хорошее и успокоишься. Ты же в прекрасных отношениях с этим устройством, мне такие и не снились.

— Ничего, обойдусь. — Рик потряс головой, словно пытаясь прочистить себе мозги. — Этот паук, которого Мерсер дал недоумку Изидору, он ведь тоже, наверное, был искусственный. Впрочем, это не так уж и важно. Электрические существа тоже живут своей жизнью — жалконькой, но жизнью.

— Ты совсем измученный, — сказала Айран. — Словно сто миль пешком прошагал.

— Да, — кивнул Рик. — Это был долгий и трудный день.

— Ложись тогда и спи.

— Так, значит, все это кончено? — Он смотрел на Айран с каким-то наивным доверием, словно его собственные слова утратили всякую надежность и не станут правдой, пока она с ними не согласится.

— Да, — сказала Айран, — все уже кончилось.

— Господи, — вздохнул Рик, — это задание превратилось в настоящий марафон. Как только я влез в него, пути назад уже не было. Оно тащило меня силком, пока я не добрался до этих Бейти,

а потом вдруг оказалось, что делать-то больше и нечего. И вот тут-то… — Он помедлил, явно изумленный тем, что собирался сказать. — Тут-то и началось самое плохое. После того как я все кончил. Я не мог остановиться, потому что тогда, если бы я остановился, не осталось бы вообще ничего. Тем утром ты это верно сказала, что я — пустое место, грубый полицейский с грубыми полицейскими лапами.

— Я сказала не совсем так, — улыбнулась Айран, — и вообще я так больше не думаю. Я просто радуюсь, что ты вернулся домой.

Она поцеловала Рика, и его лицо вспыхнуло радостью, почти такой же, как прежде, до того как он увидел, что жаба электрическая.

— Ты думаешь, все это было неправильно? — спросил он. — То, что я сделал за вчерашний день?

— Нет, я так не думаю.

— А вот Мерсер сказал, что это неправильно и что все равно я должен это делать. Странно все как-то получается. Бывает, что лучше делать что-то неправильное, чем правильное.

— На нас лежит проклятие, — сказала Айран. — Вот об этом-то Мерсер и говорит.

— Пыль? — попытался угадать Рик.

— Убийцы, нашедшие Мерсера на шестнадцатом году его жизни, сказали ему, что он уже больше не сможет поворачивать время и возвращать к жизни умершие существа. Поэтому теперь он только и может, что двигаться вместе с жизнью, идти туда, куда идет она, — к смерти. А убийцы швыряют камни. Это они, хотя их и не видно. Так и продолжают его преследовать. Ну а заодно и всех нас. Это что, кто-то из них посадил тебе эту ссадину?

— Да, — устало кивнул Рик.

— Так ты ляжешь сейчас? А я поставлю твоего «Пенфилда» на шестьсот семьдесят.

— А что это такое? — спросил Рик.

— Долгий, заслуженный покой.

Рик встал на гудящие от усталости ноги и побрел в спальню. Его растерянное лицо напоминало поле, на котором разразилась, а после утихла упорная, кровавая битва.

— Долгий, заслуженный покой, — повторил он и как был, в одежде, растянулся на белоснежной простыне, обильно осыпав ее серой прилипчивой пылью.

Тут и «Пенфилд» ни к чему, подумала Айран и нажимом кнопки сделала окна непрозрачными.

Серенький свет, сочившийся с улицы, мгновен-

но померк, но к этому времени Рик уже спал.

Айран посидела немного рядом с кроватью — на случай, если Рик проснется от какого-нибудь кошмара, как то с ним нередко бывало. Убедившись, что муж надежно уснул, она вернулась на кухню.

В стоявшей на столе коробке шуршала и скреблась электрическая жаба. Надо бы узнать, подумала Айран, как за ней ухаживают и что она «ест». Электрических мушек, наверное.

Раскрыв телефонную книгу на «Желтых страницах», она нашла раздел «Животные электрические, предметы для обслуживания», набрала один из номеров и сказала ответившей продавщице:

— Я хочу заказать у вас фунт искусственных мух, которые летают и жужжат, как настоящие.

— Простите, мэм, это вам для электрической черепахи?

— Для жабы, — сказала Айран.

— Тогда я могла бы предложить вам смесь из самых разнообразных ползающих и летающих насекомых, в числе которых будут даже…

— Я ограничусь мухами, — сказала Айран. — И хорошо бы с доставкой. Мой муж сейчас спит, и я не хочу никуда уходить, чтобы с ним ничего не случилось.

— Вашей жабе, — сказала продавщица, — очень пригодится постоянно пополняющаяся лужа, если только это не рогатая жаба, на каковой случай у нас имеется набор, состоящий из песка, разноцветных камешков и кусочков стерильных органических отбросов. И если вы намерены кормить ее регулярно, я бы посоветовала вам поручить нашему отделу обслуживания периодически производить регулировку ее языка. Для жабы это жизненно важно.

— Спасибо, — кивнула Айран, — так я и сделаю. Я хочу, чтобы эта жаба действовала безукоризненно, мой муж очень к ней привязался.

Она продиктовала продавщице адрес и повесила трубку.

И уж тогда, сбросив с плеч последнюю заботу, наконец-то заварила себе кофе.